

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

1970

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. М. Жуков.</i> Некоторые проблемы развития мировой социалистической системы (К вопросу о становлении коммунистической формации)	3
<i>А. И. Недорезов.</i> Четверть века борьбы за социализм (К 25-летию освобождения Чехословакии от фашистской оккупации и установления народно-демократического строя)	10
<i>Антони Пишигоньский</i> (ПНР). Варшавское восстание 1944 года	26
<i>Е. П. Наумов.</i> Пути и тенденции экономического развития Сербии в XIII—XIV вв.	40
<i>С. Никольский.</i> Сюжет и жанр пьесы К. Чапека «Дело Макропулос»	52
<i>Г. П. Клепикова.</i> О некоторых южнославянско-севернорусских лексических параллелях	67

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>В. Д. Королюк.</i> Поэзия Болеслава Лесьмяна в графике А. Е. Голяховской	78
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. И. Лециловская.</i> Современная югославская историография иллиризма	83
<i>П. М. Калениченко.</i> Andrzej Ślisz. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915—1919)	91
<i>И. А. Калоева.</i> «Българо-руски научни връзки XIX—XX век. Документи»	92
<i>А. Е. Москаленко.</i> Полезнейшее начинание	95
<i>Л. Софронова.</i> Источники истории польской материальной культуры	96
<i>Ю. Смирнов.</i> Журнал «Македонски фолклор»	97
<i>И. Ревзин.</i> J. Vachek. Dynamika fonologického systému současně spisovně češtiny	100

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в конце 1968—1969 гг.	104
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1969 г. (продолжение)	108
Содержание иностранных журналов	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Генрик Рехович</i> (ПНР). Силезский научный институт в Катовицах	115
<i>И. В. Совин</i> . Юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ	122
<i>А. С. Львов</i> . Симпозиум, посвященный 1100-летию глаголицы	123
<i>Л. Шахова</i> . Защита диссертации	124
<i>С. Б. Бернштейн</i> . Памяти профессора Стойко Стойкова	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Е. М. ЖУКОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

(К вопросу о становлении коммунистической формации)

Мировая социалистическая система — как комплекс нескольких социалистических государств — сложилась около четверти века назад. С тех пор раскол мира, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, значительно углубился. Капиталистическая система не только перестала быть всеохватывающей, господствующей силой на земном шаре, но ей пришлось серьезно потесниться. Социалистические общественные отношения победили в 14 странах, отличающихся большим разнообразием конкретных социально-экономических и культурных условий строительства социализма. Однако, несмотря на это разнообразие, социализм — как целое — противостоит капитализму, борется и соревнуется с ним, оказывает все возрастающее влияние на направление и ход всемирно-исторического процесса.

Краеугольным камнем марксистско-ленинской теории общественного развития является учение о прогрессивной смене социально-экономических формаций, образующих определенные ступени в поступательном движении человечества.

Объективный ход истории подтверждает теоретические положения основоположников марксизма о том, что на смену последней из антагонистических формаций — капитализму идет коммунизм, представляющий собой неизмеримо более высокую стадию развития общества.

Победа социализма, сперва в СССР, а затем и в других социалистических странах, является конкретным воплощением всемирно-исторического процесса постепенного перехода человечества к коммунизму.

Социализм — первая или низшая фаза коммунистической формации. Развивая мысли Маркса, выраженные им в «Критике готской программы», Ленин дал чрезвычайно точную и глубокую характеристику различий между социализмом и коммунизмом или, точнее говоря, между низшей и высшей фазами единой коммунистической формации.

Ленин подчеркивает, что Маркс последовательно применяет материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма.

Говоря о «ступенях экономической зрелости коммунизма», Ленин делает вывод о том, что на первой своей стадии, т. е. в социалистической фазе, «...коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма»¹.

Социализм как низшая фаза коммунистического общества — «...общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 98.

которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества...»². Полезно напоминать об этом тем фантазерам, которые ждут или требуют полного равенства при социализме или некой мелкобуржуазной абстрактной справедливости. «Справедливости и равенства...» — говорит Ленин, — первая фаза коммунизма дать еще не может...»³.

Вместе с тем Ленин разъясняет, что социализм вовсе не противостоит коммунизму и отнюдь не отделен от него китайской стеной. Социализм — «первая» или низшая фаза коммунистического общества и, замечает Ленин, «поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм»⁴.

Следовательно, социализм — это начало становления и развития коммунистической формации. По мере достижения определенной степени экономической зрелости социализм постепенно перерастает в коммунизм. При этом существенной чертой данного процесса является то, что коммунистическое общество в дальнейшем развивается уже на своей собственной основе, чего не было и не могло быть при строительстве первой фазы коммунизма. Это — немаловажное преимущество.

Известно, что впервые в мировой истории социализм был построен в Советском Союзе. На XVIII съезде Коммунистической партии Советского Союза в 1939 г. было сформулировано положение о том, что Советская страна вступила в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Вторая мировая война затормозила этот объективный процесс. Потребовались новые гигантские усилия и многие жертвы для того, чтобы преодолеть испытания войны, разгромить фашистских агрессоров — ударный отряд империалистической реакции и возобновить коммунистическое строительство.

В послевоенные годы произошло огромное расширение фронта социализма на мировой арене. Строительство первой фазы коммунистической формации завершено или завершается в ряде стран. Характерной чертой этого процесса является подтверждение наличия о б щ и х закономерностей формирования нового общества. Понятно, что это вызывает недовольство у ревизионистских элементов, стремящихся оспорить универсальный характер марксизма-ленинизма, абсолютизировать частное и особенное в ущерб общему. Выдвигается, в частности, гнилая идейка о «моделях» социализма, различных национальных его воплощениях. Нет сомнения в том, что выдвигание «моделей» имеет своей задачей затушевать то всеобщее, интернациональное, что и составляет сущность социализма (не говоря уже о том, что нелепо говорить о «моделировании» живых революционных процессов, в которых проявляется творческая инициатива и энергия широчайших народных масс).

Пути к социализму могут быть различными, но социализм — как определенная социально-экономическая система, как первая фаза коммунистической формации — единое понятие.

Изобретение искусственных «национальных моделей» социализма объективно направлено на разъединение сил революционного рабочего класса, на подрыв пролетарского интернационализма.

Современное развитие мировой социалистической системы дает основания для постановки вопроса, имеющего принципиальный, «мировоззренческий» характер, — о становлении коммунистической формации.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 92.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 98.

Разумеется, речь идет в основном и главным образом о социализме, об установившихся в нескольких странах развитых социалистических отношениях, свойственных низшей фазе коммунизма. Но хотелось бы сделать попытку подойти к рассмотрению именно «формационного» аспекта развития и укрепления мирового социализма.

Ленин неоднократно предостерегал против упрощенного представления о существовании социально-экономической формации, которая отнюдь не сводится к устойчивому и более или менее гармоничному соотношению («соответствию») производительных сил и производственных отношений. Ленин настойчиво подчеркивал положение о живой диалектической связи между базисом и надстройкой, между экономикой и политикой.

Социально-экономическая формация — это диалектическое единство экономики, политики и идеологии. Говоря о капиталистической формации, Ленин требовал изучения ее как сложного комплекса, указывал на необходимость рассматривать данную «...формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁵.

Тесная связь и взаимозависимость базиса и надстройки, экономики и политики, политики и идеологии не носит, разумеется, механического характера. Надстройка не может быть безразлична к базису; в к о н е ч н о м с ч е т е она всегда им определяется. Но она сама достаточно активна и подвижна и способна влиять на базис.

Эти общие положения приобретают особую актуальность, когда мы обращаемся к рассмотрению возникающих и развивающихся социалистических общественных отношений.

Среди стран, входящих в мировую социалистическую систему, имеются как высокоразвитые в индустриальном отношении, так и среднеразвитые страны и, наконец, даже страны со значительным преобладанием аграрной экономики и сравнительно небольшим удельным весом промышленности. Но практически для всех этих стран характерна особая, активнейшая роль политической надстройки, которая создается в ходе социалистической революции и которая в известном смысле обеспечивает необходимые условия для складывания нового базиса, опережая его формирование.

Диктатура пролетариата — в какой бы конкретной форме она ни выступала — обязательное условие успешного строительства социализма.

Говоря о соотношении экономики и политики, Ленин раскрывает диалектическую связь между этими двумя категориями своей известной формулой: «Политика — это концентрированная экономика»⁶.

В социалистическом государстве в силу его организованных п л а н о в ы х д е й с т в и й, направленных на строительство социализма, взаимопроникновение политики и экономики неуклонно возрастает. И естественно, что оно еще больше усиливается после завершения строительства основ социализма, по мере достижения новым общественным строем определенной степени экономической зрелости и по мере постепенного перехода его от низшей к высшей фазе коммунистической формации. Успешное коммунистическое строительство в СССР было бы невозможно без единства политики и экономики, без взаимосвязанных и взаимообусловленных социально-политических и хозяйственных мероприятий, находя-

⁵ В. И. Ленин. Там же, т. 1, стр. 139.

⁶ В. И. Ленин. Там же, т. 45, стр. 123.

щих прямое или косвенное отражение во всех сферах общественной активности.

Утверждение Роже Гароди о том, что в советском обществе социалистические достижения присутствуют лишь в экономике, в базе и совершенно отсутствуют или по крайней мере отстают в сфере политической надстройки — не только носит клеветнический характер, но свидетельствует о разрыве Гароди с марксизмом, об абсолютном непонимании им диалектики общественного развития.

Экономические достижения Советского Союза, направленные на строительство материально-технического фундамента высшей фазы коммунистической формации, невозможно оторвать от столь же реальных достижений в области науки, культуры, идеологии, политики.

То же относится, без сомнения, и к другим социалистическим странам, успешно выполняющим и перевыполняющим свои целенаправленные народнохозяйственные планы.

Исторический опыт показывает, что случаи нарушения, срыва диалектического единства экономики и политики не могут не сказаться на объективных показателях как экономического, так и всякого другого порядка. Неправильная политика, примеры которой нетрудно привести и из истории социалистических стран, неспособна обеспечить планомерное поступательное движение в хозяйственной или культурной сфере. Современная практика китайского руководства достаточно наглядно показывает, что отход от классовой пролетарской, интернационалистской политики оказал пагубное тормозящее воздействие на экономические, социальные и культурные процессы, присущие строительству социализма, создал прямую угрозу деформации социалистических производственных отношений в этой крупнейшей стране.

Успешное социалистическое строительство требует не только вполне определенных материально-технических предпосылок (определенного уровня промышленности), субъективного фактора (рабочего класса, обладающего необходимой степенью политической зрелости и организованности, способного вести за собою непролетарские слои трудящихся), но и правильного, научного политического и идеологического руководства, стоящего на марксистско-ленинских интернационалистских позициях.

Немалый теоретический и практический интерес представляет вопрос об ускорении темпов прогрессивного развития социалистических стран в их содружестве, в их братском интернациональном единстве.

Исторический опыт показывает, что в эпоху поднимающегося капитализма, в условиях его борьбы с феодальными и другими добуржуазными институтами, отдельные капиталистические страны, вырвавшиеся вперед, как правило, выступали самостоятельно, изолированно. Складывавшаяся капиталистическая система — как целое — никогда не противостояла феодализму. Наоборот, исторические факты говорят о том, что буржуазные государства нередко вступали в тесные союзные отношения с весьма реакционными даже для той эпохи феодальными и полуфеодальными режимами.

В этом нет ничего удивительного. Развитие капитализма всегда было стихийным процессом. Капиталистические общественные отношения первоначально конструировались и наиболее успешно развивались в рамках национальных государств. Подымающаяся буржуазия стремилась к закреплению за собой национального рынка, обеспечивавшего ей свободу предпринимательства, конкурентоспособность и все прочие буржуазные свободы у себя дома. Но эта же буржуазия отнюдь не была заинтересована в том, чтобы особо благоприятные условия для капиталистической эксплуатации существовали и развивались у соседа. Напротив, она рассчитывала извлечь немалые выгоды — и нередко их извлекала — из фак-

та отсталости, преобладания архаичных форм производственных отношений в других странах. Хорошо известно, что эти реакционные тенденции не ослабевали, а возрастали по мере укрепления капитализма. Постоянная погоня за прибылью толкала буржуазию на внешнюю экспансию, на торможение нередко опасного для ее кармана «невыгодного» прогрессивного развития других стран, на сознательную поддержку и эксплуатацию наиболее отсталых социально-экономических порядков. Характерно, что уже в XIX веке, особенно к столетию великой французской буржуазной революции, появилась довольно обширная литература, которая специализировалась на умалении, отрицании, осмеянии классических формул буржуазного демократизма. Реакционная буржуазия стала стыдиться лозунгов «свободы, равенства и братства», как совершенно непростительных юношеских увлечений. (Кстати, такая же судьба постигла и чересчур «радикально» звучащие сейчас документы американской буржуазной революции XVIII века).

Стало быть, развитие капиталистической системы и становление капиталистической социально-экономической формации происходили стихийно, чем создавали дополнительные условия для усиления неравномерности экономического и политического развития.

Спрашивается, как же обстоит дело с социалистической системой? Известно, что она складывается путем постепенного отпадения от капиталистической системы отдельных стран — наиболее слабых звеньев этой системы. Ленин теоретически доказал — и жизнь это подтвердила, — что в силу неравномерности политического и экономического развития при империализме одновременная победа социализма во всех странах невозможна. Но из этого следует, что переход от капитализма к социализму предполагает сравнительно длительную историческую полосу их сосуществования, которое отнюдь не является параллельным развитием, а служит формой соревнования и борьбы. Рост, укрепление, консолидация молодой социалистической системы объективно являются фактором расшатывания, ослабления, в перспективе и дальнейшего распада капиталистической системы. На наших глазах протекает чрезвычайно поучительный процесс ликвидации колониальной системы империализма. Развертывается борьба за направление движения, за ориентацию развивающихся стран. Большинство этих стран находится еще на распутье, но немалая часть уже явственно тяготеет к сближению, а в перспективе, очевидно, и к слиянию с мировой социалистической системой.

Может ли быть — в условиях острой борьбы двух систем — обеспечено быстрое, планомерное развитие социалистических стран, если они будут выступать на мировой арене изолированно друг от друга, разобщенно? Распространяются ли закономерности развития капитализма на социалистические отношения?

Ответ на эти вопросы может быть только отрицательным.

Социализм — первая фаза коммунистической формации — принципиально противоположен капитализму, хотя и вырос на его основе.

Смена феодализма капитализмом представляла собою замену одного типа эксплуататорских отношений другим. И феодальная и капиталистическая формации при всем их большом различии — представляют собою различные ступени развития общества на глубоко антагонистической классовой основе. Отсюда вытекает, что борьба между ними не могла носить столь острого и всеобъемлющего характера, как борьба между капитализмом и коммунизмом.

Коммунистическая социально-экономическая формация открывает рубеж, отделяющий, говоря словами Энгельса, предысторию человечества от его подлинной истории. Общество начинает преодолевать стихийность

исторического процесса, управлять этим процессом, определять темпы и пропорции своего собственного развития.

С победой социализма преодолевается и национальная ограниченность, партикуляризм, свойственные буржуазному обществу. Строительство социализма не может не носить интернационального характера. Это вытекает прежде всего из самой природы социализма, а также из практической необходимости объединенным фронтом противостоять постоянным контрреволюционным, рваншистским, агрессивным поползновениям империализма, поскольку капиталистическая система не уступает и никогда добровольно не уступит своих позиций.

Становление коммунистической формации — в противоположность капиталистической — ведет не к углублению экономической и политической неравномерности, а к ее ослаблению, к постепенному подтягиванию менее развитых стран до уровня более передовых. Естественно, что это предполагает теснейшее сотрудничество, братскую взаимопомощь, различные виды интеграции социалистических государств. Именно на этом базируется теоретический вывод о более или менее одновременном переходе социалистических стран к коммунизму.

В настоящее время существуют еще значительные различия в уровне экономического развития стран, входящих в мировую социалистическую систему.

Среди социалистических стран имеются такие, где рабочий класс пока еще составляет сравнительно узкую прослойку населения, а основная масса населения — городская и сельская мелкая буржуазия. Хотя руководящая роль рабочего класса не зависит от его численности, тем не менее — это создает некоторые дополнительные трудности. Поэтому для стран с преимущественно мелкобуржуазным составом населения особенно важно поддерживать теснейший идейно-политический, экономический и культурный контакт с другими социалистическими странами, имеющими более высокий промышленный потенциал и более опытные и закаленные кадры рабочего класса.

Преодоление различий в уровне экономического развития возможно только на основе расширения и углубления всестороннего сотрудничества, которое в конечном итоге должно привести к укреплению содружества социалистических государств — как целого, противостоящего капитализму.

Будучи революционным диалектиком, непримиримым врагом шаблона, Ленин призывал не копировать слепо опыт одних стран, а творчески исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к проявлению единой всемирно-исторической закономерности⁷.

Но Ленин вместе с тем никогда не призывал к абсолютизации или к консервации национально-особенного. Ленин говорил о разных подходах к социализму, а вовсе не о том, что должны существовать разные «социализмы».

Это относится как к живой практике социалистического строительства, так и к теории. Вопреки потугам ревизионистов доказать обратное, не существует никаких разных «национальных марксизмов».

Марксизм-ленинизм — единое, интернациональное революционное учение, освещающее путь международному пролетариату и всем трудящимся в борьбе за коммунизм.

Процесс становления и развития коммунистической формации можно рассматривать в двух аспектах — в международном и применительно к судьбам одной, отдельно взятой страны. Разумеется, не только социали-

⁷ В. И. Ленин. Там же, т. 41, стр. 77.

стическое, но и коммунистическое общество может быть построено в рамках и одной страны. Это совершенно неоспоримо в отношении такой, например, крупной страны, как СССР, обладающей огромными, поистине неисчерпаемыми внутренними ресурсами, гигантской собственной базой для развертывания коммунистического строительства, для перерастания социализма в коммунизм. Но если взять небольшую социалистическую страну, такую, например, как Албания — с весьма ограниченными внутренними ресурсами, то маловероятно, чтобы она могла самостоятельно, изолированно, без опоры на другие социалистические страны, без их поддержки, построить коммунизм. Очевидно, в данном случае, как и в других аналогичных ситуациях сакраментальный лозунг «опоры на свои собственные силы» лишен реального значения и выдвигается лишь как антитеза курсу на тесное сотрудничество и сплочение всех социалистических стран.

Становление и развитие коммунистической формации в международном масштабе — как результат более или менее одновременного достижения группой стран необходимой степени экономической зрелости — имеет неоспоримое преимущество. Оно заключается не только в более широком количественном и пространственном (территориальном) охвате, но и в обеспечении более высоких темпов реализации преимуществ передового общественного строя. Победа коммунизма в нескольких странах необычайно ускорит переход от капитализма к социализму в глобальном, мировом масштабе.

Социально-экономическая формация — определенная прогрессивная ступень в историческом развитии человечества.

Нет сомнения в том, что всемирно-исторический процесс, несмотря на все временные зигзаги, повороты и препятствия, развивается в правильном направлении. За первой фазой коммунистической формации последует вторая, высшая ее фаза. Социалистические отношения, утвердившиеся на значительной части нашей планеты, набирают силу. Сбываются ленинские слова о том, «...как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»⁸.

Развитие социалистической системы, оказывающей все большее влияние на ход мировой истории, — наглядное подтверждение жизненности марксистско-ленинской теории о прогрессивной смене социально-экономических формаций, как основе поступательного движения человечества, закономерно ведущего к коммунизму.

⁸ В. И. Ленин. Там же, т. 33, стр. 99—100.

А. И. НЕДОРЕЗОВ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

(К 25-летию освобождения Чехословакии от фашистской оккупации и установления народно-демократического строя)

Четверть века прошло с тех пор, как вместе с последними залпами войны рухнуло господство гитлеровцев в Чехословакии. Более шести лет над этой страной простиралась ночь фашистской оккупации. И есть что-то символическое в том, что ее народы отмечают теперь свой государственный праздник 9 Мая, в день всемирного праздника победы над германским империализмом — их извечным врагом.

Возрождение чехословацкого государства не было простым актом восстановления status quo, как это имело место в Западной Европе, где ликвидированные гитлеровцами национальные государства были восстановлены на прежней буржуазной социально-экономической и политической основе. В Чехословакии в ходе ее освобождения начался глубокий революционный процесс преобразования общества, в результате которого возникла качественно новая социально-политическая система — народная демократия, к власти пришел рабочий класс в союзе с другими трудящимися классами и слоями общества. В свете этого революционного переворота тем большее значение приобретают события весны 1945 г. в Чехословакии.

Многие факторы обусловили это историческое явление. Одним из них было полное поражение ударной силы реакции в Европе — фашизма при решающей роли СССР в его разгроме и в освобождении Чехословацкой республики. Это значительно облегчило и ускорило процесс перехода на социалистический путь развития ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Следует также иметь в виду, что развитие чехословацкого буржуазного общества в межвоенный период привело к утрате морально-политического престижа господствующими классами, обречшими экономику страны на застой, а народные массы — на низкий жизненный уровень и повседневный страх за свое будущее. Более того, в дни Мюнхена 1938 г. эти классы, капитулировав перед фашистской Германией и западными державами, фактически предали национальные интересы, а в годы оккупации запятнали себя сотрудничеством с захватчиками, чем еще более дискредитировали себя в глазах народных масс. В то же время рабочий класс, будучи самым последовательным борцом за национальные интересы и социальное освобождение трудящихся, сумел в годы войны и оккупации сплотить вокруг себя широкие антифашистские силы и создать блок патриотических сил, политической формой которого стал Национальный фронт чехов и словаков. Руководящая роль рабочего класса в движении Сопротивления привела к тому, что создание в апреле 1945 г. правительства Национального фронта по существу означало переход власти в руки политических представи-

телей рабочего класса, крестьянства, ремесленников, интеллигенции и антифашистских кругов буржуазии. Этот революционный акт был завершен переходом власти на местах в руки демократических представительных органов — национальных комитетов.

Правительство Чехословакии руководствовалось Копицкой программой, разработанной КПЧ и принятой другими партиями Национального фронта.

На этом этапе революции власть была вырвана из рук чужеземных захватчиков, но при этом не была возвращена крупной буржуазии, безраздельно обладавшей ею с момента образования Чехословакии в 1918 г. до начала гитлеровской оккупации, а перешла в руки широких масс чешского и словацкого народов. Ведущая роль рабочего класса в национально-освободительном движении была реализована в его руководящую роль в Национальном фронте, а следовательно и в государстве.

Но буржуазия сохраняла еще значительное влияние на массы. В ее руках оставались средства производства, что было первопричиной острейших классовых антагонизмов. Чтобы идти дальше по пути общественного прогресса, нужно было устранить главное противоречие: экспроприровать экспроприаторов и передать средства производства в руки народа — привести производственные отношения в соответствие с общественным характером производства. Достижение этой цели зависело от революционного напора рабочего класса, политической зрелости и мудрости коммунистической партии — организатора революционного наступления масс. Немалое значение имело и то, насколько сильным будет сопротивление осуществлению революционных мероприятий со стороны самой буржуазии, в частности ее представителей в органах власти. Иными словами, революционной практике предстояло ответить на вопрос: можно ли и далее идти широким антифашистским фронтом, включавшим в себя и буржуазные элементы? Было ясно, что без острой политической борьбы решить глубокие классовые противоречия невозможно. Клемент Готвальд определил в 1945 г. смысл этой борьбы следующими словами: «Начинается борьба за руководство, за душу нации между нами и предательской крупной буржуазией. Это борьба идеологическая, политическая, административная, экономическая, борьба за власть, короче говоря — борьба на всех фронтах»¹.

Такая борьба и стала основным содержанием всего трехлетнего периода до февраля 1948 г. В других формах партия вела ее и в послефевральский период. В последнее время она приняла по ряду причин особенно острый характер, напомнив нам снова многое из того, что имело место в начале чехословацкой революции.

В наши дни нельзя не вспомнить прозорливые слова Клемента Готвальда, сказанные им еще в апреле 1945 г., что противники КПЧ не остановятся перед тем, чтобы «дискредитировать как отдельных коммунистов, так и партию в целом»². Такая дискредитация являлась главной целью врагов КПЧ в послевоенные годы. К ней они прибегли и спустя двадцать лет после сокрушительного поражения в феврале 1948 г.

Первые революционные преобразования, осуществленные в 1945—1946 гг., казалось, создавали почву для самых оптимистических прогнозов в отношении сотрудничества КПЧ со своими партнерами по Национальному фронту. Деморализованная крахом германского, итальянского и японского империализма дискредитированная коллаборацией с окку-

¹ К л е м е н т Готвальд. Избранные произведения, т. II, М., 1957, стр. 111.

² Там же, стр. 82.

пантами, чехословацкая буржуазия не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления таким революционным мерам, как введение национального управления и национализация крупных предприятий, банков и страховых обществ (октябрь 1945 г.), хотя национализация в таком объеме являлась серьезным ударом по ее позициям. Однако буржуазия рассчитывала и на то, что национализация в сфере первичного производства (добыча сырья, угля, металлургия) в тех размерах, как было намечено в декретах, при сохранении в ее руках значительного числа предприятий обрабатывающей промышленности, позволит увеличить норму прибылей за счет государственного сектора.

Буржуазные представители попытались при реализации декретов президента республики о национализации сохранить буржуазии все, что только было возможно. Однако они мало преуспели в этом. Через своих представителей в парламенте и правительстве, применяя прямое давление (забастовки), революционные массы добились последовательного осуществления декретов. К концу 1946 г. на государственный сектор пришлось две трети промышленного производства, и это были ключевые отрасли промышленности. В руки народа перешли также и все банки и страховые общества.

Это первое мощное вторжение пролетариата в сферу капиталистической собственности привело к появлению социалистического сектора, что создавало предпосылки для планового хозяйства и развертывания социалистического строительства. Революция зримо поднялась на новую ступень в своем развитии — начались социалистические преобразования. Осуществляемая параллельно с этим земельная реформа, в результате которой было передано крестьянству и государству более 3 млн. га земли и лесов, еще более укрепила социально-экономический базис нового строя. Инициатор этих мер КПЧ снискала новые симпатии широких масс трудящихся.

Увидев в этих преобразованиях угрозу самому капиталистическому строю, буржуазия стала предпринимать все более настойчивые попытки остановить революционный процесс. Выполнение этой задачи возлагалось на некоммунистические партии, аккумулировавшие в своих рядах анти-социалистические элементы. Характерно и то, что реформистские партии, в частности национально-социалистическая, ставили целью завоевать на свою сторону в первую очередь рабочий класс, справедливо полагая, как говорилось в одном из меморандумов руководства партии, относящемся к началу 1946 г., что «самой сильной будет та партия, которая является самой сильной в этом слое». В этом меморандуме определялась тактика борьбы против коммунистической партии. «Из характера современного политического процесса вытекает, что конец постоянного напряжения наступит только тогда, когда КПЧ или победит, или будет поставлена (буквально — загнана А. Н.) в такое малозначительное положение, что можно будет не считаться с ее голосом (как в Великобритании или Австрии)»³.

Тактика национально-социалистической партии предусматривала «напор там, где КПЧ проявляет свою слабость и допускает ошибки принципиального характера, состоящие в провоцировании беспричинных революционных конфликтов. Нужно исходить из реальности, заключающейся в том, что рабочий класс не желает революцию, так как не имеет причин для нее». Эти положения определяли два направления наступления чехословацкой национально-социалистической партии: «А. Борьба против КПЧ, прежде всего средствами печати; В. Набор в партию, опираю-

³ V. K r a l. Cestou k ùnoru. Dokumenty. Praha, 1963, s. 140.

щийся на продуманную организацию членской массы и сторонников»⁴.

Таким образом реформистская партия, полагавшая, что для революции нет причин, объявляла войну революционным силам общества.

Первая общественная проба политических сил состоялась на парламентских выборах 1946 г. Буржуазия обманулась в своих надеждах. Коммунистическая партия — вдохновитель революционных преобразований, насчитывавшая в то время в своих рядах уже свыше миллиона членов, заняла первое место среди всех других партий республики. Однако то обстоятельство, что она не получила абсолютного большинства голосов, осложняло политическое положение в стране. В Словакии, где преобладало католическое крестьянское население, внушительное большинство получила демократическая партия (62% голосов), в то время как компартия получила 30% голосов⁵.

То обстоятельство, что почти половина голосов в целом по республике была отдана за национально-социалистическую, народную и демократическую партии, свидетельствовало о еще существенном влиянии этих партий на трудящихся. В органах власти и после выборов не имелось еще устойчивого революционного большинства.

Такая обстановка возникла в результате колебаний крестьянства и мелкой буржуазии города, которые еще питали определенное недоверие к коммунистам и иллюзии в отношении мелкобуржуазных и реформистских партий. Вскоре они получили возможность убедиться в своих заблуждениях.

Коммунистическая партия устремила все свое внимание на созидательную работу по выполнению двухлетнего плана развития и восстановления разрушенного войной народного хозяйства, по проведению дальнейших революционных преобразований, по улучшению материального положения трудящихся, а в области внешней политики — на укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, т. е. развитие и углубление революционного процесса. Политическая линия буржуазных партий, наоборот, все более приобретала характер враждебной народу деструктивной деятельности. Лозунг лидеров буржуазии «чем хуже, тем лучше» (т. е. чем хуже для республики, для народа, тем лучше для нее, для буржуазии) стал проводиться на практике во все возрастающем масштабе. Хозяйственный саботаж сочетался с попытками срыва дальнейших преобразований. Острый характер приобрела в конце 1946 и в первой половине 1947 г. борьба за принятие Учредительным Национальным Собранием шести сельскохозяйственных законопроектв, имевших целью улучшение положения крестьянства и дальнейшее ограничение помещичьего землевладения.

Используя свои позиции в министерстве внешней торговли (министром был член национально-социалистической партии Г. Рипка), реакция добивалась расширения экономических связей с капиталистическим миром, за счет ослабления и без того еще пока слабых связей с СССР. В конечном счете это привело к огромному дефициту внешнеторгового баланса, который составил за первые пять месяцев 1947 г. в торговле с США 975,7 млн крон⁶, в торговле с Англией — 482,2 млн крон. Засуха 1947 г. и провозглашение плана Маршалла — плана борьбы с революционным движением и поддержки капиталистических порядков в Европе — способствовали дальнейшей активизации буржуазных сил Чехословакии. Все это свидетельствовало о нарастании политических разногласий между партиями На-

⁴ Ibid.

⁵ «Statisticka príručka slovenska», 1947, s. 306.

⁶ «K otázce účasti Československa na Marshallově plánu». — «Revue dějin socialismu», 1968, № 1, s. 94.

ционального фронта, в основе которых лежали антагонистические противоречия между рабочим классом, борющимся за социализм, и буржуазией, пытавшейся воспрепятствовать революционным преобразованиям. Конфликт между пролетариатом и буржуазией в Чехословакии являлся составной частью общей борьбы между социализмом и капитализмом в международном масштабе.

В условиях развивающегося революционного процесса реформистские партии, быстро завершая свою эволюцию, все более отодвигались на правый фланг и смыкались с контрреволюционным фронтом. Острые политические схватки следовали одна за другой. Вслед за борьбой в парламенте за принятие сельскохозяйственных законов, в том числе закона о ревизии земельной реформы 1919 г., последовала битва вокруг закона об обложении дополнительным налогом тех капиталистов, чье состояние превышало один миллион крон. В стране насчитывалось тогда около 38 тысяч лиц этой категории. Этот налог предполагалось использовать для помощи крестьянам. И эту меру, как и сельскохозяйственные законопроекты, компартии удалось осуществить только благодаря давлению масс, к которым она апеллировала после того, как министры-некоммунисты сорвали принятие законопроекта правительством. Таким образом буржуазные представители пытались использовать свои позиции в правительстве и систему парламентаризма для торможения революции. Не рассчитывая на победу над компартией в открытом бою, «при свободной игре политических сил», реакция переходит к организации политического переворота.

Главным организатором его выступала национально-социалистическая партия, которой буржуазные круги оказывали щедрую денежную поддержку⁷.

Лидеры партии строили свои расчеты на том, что в руках класса буржуазии оставались еще важные позиции в экономике, в органах власти и серьезное влияние в области идеологии. И для этого имелись основания. Достаточно указать на то, что в стране было 117 тыс. владельцев ремесленных предприятий, 82 тыс. владельцев мелких магазинов, 32 тыс. трактирщиков и т. п. В целом только в Чешских землях насчитывалось 300 тыс. мелких и средних ремесленных, торговых и транспортных предприятий, на которых работало более 877 тыс. человек. Согласно сообщению министра промышленности, осенью 1946 г. 45% всех работающих было занято в ремесленных и мелких торговых предприятиях⁸. Эта масса мелких предпринимателей и занятых у них рабочих наряду с частью интеллигенции, служащих и частично средних предпринимателей в промышленности и сельском хозяйстве была той социальной средой, где находили благоприятный отклик идеи социального реформизма, «национального социализма», «демократического пути к социализму» и т. п., которые усиленно распространяли национально-социалистическая партия и правое крыло социал-демократии.

В ходе революции эти слои были подвержены колебаниям, склонны к соглашательству с крупной буржуазией. Одобряя национализацию, они готовы были порицать те меры, к которым прибегала народная власть ради защиты интересов наемных рабочих, для пресечения спекуляции и т. п. Заметим, что эта масса бывших ремесленников и торговцев снова послужила той средой, в которой нашли широкий отклик реформистские и оппортунистические идеи «образца 1968 года».

Коммунистическая партия стремилась парализовать влияние реформистских партий на эти слои путем ряда мер, ставивших мелких предприни-

⁷ См.: V. K r a l. Ibid., s. 30.

⁸ «Československá revoluce v letech 1944—1948. Sborník příspěvků z konference historiků u 20 výročí osvobození CSR». Praha, 1956, s. 276—277.

мателей в более выгодное положение по сравнению с крупными и средними (налогообложение, снабжение сырьем), способствовавших их более эффективному включению в общественное производство.

Что касается общей картины идеологического влияния некоммунистических партий, то некоторое представление об этом могут дать тиражи их периодической печати. В конце 1947 г. центральные и пять областных газет компартии, а также находившиеся под ее влиянием газеты («Праце», «Млада фронта» и другие) имели тираж 1 130 000 экз. Пять газет национальных социалистов имели тираж 450 тыс., находившиеся под их влиянием «культурные» газеты — 200 тыс., четыре газеты лидовцев — 270 тыс. экз. Итого общий тираж ежедневных газет только этих двух партий составлял 920 тыс. Сюда следует добавить некоторые материалы ежедневных газет социал-демократии, составлявших 360 тыс. экз.⁹ Все это свидетельствовало о значительных средствах идеологического воздействия на массы, находившихся в руках некоммунистических партий, хотя в целом их влияние падало.

Во внешнеполитическом аспекте реакция делала ставку на морально-политическую поддержку буржуазных кругов Запада, которые стремились всеми средствами подорвать влияние СССР как главной опоры революционных сил и всячески помочь консервативным элементам в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Начиная с 1946 г. в американской и английской политике все сильнее проявлялись направления, получившие вскоре наименование «холодной войны».

И, несмотря на то, что СССР неуклонно соблюдал верность Потсдамским соглашениям, а проводимая западными державами политика создания сепаратного западногерманского государства, чреватая опасностью возрождения германской агрессии, явно противоречила национальным интересам страны, чехословацкие буржуазные деятели пытались ставить на одну доску политику СССР и западных держав¹⁰.

Не отваживаясь в это время выступать перед общественностью с откровенными нападками на СССР, на союз и дружбу с ним, идеологи чехословацкой буржуазии маскировали свою подрывную деятельность против этого союза пущенной в оборот идеей «моста». Чехословакия, по их мнению, должна была играть роль «моста», своеобразного буферного государства между Востоком и Западом, т. е. между СССР и капиталистическим миром. Игнорируя горький исторический опыт (известно, к чему привела западная политика «нейтрализации» Чехословакии в 1939 г. после Мюнхена), реакционеры стремились превратить ее из союзника СССР в «нейтрала».

Как видим, идея «наведения мостов» появилась в буржуазной идеологии уже в первые послевоенные годы. Позже эта идея займет важное место в идеологической обработке населения всех социалистических стран. Буржуазной пропаганде нельзя отказать как в определенной последовательности, так и в догматизме, т. е. приверженности к своим старым идеям и теориям. Еще более выразительно проявилась внешнеполитическая позиция сторон, когда возник вопрос об отношении Чехословакии к плану Маршалла. План Маршалла имел не только явную антисоветскую направленность, но и преследовал цель разбить складывавшееся сообщество европейских социалистических государств и перетянуть их снова в капиталистический лагерь. И тем не менее, по настоянию Э. Бенеша и министров некоммунистов, Чехословакия, несмотря на отрицательную позицию СССР, приняла приглашение участвовать в заседании, где обсуждались условия этого плана. После того, как Советское правительство и другие социали-

⁹ J. Neumannova. K pounorovym promenam kulturni politiky. «Revue dějin socialismu», 1969, № 6, s. 833.

¹⁰ «K otazce účasti Československa Marshallově plánu». Ibid., s. 82.

стические страны еще раз со всей определенностью выразили свое отрицательное отношение к плану, чехословацкое правительство также отказалось от мысли послать своего представителя в Париж. Однако в выступлениях таких министров, как Я. Странский и П. Зенкл (национальные социалисты), А. Прохазка и Я. Копецкий (людовцы), Ян Урсини (демократ), прозвучало явное сожаление, когда рассматривалось предложение об отказе участвовать в обсуждении плана Маршалла ¹¹.

Такая их позиция, собственно, была вполне объяснимой, если учесть, что деятельность этих партий в это время тайно направлялась и корректировалась американским и английским посольствами, т. е. госдепартаментом и Форин Оффисом. Об этом свидетельствует, в частности, такой факт. На заседании центрального исполнительного комитета национально-социалистической партии 31 октября 1947 г. было констатировано следующее: «Мы видим ошибки, которые допускаются американскими учреждениями в оккупированной Германии в отношении нашего государства. Брат министр Рипка замечает, что в последнее время американские и британские представители в ЧСР были информированы нашим братом председателем (Зенклом. — А. Н.) о том, что их действия в отношении нас (т. е. в отношении ЧСР. — А. Н.) могут быть использованы в своих целях коммунистической партией» ¹².

Характерно, что Зенкл обращал внимание представителей США и Англии не на угрозу национальным интересам Чехословакии, а на то, что действия этих держав по созданию сепаратного германского государства могут быть использованы КПЧ для разоблачения антинациональной направленности политики соглашения с Западом, проводимой буржуазными партиями.

Из этих фактов видно, от кого исходила инициатива нарушения и последующего срыва сотрудничества антифашистских сил. Как и в международном масштабе, инициатива такого срыва исходила от консервативных буржуазных сил, напуганных развертыванием революционного процесса, боящихся утраты дальнейших позиций, а посему поставленных диалектикой революции и логикой событий перед необходимостью перехода к контрреволюционным действиям.

Реакционные элементы видели главного врага в коммунистической партии — вдохновителе и организаторе революционного пролетариата. Антикоммунизм становится осью всей их как идеологической, так и политической деятельности. Приведем несколько примеров, наглядно характеризующих это. Руководство национально-социалистической партии летом 1947 г. встретилось с реакционно настроенными высшими офицерами армии. Было решено добиваться устранения коммунистов с руководящих постов в армии, что было одобрено и президентом Э. Бенешем ¹³.

На происходившем одновременно совещании руководства партии в Карловых Варах было принято решение о создании антикоммунистического блока с народной, социал-демократической и демократической партиями Словакии. И этим решением стали руководствоваться все центральные, областные и районные органы партии. Ради сколачивания этого блока национальные социалисты взяли под защиту руководителей демократической партии, уличенных осенью 1947 г. в участии в контрреволюционном заговоре против республики.

В официальном сообщении словацкого ведомства (поверенництва) внутренних дел указывалось, что установлены факты попыток деятелей демо-

¹¹ Ibid., s. 97—100.

¹² Ibid., s. 92.

¹³ V. K r a l. Ibid., s. 206.

кратической партии организовать боевые отряды для вооруженного восстания против Чехословацкой республики, факты сотрудничества с бандеровцами и тайного направления в их банды словаков, распространения материалов враждебной пропаганды из-за границы, организации террористической деятельности и саботажа¹⁴. Это сообщение, подтвержденное фотографиями складов оружия, нелегальной печати и листовок, вызвало среди чехословацкой общественности бурю возмущения.

15 сентября Президиум ЦК КПС принял решение организовать массовые демонстрации в защиту республики¹⁵.

На многочисленных демонстрациях словацких трудящихся, на съездах заводских советов Словакии, представителей крестьянских комиссий словацкий народ потребовал устранения участников и вдохновителей заговора из органов власти. Соответствующие меры, проведенные в октябре 1947 г. в Корпусе уполномоченных и в органах власти на местах, ослабили силы реакции в Словакии. Однако эта неудача не отрезвила реакционные силы. Они не оставили своих замыслов устранить коммунистов из органов власти и полностью захватить их в свои руки.

Компартия внимательно следила за действиями контрреволюционеров. На пленуме ЦК КПЧ в ноябре 1947 г. Клемент Готвальд заявил о возможности антигосударственного путча чехословацкой буржуазии и призвал партию и народ к бдительности¹⁶. Вместе с тем партия держала твердый курс на проведение дальнейших революционных преобразований. Политическое развитие общества характеризовалось по-прежнему последовательным наступлением революционных сил на позиции буржуазии.

Руководители национально-социалистической партии, ободренные победой правого крыла на съезде партии социальной демократии в ноябре 1947 г., стали теперь все более откровенно саботировать проведение дальнейших революционных мер и сколачивать антикоммунистический блок. Так, 12 февраля сельскохозяйственный комитет Учредительного Национального Собрания отказался обсуждать законопроект о новой земельной реформе. Вслед за тем консервативные силы перешли в открытую атаку. Они попытались свергнуть народно-демократическое правительство и создать буржуазное правительство без коммунистов. Однако их расчеты строились без учета реального соотношения классовых сил в стране. За такой просчет чехословацкая буржуазия поплатилась сокрушительным поражением. Одновременно это было поражением мировой буржуазии. Являясь составным элементом мирового революционного процесса, победа социалистической революции в Чехословакии в феврале 1948 г. была триумфом политики КПЧ, творчески применившей марксизм-ленинизм в новых условиях, при изменившемся соотношении сил в пользу социализма. В борьбе против наступления реакции была создана народная милиция — вооруженная сила рабочего класса, готовая защищать дело революции и социализма с оружием в руках, организованы комитеты действия в министерствах в некоммунистических партиях и других организациях Национального фронта. Высокая боеспособность партии в дни Февраля, ее инициативность, понимание настроений народных масс и умелое руководство ими характеризуют действия КПЧ в те дни как образец действий партии ленинского типа, обеспечивших в стране победу социалистической революции. Под руководством КПЧ рабочий класс нанес решающее поражение своему главному врагу в борьбе за мирное преобразование строя народной демократии в диктатуру пролетариата. Февральские события —

¹⁴ M. V a r t i k o v a. Od Košic po Februar. Bratislava, 1968, s. 147.

¹⁵ Ibid., s. 149.

¹⁶ K l e m e n t G o t t w a l d. Spisy, sv. XIV, s. 204.

образец наступательной классовой борьбы пролетариата против буржуазии вплоть до применения всех необходимых форм подавления контрреволюции. Попытки некоторых чехословацких историков усматривать нарушение законности в том, что в дни Февраля органы власти проводили обыски в военной комиссии национальных социалистов, которая была основным штабом организации вооруженного путча, нельзя считать обоснованными¹⁷.

Прямая атака буржуазии против народно-демократического строя, рабочего класса, руководимого КПЧ, закончилась ее поражением. Но, как показали последующие события, буржуазия не сложила оружия. Уйдя в подполье, она начала собирать новые силы и выжидать момент для новой атаки, имея еще немалые возможности для борьбы. Она могла использовать различного рода националистические, реформистские, религиозные пережитки и предрассудки, не говоря уже о широкой идеологической и морально-политической поддержке, которую мог оказать и оказывал окружающий буржуазный мир.

Февральская победа открыла путь к проведению дальнейших революционных преобразований. Вскоре были завершены демократические преобразования в деревне, осуществлен второй этап национализации промышленности и торговли, принята новая конституция.

Результатом этих и предшествующих мер стало глубокое изменение социальной структуры общества, ликвидация основных эксплуататорских классов, крупной промышленно-финансовой и аграрной буржуазии.

Доля социалистического сектора в создании национального дохода возросла в 1948 г. до 66%¹⁸. На долю капиталистического сектора приходилось лишь 13,6%, остальное — на сектор мелких производителей. Возросла и роль рабочего класса в общественном производстве, что еще более закрепило его ведущую роль в обществе. Последовавшее вскоре после Февраля объединение социал-демократической партии с КПЧ на основе марксизма-ленинизма положило конец идеологической и организационной разобщенности рабочего класса и завершило длительный процесс сплочения его рядов. Однако это объединение имело и теневые стороны, так как способствовало занесению в партию реформистских настроений, присущих социал-демократии. Давление оппортунизма усиливалось и в связи с притоком в партию после Февраля мелкобуржуазных элементов, многие из которых вступали в члены КПЧ из конъюнктурных соображений. Эти обстоятельства оказали серьезное влияние на политическую, идеологическую и организационную работу партии и наряду с другими факторами дали о себе знать в обстановке обострения классовой борьбы в стране спустя двадцать лет.

Создание нового социалистического общества, принципиально отличного от всех предшествующих общественных формаций, является делом большой трудности и сложности. Его создание в небольшой стране осложнялось ограниченностью природных ресурсов, в силу чего повышалась зависимость экономики страны от внешнего рынка, в том числе и от торговых связей с капиталистическими странами. На долю последних в 1948 г. приходилось 60% внешнеторгового оборота ЧСР. Правда, с другой стороны, дело построения социализма существенно облегчалось тем, что в стране уже была крупная промышленность и многочисленный квалифицированный рабочий класс, а также существовал социалистический

¹⁷ См.: L. Lehár. Na rozhraní dvou epoch. «Revue dějin socialismu», č. 3, 1969, s. 437.

¹⁸ «Statistická ročenka Republiky Československé». 1958, s. 30.

лагерь, с его богатыми природными ресурсами, на которые можно было опереться, как и на опыт социалистического строительства, которым уже обладал СССР.

КПЧ наметила генеральную линию, направленную на строительство социализма на IX съезде в 1949 г. Через 11 лет, в 1960 г., партия могла констатировать на общегосударственной конференции, что в стране окончательно победил социалистический строй — создана материально-техническая база социализма, завершено и социалистическое кооперирование сельского хозяйства, обеспечен значительный подъем материального благосостояния народа. Решение всех этих сложных и трудных проблем потребовало значительного напряжения энергии народа и огромной политико-воспитательной и организаторской работы партии.

Несмотря на наличие в Чехословакии значительной промышленной базы, потребовалось коренное изменение структуры промышленного производства в целях обеспечения преимущественного развития средств производства, ликвидации промышленного отставания Словакии и устранения других отрицательных последствий капиталистического периода развития народного хозяйства. Создание материально-технической базы социализма в деревне, наряду с кооперированием крестьянских хозяйств, потребовало перевода сельскохозяйственного производства на новую техническую основу, что предполагало оснащение деревни новой техникой, строительство новых животноводческих ферм и других помещений, механизацию труда и т. д. В том, что многие задачи были успешно решены, в первую очередь заслуга трудовых усилий рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и других социальных слоев. Строительство социализма являлось коллективным делом разных классов и социальных групп чехословацкого общества, осуществлявшимся в главе с рабочим классом под руководством коммунистической партии.

В ходе социалистического строительства осуществлялся важный и сложный процесс создания новой, социалистической культуры, развития науки, формирования новой, социалистической идеологии, воспитания человека с новым общественным сознанием, освобожденным от буржуазных предрассудков, духовной опустошенности, а иногда и политической апатии.

Успех социалистического строительства обеспечивался и тем, что было налажено широкое экономическое и научно-техническое сотрудничество Чехословакии со странами социалистического лагеря, и в особенности с Советским Союзом. Такое сотрудничество не только позволило обеспечить сырьем возросшую промышленность страны при одновременном расширении рынка сбыта для чехословацких изделий, но и воспользоваться лучшими достижениями научно-технической мысли, шире включиться в научно-техническую революцию. Доля стран социализма в обороте внешней торговли ЧССР достигла в 1967 г. 72%. Социалистические страны поставляют Чехословакии $\frac{2}{3}$ ее общего импорта сырья, энергии и других необходимых материалов.

Благодаря всем этим факторам, в особенности благодаря трудовой энергии трудящихся, планомерному развитию народного хозяйства и его целенаправленному руководству, страна достигла поразительных успехов. Промышленное производство в течение всего двадцатипятилетия развивалось высокими темпами. Оно возросло по сравнению с 1948 г. почти в шесть раз и далеко опередило по своим темпам средние мировые показатели и темпы высокоразвитых капиталистических стран. Наряду с ростом промышленной продукции это обеспечило полную занятость населения и ликвидацию безработицы — извечного бича буржуазной Чехословакии. Увеличилось также, хотя в значительно меньших масшта-

бах, сельскохозяйственное производство. Национальный доход увеличился к 1968 г. в три с половиной раза¹⁹.

Народ получил возможность в полной мере воспользоваться плодами своего труда, ибо все создаваемые материальные ценности в социалистическом обществе поступают в распоряжение трудящихся. В их интересах решались и решаются важнейшие социально-экономические и политические проблемы. В их интересах используется национальный доход²⁰. Об этом свидетельствуют следующие данные. Только за семь лет с 1953 г. реальная зарплата рабочих возросла на 44,7%²¹. Значительно увеличились и доходы крестьян. Личное потребление за двадцать лет с 1948 г. возросло почти в три раза. В пять раз увеличились расходы государства на социальное обеспечение граждан²². Значительно увеличился средний размер пенсий (с 440 крон в 1953 г. до 698 крон в 1964 г.)²³. Как одно из крупных достижений социальной политики чехословацкого государства следует отметить ликвидацию прежнего резкого различия в размере пенсий служащих и рабочих²⁴. Выплата пособий по болезни, многодетным семьям, по беременности и т. п. увеличилась с 3 899 млн крон в 1953 г. до 8 363 млн крон в 1964 г.²⁵ Значительно улучшились в республике жилищные условия, бытовое обслуживание населения.

В Чехословакии появилось принципиально новое социалистическое общество, о чем свидетельствует его социальный состав. По официальным данным 1965 г. (далее в скобках для сравнения приводятся данные переписи населения 1930 г.), рабочие и члены их семей составляли в Чехословакии 58,3% общей численности населения (57,3%). Остальные лица наемного труда, включая служащих — 29,4% (6,4%). Кооперированное крестьянство составляет 8,4%, мелкие и средние крестьяне — 2,4% (22,4%). Остальные 1,5% приходятся на мелких предпринимателей — 0,3% (8,2%), лиц свободной профессии — 0,1% и кооперированных ремесленников — 1,1%²⁶.

Можно констатировать практическое исчезновение к 1960 г. в социальной структуре общества класса капиталистов, составлявших в 1930 г. 9,2% общей численности населения²⁷. Произошло резкое уменьшение прослойки мелких предпринимателей. Появился принципиально новый класс — кооперированное крестьянство, в который трансформировалась подавляющая часть мелкого, среднего и зажиточного индивидуального крестьянства. Теперь этот класс связан с коллективными формами собственности и производства. Возросла политическая роль, культурность и материальное благополучие этого союзника рабочего класса²⁸.

¹⁹ «Rudé právo», 30 I 1970.

²⁰ Отметим для сравнения, что в буржуазной Чехословакии в 1929 г. на долю рабочего класса, создававшего 70% национального дохода, приходилось при его распределении немногим более одной пятой (22,5%).

²¹ «Statistická ročenka CSSR», 1961, s. 37.

²² «Rudé právo», 30 I 1970.

²³ V. B r a b e c. Životní úroveň a některé stránky diferenciace československé společnosti v 50 letech. «Revue dejin socialismu». Zvláštní číslo, 1968, s. 1097.

²⁴ Так, например, в то время как пенсии служащим составляли в среднем в 1937 г. 1100 крон, рабочий горняк получал только 235 крон, а простой рабочий всего 142 кроны.

²⁵ V. B r a b e c. Ibid., s. 1097.

²⁶ «Demografická příručka». Praha, 1967, s. 36—37.

²⁷ «Demografická příručka», s. 36. Последние данные о классе капиталистов в статистике относятся к 1959 г. Численность этого класса (кулаки, предприниматели, рантье) определялась в 40 тыс. (0,3% общей численности населения). «Statistická ročenka CSSR», 1960, s. 59.

²⁸ В 1950 г. в ЧСР имелся еще сравнительно значительный по численности класс капиталистов (378 тыс. человек), составлявший 3,1%; еще более многочисленный (470 тыс.) слой мелких предпринимателей (3,8%); 2,5 млн. мелких и средних крестьян

Наряду с ростом численности и удельного веса рабочего класса в обществе возросла его роль в хозяйственной и политической жизни страны. Это проявилось и в том, что тысячи рабочих были выдвинуты на руководящие посты в государственных учреждениях, на предприятиях, в партийных и общественных организациях.

Столь принципиальные изменения в социальной структуре общества и в положении двух его ведущих классов — одно из революционных последствий социалистического строительства, осуществленного после февраля 1948 г., т. е. именно в 50-е годы, которые в последнее время подверглись столь ожесточенной критике со стороны ревизионистов²⁹.

Существенно изменилось положение интеллигенции, ремесленников и других социальных слоев трудового населения, которые активно включились в созидательный труд. Резко возросла численность служащих, что вызвано усилением роли технической интеллигенции в управлении и организации общественного производства. Значительная часть их занята в сфере обслуживания.

Особо следует остановиться на социально-экономических изменениях в Словакии, ранее аграрной части республики. Социалистическая индустриализация привела к бурному росту промышленного производства, благодаря чему Словакия превратилась в промышленно развитый край, дающий теперь около 20% всей промышленной продукции. Здесь, на востоке страны, возник крупнейший металлургический комплекс — Кошицкий металлургический комбинат. Глубокие изменения в своей жизни словацкий народ осуществил при братской поддержке чешского народа, в первую очередь чешского рабочего класса.

Создание Словацкой Социалистической Республики и перестройка всего государственного управления и общественной жизни страны на основах федерации обеспечивают словацкому народу подлинное и полное равноправие с чешским народом и широкие возможности для проявления своих национальных особенностей в области политического, экономического и культурного развития.

Благоприятные возможности для национального развития предоставлены в стране также и более мелким национальным группам: венграм, украинцам, немцам.

Результатом внедрения социалистической идеологии в массы явилось укрепление морально-политического единства чешского и словацкого народов, все большее осознание ими единства целей и общности их исторических судеб, а также единства целей и общности со всеми социалистическими странами.

В эти годы укрепились как внешнеполитическое положение страны, так и ее интернациональные экономические, политические и культурные связи с социалистическими странами. Чехословакия стала членом Совета Экономической Взаимопомощи и членом содружества стран Варшавского договора. Она выступила инициатором решения многих важных международных проблем, оказывала посильную помощь освободительному движению и делу экономического развития стран, освободившихся от колониальной зависимости.

В ходе революционного преобразования общества возникало немало трудностей. Сложность создания нового общества заключается в том, что оно идет отнюдь не проторенными путями, требует неустанного поиска новых средств и методов хозяйственного и политического руководства при соблюдении общих закономерностей и важнейших принципов социалистического строительства.

(20,3%), при фактическом отсутствии кооперированного крестьянства и ремесла (0,0%).

Практика руководства делом строительства социализма со стороны КПЧ и государственных органов свидетельствует о том, что партия в основном правильно реагировала на выявленные недостатки, не боялась признать их и принимала меры к их устранению. Но немало было и неудач хозяйственного и политического характера, непосредственного решения назревших проблем, накапливание которых в конечном счете привело к серьезным политическим и экономическим последствиям. Так не удалось достаточно последовательно осуществить намеченные в 1958—1959 гг. меры по улучшению руководства народным хозяйством с целью повышения эффективности общественного производства.

По субъективным причинам затормозилось осуществление в стране новых принципов руководства и планирования народного хозяйства, утвержденных январским Пленумом ЦК КПЧ в 1965 г. Это задерживало темпы развития народного хозяйства, хотя и в период 1965—1969 гг. прирост национального дохода был сравнительно высоким, составляя в среднем свыше 7% в год²⁹. Долгое время не получал достаточно последовательного решения национальный вопрос.

Борьба с проявлениями буржуазной идеологии, пережитки которой имели глубокие корни в чехословацком обществе, с различного рода оппортунистическими и ревизионистскими взглядами и настроениями велась главным образом административным путем, без должного классового и научного анализа корней этих взглядов. Более того, в партии появились примиренческие настроения в отношении чуждых рабочему классу взглядов и течений в политической и культурной жизни общества, примером чего могут служить получившие широкое распространение формалистические течения в искусстве, поддерживавшиеся отдельными организациями и государственными учреждениями. Эти и другие упущения и недостатки в деятельности партии и в руководстве хозяйственной жизнью со стороны правительственных органов попытались использовать элементы, враждебные социалистическому строю.

В силу популярности социализма среди народа ревизионисты вынуждены были прикрывать замыслы реставрации капитализма «социалистическими» лозунгами, такими как «возрождение социализма», «либерализация социализма», «социализм с человеческим лицом» и т. п. В. И. Ленин в свое время, обращая внимание на то, что мелкобуржуазная контрреволюция выдвигает лозунг свободы торговли, писал, что буржуазия старается восстановить против рабочих «мелкобуржуазную анархическую стихию под лозунгами рабочих, что поведет непосредственно к низвержению диктатуры пролетариата, и значит к восстановлению капитализма, старой помещичье-капиталистической власти. Тут политическая опасность налицо. Эту дорожку ряд революций проделал самым отчетливым образом на эту дорожку мы всегда указывали»³⁰. Полагаем, что эти слова В. И. Ленина проливают свет и на сущность событий и действий антисоциалистических сил в Чехословакии.

Активизация ревизионистских элементов в Чехословакии была прямым следствием международного империализма, пытавшегося после провала в 50-х годах «политики освобождения» стран Центральной и Юго-Восточной Европы дать решающий бой социализму в области идеологии, добиться подмены основных принципов марксизма-ленинизма идеологией реформизма и национализма, маскируя антикоммунизм идеями «возрождения социализма», «национального коммунизма» и т. п. То, что полем этого боя была избрана Чехословакия — «сердце Европы», — являлось не слу-

²⁹ R. Vintrova. Naše ekonomika ve světe statistiky. «Nová mysl», 1970, № 2, s. 256.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 25—26.

чайным. Победа в этом бою обеспечила бы империализму достижение многих политических и военно-стратегических целей.

Буржуазная пропаганда Запада в 60-е годы особенно усилила враждебную кампанию против социалистической Чехословакии. Это оживило подрывную деятельность оппортунистических, реформистских элементов, ставивших целью ослабить руководящую роль коммунистической партии в стране, деформировать развитие чехословацкого социалистического общества, нарушить его морально-политическую и экономическую устойчивость и, пользуясь этим, вернуть страну в лагерь капитализма.

Удар наносился в первую очередь по коммунистической партии, по ее интернациональным связям, нарушение которых неизбежно изолировало и ослабляло КПЧ, что позволило бы в конечном итоге вырвать из ее рук руководство обществом и передать управление в руки других партий, т. е. других социальных сил. В этом был смысл предложения о введении так называемой плюралистической, т. е. многопартийной системы, за что так настойчиво ратовали оппортунисты.

Обвиняя партию в нарушениях законности, в догматизме и консерватизме, дискредитируя и изгоняя с руководящих постов ее здоровые кадры, антисоциалистические элементы вносили в ряды партии анархию и фактически парализовали ее политическую деятельность. В этом им помогли примиренцы из Центрального Комитета и Президиума ЦК КПЧ, некоторые из которых и сами скатились на позиции оппортунизма, смыкаясь с антисоциалистическими силами, готовившими ответный удар за поражение в феврале 1948 г.³¹

Одновременно разворачивалось наступление антисоциалистических сил на экономическую базу социализма, на общественную собственность. Под предлогом того, что «всеобщий» закон стоимости не имеет достаточной сферы для действия при социалистическом характере производственных отношений и централизованном плановом ведении хозяйства, ревизионисты попытались создать искусственную сферу для действия этого закона, введя так называемый «рыночный социализм». Они предложили передать часть общественных средств производства в руки отдельных групп, «коллективов» или даже отдельных лиц, превратив эти средства производства в самостоятельно действующие части, не подчиненные центральному управлению и планированию и зависимые только от рыночных отношений. Это означало практически ликвидацию социалистических отношений и было первой ступенью к реставрации капиталистических производственных отношений, т. е. реставрации капитализма в сфере производства и обращения.

Социальной средой, питавшей ревизионистские, оппортунистические, антикоммунистические настроения в Чехословакии были бывшие многочисленные мелкобуржуазные и буржуазные слои, сохранившие еще приверженность к частной собственности, буржуазно-либеральным порядкам и традициям. Сколь многочисленными были эти прослойки вплоть до создания социалистического общества, мы говорили выше. Если к этой массе бывших мелких торговцев, ремесленников, кулаков, крупных буржуазных чиновников и капиталистов прибавить и «мелкобуржуазный элемент рабочего класса», то получится весьма значительная прослойка, которая хотя и подверглась определенному воздействию пролетарской идеологии, тем не менее не была полностью перевоспитана. Вливаясь в ряды рабочего класса или оставаясь на положении заведующих, продавцов, мастеров и т. п. в бывших своих магазинах, мастерских, они не расстает-

³¹ «Dopis Ústředného výboru KSČ všem základním organisacím a členům strany». «Rudé právo», 3 II 1970.

лись с мечтой о возвращении «доброе старого времени», о получении назад своих лавочек и мастерских, в которых они не так давно были полными хозяевами. Пример ЧССР показывает, насколько еще живучи предрассудки мелкой буржуазии, участвующей в социалистической революции, ее реакционные фантазии, слабости и ошибки, о которых говорил В. И. Ленин, подчеркивая, что социализм далеко не сразу «очистится от мелкобуржуазных шлаков»³².

Отражением именно таких настроений чехословацких мелкобуржуазных слоев стали такие идеи реавизионизма, как «рыночный социализм», как введение ни чем не ограниченной свободы личности и другие анархистские теории. На потребу анархистствующих контрреволюционеров отвергалась не только руководящая роль партии в обществе и политическом управлении, но и вообще отрицалась необходимость наличия марксистско-ленинской партии. Антисоциалистические силы не ограничились только теорией. Проникнув в руководство партий и государственными органами, они нарушили систему планирования в народном хозяйстве, ослабили монополию внешней торговли, разбили единство профсоюзного и молодежного движения. Большой ущерб был нанесен интернациональным связям КПЧ с братскими коммунистическими партиями и экономическим связям Чехословакии с другими социалистическими странами. Была предпринята попытка переориентации внешнеполитических и экономических связей на Запад. Наиболее махровые реакционеры требовали выхода ЧССР из содружества стран Варшавского договора и ликвидации существующего государственного строя³³.

Враждебные социалистическому строю элементы использовали для своих атак против партии и социализма оказавшиеся в их руках органы печати, радио, телевидения и другие средства идеологического воздействия.

Поток дезинформации и национализма обрушился на население, вызывал рост националистических, антисоветских и антикоммунистических настроений. Цель правых сил заключалась в том, чтобы создать атмосферу растерянности, страха, неустойчивости и в такой удобной для всех авантюристов обстановке захватить власть с целью реставрации буржуазного строя.

Создалась реальная угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, на что неоднократно обращали внимание руководства КПЧ коммунистические партии братских социалистических стран. Народы ЧССР для отражения натиска внутренней контрреволюции и внешних империалистических сил нуждались в помощи со стороны дружественных социалистических стран. Выполняя свой интернациональный долг, страны — участники Варшавского договора оказали народам Чехословакии поддержку в их борьбе против контрреволюции.

Вступление союзных войск стран Варшавского договора помешало антисоциалистическим силам осуществить свои замыслы, вырвать страну из социалистического лагеря и позволило трудящимся Чехословацкой Социалистической Республики дать отпор контрреволюции.

Однако нахождение прежних соглашательских элементов в руководстве партий и в правительстве препятствовало и после этого нормализации общественной жизни и прекращению враждебных действий реакционных сил, предпринимавших новые и новые организованные атаки на социалистический правопорядок в стране.

На апрельском Пленуме КПЧ оппортунистам в партии был нанесен серьезный удар. Первым секретарем ЦК КПЧ был избран Густав Гусак,

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 55.

³³ «Rudé právo», 14 I 1970.

один из выдающихся деятелей партии и последовательный борец за дело социализма. На этом и последующих пленумах ЦК КПЧ из руководства партии были выведены оппортунистические элементы и отменены ошибочные решения партийных органов.

Партия развернула борьбу за идейное и организационное укрепление своих рядов на основе марксистско-ленинских принципов, за повышение своей активности и руководящей роли в обществе.

Как было констатировано на сентябрьском Пленуме ЦК КПЧ (1969 г.) широкие массы рабочего класса и крестьянства остались верны социалистическому строю³⁴, давшему им огромные материальные, социальные и политические преимущества и выгоды по сравнению с капитализмом, куда их снова хотели увлечь реакционеры. Сказалось и длительное идеологическое воспитание масс, проведенное КПЧ. Все это вместе предопределило поражение реакции.

За 25 лет инароды ЧССР прошли сложный путь политического, хозяйственного и духовного развития. Они познали радость исторических побед и горечь ошибок. Одно остается несомненным: в Чехословакии создано новое, социалистическое общество, где человеческая личность не знает унижительной для нее капиталистической эксплуатации, извечной тревоги за завтрашний день, где народу обеспечен высокий материальный уровень жизни, а хозяйственное развитие целеустремленно направляется. Внешняя безопасность страны никогда не была так обеспечена, как теперь. Она не имела когда-либо в прошлом стольких и таких верных союзников, каких она имеет в настоящее время в лице других социалистических стран. Все это создает благоприятные перспективы для последующего развития страны и уверенность ее народов в окончательной победе дела социализма.

---

³⁴ См.: Zprava předsednictva ÚV KSC o současné situaci a dalších úkolech strany. Referat, přednesený soudruhem dr. G. Husakém na plenárním zasedání ÚV KSC dne 25 IX 1969. «Rudé právo», 29 IX 1969.

АНТОНИ ПШИГОНЬСКИЙ

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1944 ГОДА

Варшавское восстание началось в обстановке, сложившейся в Польше и на международной арене в результате событий, имевших переломное значение не только для Польши, но и для всей Европы. В Польше была установлена народная власть; созданный на освобожденных землях Польский комитет национального освобождения (ПКНО) провозгласил в своем Манифесте программу общественно-политических преобразований в стране. Установлению народной власти в Польше способствовала необычайно благоприятная международная обстановка. Основным фактором этой ситуации являлась возросшая роль СССР в антигитлеровской коалиции, что было обусловлено блестящими победами Советской Армии на Восточном фронте. Освобождение Польши от гитлеровской оккупации произошло в результате победоносного вступления Советской Армии на польскую землю. Это имело важное значение для революционно-демократических сил Польши, для их борьбы за власть. Изгнание немецких захватчиков из польской земли Советской Армией существенным образом облегчило революционно-демократическому лагерю, руководимому Польской рабочей партией (ПРП), взятие власти в свои руки.

Из трех главных держав антигитлеровской коалиции союзником народной Польши был только Советский Союз. Две другие державы — Великобритания и США оказывали поддержку польской реакции, возглавляемой эмигрантским правительством в Лондоне делегатурой, Радой единности народной (РЕН) и Главным командованием Армии крайовой (АК) в стране.

Образование ПКНО и опубликование его программного Манифеста создали новую политическую ситуацию на польских землях, которая лишила польскую реакцию перспективы взятия власти в свои руки. Располагая значительными силами в стране и в эмиграции и, рассчитывая на помощь западных держав, она с конца июня 1944 г. взяла курс на решительную борьбу против лагеря ПКНО и его политики в стране.

Находившиеся в стране органы буржуазной власти 25 июля приняли окончательное и важное по своим последствиям решение¹: АК должна начать военные действия в Варшаве в рамках так называемой операции «Буря»², в освобожденной от оккупантов столице должна была быть установлена власть Краевого совета министров (КСМ). Это правительство состояло бы из делегата эмигрантского правительства, назначенного в январе 1944 г. вице-премьером, и трех министров, являвшихся до этого замести-

¹ Некоторые эмигрантские историки, стремясь скрыть действительные политические причины восстания, старались доказать, что решение о его начале было принято командованием АК еще до образования ПКНО. Эта тенденция разоблачена в работе: A. S k a r ż y Ń s k i. Polityczne przyczyny powstania warszawskiego. Warszawa, 1964, s. 210—234.

² О существе и предпосылках плана «Буря» см.: A. S k a r ż y Ń s k i, op. cit.

телями делегата; 26 июля эмигрантское правительство назначило их министрами. КСМ фактически был филиалом эмигрантского правительства, созданным в противовес ПКНО³.

Вооруженный захват Варшавы Армией крайовой незадолго перед ее освобождением Советской Армией и сражающимся рядом с ней Войском Польским, политически подчинявшимся ПКНО, образование в Варшаве центрального буржуазного правительства КСМ, легализация РЕН и Главного командования АК, должны были, по мнению организаторов восстания, захватить врасплох Советскую Армию и ПКНО и заставить правительство Советского Союза признать власть буржуазного правительства, действующего в Варшаве и пользующегося поддержкой западных союзников.

Эмигрантское правительство утвердило решение относительно восстания, оставляя своим представителям в стране свободу выбора срока. Оно только хотело, чтобы его по мере возможности предварительно предупредили о времени начала восстания. Решение о вооруженном выступлении АК в Варшаве было принято 31 июля во второй половине дня делегатом эмигрантского правительства, главнокомандующим АК и председателем РЕН при участии только их ближайших сотрудников. Главной причиной этого решения были политические мотивы. Военное положение на Восточном фронте вызывало опасение, что Варшава будет освобождена Советской Армией и сражающимся плечом к плечу с ней Войском Польским прежде, чем предполагалось, т. е. без участия АК и до выхода из подполья буржуазного правительства в столице⁴.

Вооруженное выступление АК в Варшаве было назначено на 17 час. 1 августа 1944 г. Час начала военных действий АК получил криптоним «В» (Выступление). По политическим мотивам другие военные организации, в том числе и Армия людова (АЛ), демократическая военная организация, подчиненная ПКНО, не были уведомлены о начале задуманной вооруженной операции в столице⁵.

В момент начала операции «Буря» столичный округ АК подразделялся на семь районов и один самостоятельный участок на правах района. АК в Варшаве, в районах и частях резерва командования округа и Главного командования накануне восстания насчитывала 34 500 человек. К этому следует также добавить личный состав женских отрядов АК (Военная женская служба) — 6000 человек. Однако по различным причинам в первых боях на территории всего города и в Кампиноской пуце приняло участие только около 23 000 человек⁶.

Отряды АК, введенные в бой в Варшаве, были очень плохо вооружены. Оружия при общепринятых средних нормах вооружения едва хватало для 10% личного состава, боеприпасов имелось только на два-три дня боев. Части АК в Варшаве не располагали ни полевой, ни зенитной артиллерией. У них почти совсем не было противотанкового оружия для борьбы с немецкими танками и дотами⁷.

Хотя выступление намечалось на 1 августа в 17 час., в ряде районов города (в центре, на Воле и Жолибоже) оно началось раньше. Причиной этому послужила лихорадочная, наполовину явная мобилизация частей АК в Варшаве, что не могло не привлечь внимания противника. В резуль-

³ Подробнее об этом см.: A. P r z y g o Ń s k i. Dlaczego wydano rozkaz? «Tygodnik Demokratyczny», 1964, № 31—33, s. 4—5.

⁴ A. S k a r ż y Ń s k i, op. cit.

⁵ A. P r z y g o Ń s k i. Z problematyki powstania warszawskiego. Warszawa, 1964, s. 47—54.

⁶ J. K i r c h m a y e r. Powstanie warszawskie. Warszawa, 1959, s. 135.

⁷ Ibid., s. 140.

тате выступление повстанцев не захватило врасплох все силы гитлеровцев, и оккупанты, иногда в последнюю минуту, смогли занять заранее оборудованные удобные оборонительные пункты.

Командование АК, установив весьма краткий срок мобилизации (неполные 24 часа, из этого времени 11 часов приходилось на комендантский час), смогло собрать только около 50% имевшихся в Варшаве сил и всего около 40% наличных запасов оружия. В момент начала боев повстанцам противостояло около 20 000 хорошо вооруженных немецких солдат, располагавших танками и авиацией.

Первое наступление отрядов АК на немецкие позиции продолжалось с 17 час. 1 августа до 5 час. 2 августа и имело целью захватить город и добыть оружие и средства для дальнейшей борьбы, пока в Варшаву не вступит Советская Армия. Однако наступление не принесло ожидаемых результатов. Отряды АК не смогли полностью овладеть центром города, только в Старом Мясте им удалось освободить большую территорию. В остальных районах центра повстанцы не сумели овладеть многими укрепленными немецкими позициями, часть из которых имела решающее значение (комплекс зданий по Аллее Шуха, здания комендатуры города на Саксонской площади, здания Национального и Военного музеев, Краевого хозяйственного банка, Сейма, Университета и др.). Они не смогли также захватить оба моста через Вислу и удержать в своих руках главные коммуникации столицы. В результате центральный район, на территории которого находилось также командование АК Варшавы, не сумел наладить постоянной связи с соседними районами, а также с районом Старого и Нового Мяста, который благодаря этому начал выделяться в самостоятельный боевой участок⁸.

Неудачны были результаты первого выступления повстанцев и в остальных районах города. Силы некоторых районов были полностью или почти полностью разбиты (Прага, Окенце, частично Воля и Мокотов), или в результате изоляции и ничтожных результатов борьбы покинули Варшаву (Жолибож, Охота, частично Мокотов). В районе Воли уже в первый день в борьбу вынуждены были вступить диверсионные группы АК, составлявшие резерв Главного командования АК, находившиеся в том же районе. Что касается пригородного района, то силы АК смогли занять только ближние леса (Кампиноскую пущу, кабацкие и хойновские леса), подготовив таким образом базу для оказания в будущем помощи восстанию извне.

Уже после первого дня боев АК оказалась в критическом положении. Однако благодаря массовому участию населения столицы в вооруженной борьбе как в день начала восстания, так и позднее, повстанцы, несмотря на значительные потери и неудачи, сумели захватить значительную часть города и удержать ее. Жители столицы — мужчины, женщины, дети — участвовали в строительстве баррикад и укреплений, без которых было бы невозможно удержать районы города, захваченные повстанцами. Гражданское население участвовало также в организации различного рода вспомогательных служб и прежде всего массами шло в отряды повстанцев. Наплыв добровольцев из среды героической молодежи столицы привел к тому, что в течение нескольких дней силы АК возросли в два раза, достигнув 40 000 человек. Эта цифра не отражала масштабов притока добровольцев в АК и другие военные организации, участвовавшие в восстании, ибо недостаток оружия не позволял полностью использовать имевшиеся резервы.

Первое наступление повстанцев было в значительной мере неорганизованным. Ни командование Варшавского округа АК, которое руководило

⁸ «Najnowsze Dzieje Polski», t. 3. Warszawa, 1959.

борьбой, ни контролировавшее его действия Главное командование АК, не имели надлежащей связи с командованием районов и отрядов и не знали фактического хода боев. Из-за слабого вооружения отрядов и их изолированности друг от друга в первый день боев, а также мощной обороны хорошо укрепленных немецких опорных пунктов, разбросанных по всему городу, создавалась такая обстановка, в которой польские отряды во всех районах Варшавы оказались перемешанными с немецкими, и сплошного фронта нигде не было. В результате повстанцы несли большие потери: по данным немецкого генерала Штагеля — 2000 человек с польской стороны и 500 — с немецкой⁹.

Несмотря на потери и большой организационный хаос инициатива оставалась в руках у повстанцев до 4 августа. Это обуславливалось следующими тремя факторами: а) героизмом повстанцев, штурмовавших немецкие позиции несмотря на отсутствие вооружения, б) массовой поддержкой со стороны населения столицы, в) неожиданного для гитлеровцев начала восстания с оперативной точки зрения: в связи с ожесточенными боями на фронте к востоку от Варшавы немецкое командование вынуждено было использовать все свои полноценные части, а также части, находящиеся в пределах Варшавы, поэтому гитлеровцы в начале восстания были способны только к упорной обороне; им потребовалось несколько дней для формирования новых сил, которые могли бы перейти к наступательным действиям против повстанцев.

Рассчитывая овладеть Варшавой до вступления в нее Советской Армии и Войска Польского, организаторы восстания уклонялись от установления контакта с СССР и ПКО. Они не согласовали своих действий с командованием Советской Армии и Войска Польского, что имело трагические последствия для восстания. Предположения командования АК относительно развития событий на Восточном фронте оказались ошибочными. Оно полагало, что немецкие войска без упорного сопротивления оставят рубеж Вислы, а Советская Армия окажется в состоянии с ходу овладеть им на этом направлении. Между тем немецкое командование намеревалось любой ценой удержать эту линию, поскольку она имела существенное значение для исхода войны. В район Варшавы были срочно переброшены новые танковые дивизии, там оказались также тыловые части 9-й немецкой армии, отброшенной в результате советского наступления на запад. Решение оборонять Варшаву во что бы то ни стало Гитлер принял уже между 22—24 июля. Ответственным за оборону он назначил Гимmlера. В результате мер, принятых немецким командованием, повстанческая Варшава (40 000 плохо вооруженных солдат и миллион безоружного населения) оказалась полностью изолированной в тылу хорошо организованного немецкого фронта.

Советские войска, продвинувшись на 600 км от исходных позиций, встретили упорное сопротивление со стороны противника. Наступавшие на Варшаву армии левого фланга 1-го Белорусского фронта, правда, вышли к Висле, но не смогли сломить немецкую оборону на Висле и начать окружение Варшавы с юга. Сражавшиеся на этом направлении советские войска и 1-я армия Войска Польского захватили только два плацдарма на западном берегу реки (в районе Пулав и под Магнушевом) и удерживали их, несмотря на ожесточенные контратаки врага.

В это время остальные войска 1-го Белорусского фронта значительно отстали, преодолевая сопротивление крупных сил противника, сосредоточенных к северу от Варшавы в районе от устья Буга до Нарева. Эта вражеская группировка представляла большую опасность для фронта, так

⁹ S. P i o s k i. Niemieckie relacje o powstaniu warszawskim. «Najnowsze Dzieje Polski», t. 1. Warszawa, 1957, s. 186.

как она угрожала с севера открытому флангу советских войск, сражавшихся в среднем течении Вислы. Двигаясь с запада, севера и юго-востока, она задержала 2-ю советскую танковую армию, которая, наступая от Демблина к Варшаве, 31 июля вклинилась в оборону Праги.

В первые дни августа 2-я танковая армия завязала ожесточенные бои под Радзымином и Воломином (северо-восточнее Праги) с превосходящими немецкими силами, защищающими хорошо укрепленные оборонительные линии Праги. В результате боев советские войска, наступавшие на Варшаву с юго-востока, были задержаны и отброшены под Минск Мазовецкий, где они перешли к обороне, ожидая подхода главных сил фронта¹⁰.

Узнав о начале восстания, Гитлер приказал как можно быстрее подавить его, ликвидировать все население и уничтожить город¹¹. Исполнение приказа было поручено Гиммлеру, который сформировал специальную группировку из тыловых частей СС, полиции и армии. В Варшаву прибыли: бригада СС под командованием Дирлевангера, состоящая из штрафников и уголовников, бригада СС «Рона», ряд частей немецкой полиции из Познани под командованием генерала СС Рейнефарта, 608-й охранный полк вермахта, части тяжелых танков из дивизии СС «Герман Геринг» и другие, в том числе подразделения тяжелой артиллерии и авиации. Все эти части были сведены в специальную корпусную группу, командование которой принял генерал СС Эрих фон дем Бах, прибывший в Варшаву 5 августа¹².

4 августа командование АК, в связи с острой нехваткой боеприпасов, отдало приказ о прекращении наступательных действий, а 5 августа рано утром началось массированное наступление вражеских частей на позиции повстанцев на Воле и Охоте.

Начало восстания было неожиданным также и для Главного штаба и штаба Варшавского округа АЛ, возглавляемого майором Болеславом Ковальским («Ришард»). Хотя командование АЛ и знало о подготовке АК к вооруженному восстанию, оно не видело для него благоприятной обстановки на фронте и не рассчитывало на его начало именно в это время. Такой же точки зрения придерживалась Центральная партийная тройка, руководившая организациями ПРП в левобережных, еще оккупированных районах страны. В ее состав входили Александр Ковальский — «Олек», Зенон Клишко — «Зенон», Гелена Козловская — «Оля»¹³.

АЛ в Варшаве накануне восстания насчитывала, примерно, 2000 солдат, в основном это были члены и сочувствующие ПРП, Рабочей партии польских социалистов (РППС) и Союза борьбы молодых (СБМ). Из них свыше 1000 находилось в боевых отрядах и различного рода службах Главного штаба и штаба Варшавского округа АЛ. Четвертая часть этих сил приходилась на три подокруга правобережной Варшавы — Праги.

Начало вооруженной борьбы застало руководителей и солдат АЛ, членов ПРП, РППС и СБМ в различных пунктах города, причем для большинства из них оно было совершенно неожиданным. Поэтому в первые часы, и даже первые дни восстания, командиры и солдаты АЛ, сражаясь с врагом, вели прежде всего упорные поиски собственного командования и отрядов, оказавшихся в ряде случаев в районах, отрезан-

¹⁰ См.: W. Wołoszyn. Na warszawskim kierunku operacyjnym. Warszawa, 1965, s. 71, 72.

¹¹ «Zburzenie Warszawy». Warszawa, 1946, s. 33.

¹² W. Bartoszewski. Prawda o von dem Bachu. Warszawa — Poznań, 1961, s. 47—53; Hans von Krahals. Der Warschauer Aufstand 1944. Frankfurt am Main, 1962, S. 125 ff.

¹³ J. Sek-Malecki. Armia Ludowa w powstaniu warszawskim. Wspomnienia. Warszawa, 1962; A. Przysłowski, op. cit., s. 37—41.

ных врагом. Отдельным руководителям АЛ удалось наладить связь с многими группами и отрядами АЛ на Старом Мясте, Воле и Жолибоже, но организовать их в единое целое они не смогли. Уже в первый день восстания на Воле и Жолибоже основная часть политического руководства ПРП и командования АЛ сосредоточилась на Старом Мясте. Командование АЛ и члены ПРП старались ослабить последствия внезапности восстания и мобилизовать силы АЛ для борьбы под собственным политическим и военным руководством. В этих районах отряды АЛ приняли участие в восстании как самостоятельная вооруженная сила. Своего рода исключение представлял центр города, где местные руководители АЛ, не имея вначале связи с высшим политическим и военным руководством, не решились предпринять самостоятельные действия ни в день начала восстания, ни в последующие дни ¹⁴.

Подавляющее большинство командиров и солдат АЛ, оказавшись перед фактом начатой АК вооруженной борьбы, сразу включилось в эту борьбу. Отряды, группы и отдельные солдаты АЛ, не сумев связаться со своими отрядами и командирами, присоединились к отрядам АК и сражались в их рядах до того момента, пока им не удалось установить связь с повстанческими отрядами АЛ. Небольшая часть солдат АЛ, понимая, что восстание начато по реакционным политическим мотивам, по приказу буржуазного подполья, вела себя пассивно, ожидая развития событий и указаний командования АЛ и руководства ПРП. Такую же позицию заняли силы АЛ в районе Океанце ¹⁵.

2 августа руководство ПРП и командование АЛ приняли решение об участии АЛ в восстании и отряды АЛ в тактическом отношении подчинялись местному командованию АК. Основным фактором, обусловившем это решение, было то, что восстание приобрело общий характер, в нем приняло участие все население столицы, героически вступившие в борьбу с захватчиками. И хотя восстание было начато реакционными силами и в реакционных политических целях, в военном отношении оно было направлено против оккупантов, — смертельного врага польского народа — и благодаря этому обрело поддержку населения столицы. Те, кто вызвал это восстание, сознательно использовали усиливающуюся ненависть варшавян к оккупантам, патриотизм преимущественно молодых солдат АК, не разобравшихся в действительных целях восстания. Изоляция же АЛ от борющегося населения столицы была бы большой ошибкой. Жители Варшавы не смогли бы этого правильно понять и оценить. Участие в восстании АЛ и других военных организаций, находившихся в оппозиции к АК, имело также важное политическое значение. Оно укрепляло национальное единство населения столицы в его борьбе с оккупантами и являлось убедительным доказательством правильности политики ПРП и КРН, направленной на создание антигитлеровского национального фронта борьбы. Создание этого фронта на баррикадах восставшей Варшавы сводило на нет расчеты польской реакции на политическую изоляцию ПРП и КРН от населения столицы ¹⁶.

Утром 5 августа гитлеровцы начали наступление на повстанческие позиции на Воле и Охоте. Они стремились овладеть двумя главными коммуникациями Варшавы, идущими с востока на запад и имевшими очень важное значение для связи тыла с фронтом, предохранить их от огня повстанцев, разделить территорию, занятую повстанцами, на изолированные друг от друга части, что облегчило бы им борьбу с повстан-

¹⁴ Ibid, s. 73—77.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ A. P r z y g o ó s k i. Armia Ludowa w powstaniu warszawskim na Starym Mieście. «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1965, № 3, s. 96—138.

цами в будущем. В это время основным опорным пунктом сопротивления повстанцев была Воля, туда и были направлены главные вражеские силы.

Позиции повстанцев на Воле защищали отряды III (Вольского) района АК, отряды, находившиеся в распоряжении Главного командования АК («Кедыва») и вольские отряды АЛ (в том числе две роты батальона АЛ «Чвартакув»). Главный удар гитлеровцы наносили вдоль улиц: Вольска — Хлодна — Электоральна, далее Банковская площадь — Саксонский парк с целью соединения с группой генерала Штагеля, частично изолированной повстанцами в районе Саксонской площади. В наступлении гитлеровцы использовали тяжелые танки, самолеты-бомбардировщики и тяжелую артиллерию¹⁷.

Несмотря на превосходство противника в огневых средствах, повстанцы сражались с необыкновенным героизмом, неся при этом огромные потери, задерживая продвижение врага в глубь города. Немецкие самолеты и артиллерия систематически разрушали город. Выполняя приказ Гитлера, немецкие солдаты зверствовали на захваченной территории Воли, истребляя и грабя гражданское население, насилюя женщин и девочек. Безоружных жителей Воли, без различия возраста и пола, сгоняли в специальные места, где их расстреливали, а тела сжигали. Не щадили раненых и больных, работников госпиталей — врачей и санитарок. В течение только двух дней, 5 и 6 августа, на Воле так погибло около 50 000 человек¹⁸.

Из-за неумелого руководства восстанием и непринятия необходимых мер к обороне освобожденных районов города, а также из-за губительной для восстания тактики ожидания помощи извне, гитлеровцам удалось окружить в районе Повонзок и Муранова отряды «Кедыва», составлявшие главные силы повстанцев на Воле. В результате в течение двух дней (5 и 6 августа) было сломлено сопротивление остальных отрядов АК и АЛ, сражавшихся на главном направлении немецкого наступления. Вечером 6 августа гитлеровцы захватили центральную магистраль — восток-запад до Саксонского парка и соединились с группой генерала Штагеля. Части «Кедыва» под командованием подполковника Яна Мазуркевича («Радослава») еще сражались до 11 августа, но затем с большими потерями пробились через уже занятый гитлеровцами Муранов в район Старого Мяста¹⁹. В это же время (5—11 августа) немецкие войска полностью захватили Охоту, откуда героически защищавшиеся немногочисленные силы АК, перешли в хойновские леса. Солдаты из бригады СС «Рона» убили на Охоте тысячи жителей.

После того как было сломлено сопротивление повстанцев на Воле и Охоте и занята главная коммуникация Варшавы, район Старого Мяста, расположенный вблизи нее и закрывающий ее выход на мост Кербедезя, стал главной целью очередных немецких атак. Этот район, превращенный командованием восстания в самостоятельный центр сопротивления в рамках группы Север, был укреплен 7—12 августа. Начальником обороны Старого Мяста был полковник Кароль Земский («Вахновский»), которому подчинялись также два других центра сопротивления — район Жолибожа и Кампинская пуща. Связь Старого Мяста с Жолибожем и Кампинской пущей поддерживалась по радио и через канализационные трубы.

¹⁷ A. P r z y g o Ń s k i. Armia Ludowa w dniu wybuchu powstania warszawskiego i jej walki na Woli. «Najnowsze Dzieje Polski», t. 5, s. 51—102.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

Все повстанческие силы, находившиеся в районе Старого Мяста (около 9000 солдат), были разделены на группы и рассредоточены на трех участках обороны (восточном, западном и южном). Повстанцам по-прежнему не хватало оружия и боеприпасов. Они добывали оружие у врага, изготавливали его примитивным способом. Большая часть вооружения, сбрасываемого самолетами западных держав, попадало в руки врага. Поэтому повстанческое командование превратило Кампиносскую пущу в базу для приема грузов (ее гарнизон составлял около 3000 человек), отсюда оружие, боеприпасы и другие средства снабжения доставлялись в столицу. Часть гарнизона, атакуя извне, в направлении Повонзок и Воли, должна была пробиться через немецкие позиции в Старое Място, чтобы поддержать там повстанцев²⁰.

Овладев районами Воли и Охоты, немецкое командование решило поочередно ликвидировать отдельные центры сопротивления в Варшаве. Большинство своих сил оно направило против Старого Мяста, атакуя его с двух сторон — с юга и запада. Тяжелые оборонительные бои против группы генерала Рейнефарта продолжались до 16 августа. В результате оккупантам удалось захватить развалины Королевского замка и тем самым лишить повстанцев возможности контролировать выход на мост Кербедзя коммуникации, уже занятой врагом. Затем повстанцы с баррикад Замковой площади были отброшены в глубь Старувки. Во время сражения обе стороны понесли тяжелые потери. Потери повстанцев были, конечно, значительно больше, так как вместе с бойцами погибло много гражданского населения под развалинами домов, разрушенных вражескими бомбами и снарядами.

15 августа часть группировки АК, прибывшей из Кампиносской пущи, пыталась войти в окруженное Старое Място. Встретив значительные немецкие силы в районе Повонзок, она изменила направление и утром следующего дня вышла на территорию Жолибожа, находившегося в руках повстанцев. Другая группа солдат из Кампиносской пущи прибыла на Жолибож 19 августа. Обе группы насчитывали 1200 хорошо вооруженных солдат, которые, однако, не имели опыта ведения уличных боев. Опираясь на подкрепления из Кампиносской пущи, командир группы Север решил атаковать с двух сторон (со стороны Старого Мяста и со стороны Жолибожа) немецкие позиции на Гданьском вокзале, чтобы соединить повстанческие районы. Атака повстанцев, проведенная в ночь с 19 на 20 августа, была отбита массированным пулеметным огнем. Повстанцы понесли большие потери, доходившие в отдельных отрядах до 80% всего состава. Безуспешной оказалась и атака на Гданьский вокзал в ночь с 20 на 21 августа. Кольцо врага вокруг Старого Мяста еще более сузилось, возникла угроза полного уничтожения повстанцев в Старувке.

19 августа началось генеральное наступление врага на Старое Място со всех сторон. Восставшие сражались с необыкновенным героизмом. Бои шли на развалинах домов. Оккупанты использовали все имеющиеся у них виды оружия, тяжелую артиллерию и танки, варварски бомбя город. У восставших не хватало оружия и боеприпасов. Повстанцам и гражданскому населению (около 50 000 человек) не хватало также пищи, воды, лекарств для раненых (около 8000 тяжело раненых).

Учитывая возможность захвата Старого Мяста противником, главнокомандующий АК, генерал Тадеуш Коморовский («Бур»), делегат эмигрантского правительства инженер Ян Станислав Янковский («Кле-

²⁰ A. B o r k i e w i c z. Powstanie warszawskie 1944. Zarys działań natury wojskowej. Warszawa, 1964, s. 132—248.

новский») вместе с ближайшими сотрудниками покинули этот опасный район столицы и по канализационным трубам перешли в центр города, где находилось командование Варшавского округа АК. Оставшиеся в Старом Мясте повстанцы получили приказ пробиться туда же, что они безрезультатно пытались сделать в ночь с 30 на 31 августа. Эвакуация в центр города была проведена по подземным коллекторам 31 августа и 1 сентября. Последние, прикрывавшие отход группы повстанцев, спустились в каналы утром 2 сентября. Гражданское же население и тяжело раненные повстанцы попали в руки озверевшей гитлеровской солдатни. Большинство раненых и значительная часть гражданского населения так же, как ранее на Воле и Охоте, были убиты (общее число убитых в Старом Мясте доходило до 30 000 человек). Остальные были согнаны в специальный лагерь в Прушкове, где гибли от голода и эпидемий.

Героическая оборона Старого Мяста сдерживала главные силы корпусной группы генерала фон дем Баха (она окончательно была сформирована около 20 августа) в течение трех недель. Это дало возможность другим повстанческим районам укрепить свою оборону и передохнуть перед дальнейшими боями. В то время, когда гитлеровцы осуществляли генеральный штурм Старого Мяста, в других районах велись бои местного значения. Падение Старого Мяста создало обстановку, в которой главные силы врага смогли начать борьбу против остальных центров сопротивления повстанцев, особенно против основного — центра Варшавы²¹.

В конце августа изменилась обстановка на советско-германском фронте к востоку от Вислы. Северный фланг 1-го Белорусского фронта вел успешные бои в районе Бялой Подляски и Седлеца и отбросил на запад 2-ю немецкую армию, которая перешла к обороне, опираясь на западный берег Нарева. Таким образом в первые дни сентября войска 1-го Белорусского фронта вошли в соприкосновение с частями 9-й немецкой армии в районе Праги и в междуречье Буга, Нарева и Вислы к северу от Праги. В этом районе образовался сильно укрепленный выступ, вклинившийся в глубь советских позиций на правом берегу Вислы. Перед советским командованием стояла задача ликвидировать этот выступ, чтобы северный фланг советского фронта мог овладеть рубежом Вислы на западе и Буга и Нарева на севере²².

После падения Старого Мяста гитлеровцы начали штурм главного очага сопротивления повстанцев в северной части центра Варшавы, стремясь ликвидировать его. Этот очаг сопротивления представлял угрозу для двух мостов через Вислу и, в случае овладения Прагой со стороны Советской Армии, мог служить удобным плацдармом для установления связи повстанцев с советскими и польскими войсками в Праге. Исходя из этого, генерал фон дем Бах решил сначала ликвидировать очаги сопротивления в прибрежных районах Варшавы (Повислье и Верхний Черняков) с тем, чтобы отсечь повстанцев от Вислы и отодвинуть их оборону в глубь города. Выполнение этого плана позволяло создать сплошной немецкий фронт на западном берегу реки, усиливая военную изоляцию восстания.

Атака гитлеровцев на районы Повислья, которой предшествовала сильная артиллерийская и авиационная подготовка, началась уже 3 сентября. Немецкие войска начали штурм Повислья из сильных опорных пунктов к северу от него и со стороны набережной Костюшко. Слабые силы повстанцев, защищавшие Повислье, были плохо вооружены и не

²¹ Ibid.

²² W. Wołoszyn, op. cit., s. 72—78.

могли противостоять немецкому натиску, тем более что в их тылу на возвышенности находились сильные немецкие позиции, доминировавшие над этой низкой, прибрежной частью города. В результате упорного боя, который продолжался до 6 сентября, повстанческие отряды оставили Повислье и отошли в глубь центра города, за линию улицы Новый Свят. С ними ушла значительная часть гражданского населения.

5 сентября, одновременно с штурмом Повислья, главные немецкие силы начали решительное наступление на северную часть обороны в центре города, стремясь очистить коммуникацию вдоль Иерусалимских аллей, на отрезке от Маршалковской улицы до Нового Свята. Атаки, продолжавшиеся до 10 сентября, не принесли гитлеровцам ожидаемого успеха²³.

Наступление советских и польских войск на Прагу, начатое 10 сентября, заставило оккупантов ослабить атаки на северную часть центра города и усилить военные действия в прибрежных районах Варшавы для создания оборонительного рубежа на западном берегу Вислы. Этот рубеж должен был отделить очаги сопротивления повстанцев в центре Варшавы от находившихся на восточном берегу Вислы Советской Армии и Войска Польского и воспрепятствовать оказанию помощи повстанцам.

Падение Старого Мясца, сравнительно быстрое подавление сопротивления на Повислье и сильная немецкая атака на северную часть города вызвали большое замешательство в военном и политическом руководстве восстания. Главное командование АК начало переговоры с немецким командованием о капитуляции. Правда, эти переговоры были прерваны польской стороной 10 сентября после того, как из Лондона было получено сообщение о согласии Советского правительства оказать военную помощь повстанцам.

С потерей Повислья Верхний Черняков остался единственным районом восстания, непосредственно примыкающим к Висле. Однако этот район был уже почти полностью отрезан от главного очага восстания в центре города, с которым он поддерживал связь только через узенькую улицу Ксёнженцу, постоянно находившуюся под обстрелом противника. Это значительно ослабляло оборонительные возможности Чернякова, которому угрожало немецкое наступление с севера и юга.

Гитлеровцы начали наступление 11 сентября, используя значительные танковые подразделения, выведенные из Праги, освобождаемой советскими и польскими войсками. Несмотря на героическую оборону повстанцев, немецкие войска прервали связь Чернякова с центром и за четыре дня сузили район сопротивления до небольшого клочка земли, прилегающего к Висле. Однако они не смогли полностью справиться с восставшим Черняковом до освобождения Праги войсками 1-го Белорусского фронта, которое произошло между 10 и 14 сентября.

Советские и польские войска, стоявшие в Праге, отделяла от повстанцев Висла (гитлеровцы, уходя из Праги взорвали оба моста) и довольно широкий пояс укрепленных немецких позиций, расположенных на левобережной части города. Единственным исключением был небольшой участок восставшего Чернякова, прижатый плотным немецким фронтом к Висле. В такой обстановке Военный совет 1-го Белорусского фронта принял ряд мер, чтобы помочь восстанию²⁴. В ночь с 13 на 14 сентября советская авиация и 1-я польская смешанная авиадивизия начали сбрасывать оружие, боеприпасы, продовольствие и медикаменты сражающим-

²³ J. Kirchner, op. cit., s. 329—335.; A. Borowiec, op. cit., s. 364—384.

²⁴ W. Wołoszyn, op. cit.; J. Margules. Przyczyłki warszawskie. Warszawa, 1964.

ся в городе повстанцам. Это продолжалось в течение следующих ночей до прекращения восстания. С 14 сентября по 1 октября авиация 1-го Белорусского фронта провела 2243 самолетовылетов, сбросив повстанцам 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 1478 автоматов, 1189 карабинов, 41 780 гранат, 37 516 мин и снарядов, 3 млн. патронов, 126 т продовольствия и 500 кг медикаментов²⁵. По данным командования Варшавского округа АК, повстанцы АК в центре, в Мокотове и на Жолибоже таким путем получили от Советской Армии 381 автомат, около 200 противотанковых ружей, 68 минометов, 160 карабинов, около 15 000 гранат и «массу соответствующего снаряжения (частично поврежденного во время сбрасывания)» и кроме того, около 120 т продовольствия. Общий вес советских грузов, полученных АК, по подсчетам командования превышал 160 т²⁶. По тем же источникам повстанцы в Варшаве получили от американских и английских союзников 52 т (около 300 контейнеров) груза. В отчетах командования АК не учитывалось советское оружие, полученное на Жолибоже и в центре города отрядами АЛ.

Одновременно в повстанческие районы: центр, Мокотов, Жолибож — были сброшены советские офицеры связи и артиллерийские корректировщики, наладившие связь между руководством восстания и командованием 1-го Белорусского фронта и командованием 1-й армии Войска Польского²⁷, находившемся с 15 сентября в Праге. В результате советская и польская артиллерия смогла оказывать поддержку повстанцам. Офицер связи командования АК переправился через Вислу и установил контакт с командованием 1-й армии Войска Польского.

Советское командование решило форсировать Вислу с целью захвата плацдармов на левом берегу реки в центральной части города и соединения с очагами повстанческого сопротивления в Варшаве. Операцию было поручено выполнить 1-й армии Войска Польского, действия которой должны были поддерживать мощные подразделения советской артиллерии и авиации²⁸.

В период между 15 и 20 сентября части этой армии форсировали Вислу в трех пунктах, высадившись на удерживаемых участках в Чернякове и в Повислье, а также в районе Жолибожа, где находились сильно укрепленные немецкие позиции. В течение пяти дней было переправлено около 6 батальонов пехоты из 2-й и 3-й дивизий 1-й армии Войска Польского. Однако уже при переправе эти части понесли тяжелые потери, так как Висла находилась под сильным немецким огнем. Несмотря на мощную поддержку советской артиллерии и авиации, на попытки переправить подкрепления, польским частям не удалось сломить немецкую оборону на западном берегу Вислы. Дольше всего, вплоть до 23 сентября, польские солдаты сражались в Чернякове вместе с повстанцами под командованием майора Станислава Латышонка²⁹. Понеся большие потери (3764 солдата было убито, тяжело ранено, пропало без вести), части возвратились на правый берег.

Операция форсирования Вислы, предпринятая 1-й армией Войска Польского с тем, чтобы помочь повстанцам и гражданскому населению Варшавы, закончилась неудачей. Это предопределило поражение изолированных очагов восстания в городе. Одной из главных причин неудачи

²⁵ Z. K l i s z k o. Powstanie warszawskie. Artykuły, przemówienia, wspomnienia i refleksje, dokumenty. Warszawa, 1968.

²⁶ Данные о восстании от 30 сентября 1944 г. Архив Военно-исторического института в Варшаве.

²⁷ На территории центра города были капитан Иван Колос и сержант Дмитрий Стенько.

²⁸ W. Wo ł o s z y n, op. cit.; J. M a r g u l e s, op. cit.

²⁹ Ibid. С. Латышонок сейчас живет в СССР.

этой операции было отсутствие координации действий повстанцев со сражающимися на берегу десантом. Достаточно сказать, что командование АК не сделало ни малейшего усилия, чтобы установить связь с двумя батальонами 9-го пехотного полка, находившимися на Чернякове. План наступления повстанцев в направлении на Черняков, выдвинутый командованием АЛ, был отвергнут командующим АК в центре города, генералом Антонием Хрустелем («Монтер») по политическим мотивам³⁰.

Овладев западным берегом Вислы и сосредоточив новые танковые части, немецкое командование решило сначала подавить сопротивление повстанцев на Мокотове и Жолибоже. 24 сентября началось немецкое наступление на Мокотов. Окруженные со всех сторон повстанцы в течение четырех дней оборонялись от противника, во много раз превосходящего их по силам. Командир обороны полковник Юзеф Рокицкий («Кароль») оставил сражающихся солдат и первым ушел по каналам в центр города, за ним последовала часть гарнизона АК, остальные части повстанцев сдались 27 сентября. Переход солдат и большей части гражданского населения происходил в условиях дезорганизации и паники, что явилось причиной дополнительных больших потерь. Падение Мокотова существенно ослабило оборону повстанцев и сказалось на настроении сражавшихся солдат и населения в центре города³¹.

Немецкое командование, сломив сопротивление на Мокотове, предложило командованию АК в центре города и на Жолибоже капитулировать. Командир повстанцев на Жолибоже полковник Мечислав Недзельский («Жывицель») отклонил это предложение, командование АК в центре оставило его без ответа. Тогда гитлеровцы обрушились на повстанцев в Кампинской пуще и Жолибоже. Стремясь избежать окружения, группировка АК «Кампинос» 27 и 29 сентября покинула Пуцу и двинулась с большим обозом по направлению к Жирардову. Это было замечено противником. 29 сентября гитлеровцы окружили ее под Якторовом и в бою, длившемся целый день, уничтожили. Только небольшая группа солдат смогла прорваться в соседние леса³².

28 сентября вечером Главное командование АК решило начать переговоры о капитуляции. Это не остановило подготовленной гитлеровцами атаки на Жолибож, назначенной на утро 29 сентября. Перевес противника над гарнизоном Жолибожа, насчитывающим около 2000 солдат, был громадным. В результате сильного огня немецких орудий крупного калибра и минометов, бомбардировки, использования тяжелых танков и самоходных орудий, повстанческие отряды, несмотря на героическую оборону, были отброшены на восточную окраину Жолибожа. В этой ситуации командование отрядов АЛ договорилось с командованием АК о совместных действиях. Жолибожская повстанческая группировка должна была пробиться к Висле и эвакуироваться на правый берег. Этот план был согласован с командованием 1-й армии Войска Польского, которое должно было поддержать действия повстанцев артиллерийским огнем и подготовить средства для их переправы. Однако Главное командование АК приняло немецкие требования немедленной капитуляции Жолибожа и приказало подполковнику Недзельскому сложить оружие. 30 сентября вечером часть отрядов АЛ предприняла попытку пробиться к Висле. На правый берег перебралась только небольшая группа повстанцев.

³⁰ J. S e k - M a ł e c k i, op. cit.; A. C h r u ś c i e l. Powstanie warszawskie. Londyn, 1948.

³¹ A. B o r k i e w i c z, op. cit., s. 506—522.

³² Ibid., s. 545—557.

После падения Жолибожа борьба в центре города носила только локальный характер. 2 октября уполномоченные Главного командования АК подписали в Ожарове под Варшавой в ставке фон дем Баха акт капитуляции Варшавского восстания. Повстанцы из АК признавались воюющей стороной и в соответствии с этим считались пленными, это условие, однако, не всегда соблюдалось. Гражданское население Варшавы практически отдавалось на милость оккупантов. Все ее жители должны были быть помещены в лагерь в Прушкове, а затем направлены в различные районы страны, оккупированные гитлеровцами. В действительности же почти все молодые и трудоспособные лица были вывезены в Германию и заключены в концентрационные и трудовые лагеря³³.

В восстании принимали активное участие отряды АЛ (около 2000 солдат). Они сражались вместе с частями АК на главных позициях восстания, вели упорные наступательные и оборонительные бои. Частями АЛ командовали: на Воле и Старом Мясте майор Болеслав Ковальский («Рышард»), который погиб вместе со своим штабом 26 августа, на Жолибоже — поручик Вальдемар Нервиньский («Вальдек») и майор Ян Шанявский («Швед»); в центре города — майор Юзеф Малецкий («Сенк»), на Чернякове — поручик Збигнев Пашковский («Стах»)³⁴. ПРП вела политическую работу среди повстанцев и гражданского населения. Руководили этой работой на Воле и Старом Мясте Александр Ковальский, Гелена Козловская, Владислав Беньковский, Мариан Барыла, Изольда Ковальская; на Жолибоже — Зенон Клишко; в центре города и на Чернякове — Александр Ковальский, Владислав Беньковский, Рышард Стшелецкий, Ежи Моравский. Издавались газеты ПРП и АЛ — «Глос Варшавы», «Армия Людова», «За люд Варшавы»³⁵.

В последний период восстания, в связи с недовольством авантюристской политикой эмигрантского правительства и командования АК, произошла дальнейшая консолидация сил народно-демократического движения. В половине сентября в центре города были созданы Объединенные вооруженные силы (ОВС), включавшие АЛ, Польскую армию Людову (ПАЛ) и Корпус безопасности (КБ), которыми стал командовать генерал Юлиан Скоковский. Затем политические организации, руководившие этими силами, — КРН, Центральный комитет молодежи (ЦКМ), Центральный народный комитет (ЦКЛ), Совет защиты народа (СЗН) организовали Повстанческое демократическое соглашение (ПДС), которое в опубликованном им 26 сентября воззвании признало ПКНО легальным органом власти в стране³⁶.

Как ОВС, так и ПДС отнеслись отрицательно к капитуляции АК. Они считали необходимым продолжать борьбу. Солдаты АЛ, ПАЛ и КБ, которым командование АК предложило сдаться в плен с документами солдат АК, в большинстве случаев не воспользовались этим предложением; покинув Варшаву вместе с гражданским населением, они стремились присоединиться к партизанам АЛ, действующим в Келецком и Краковском воеводствах³⁷.

В Варшавском восстании участвовало немало солдат и других национальностей. Среди повстанцев насчитывалось несколько десятков советских офицеров и солдат, освобожденных повстанцами из тюрем и лаге-

³³ J. Kirchmaier, op. cit.; A. Borkiewicz, op. cit., s. 561—568.

³⁴ A. Przygoński. Armia Ludowa w powstaniu warszawskim na Starym Mieście; J. Sek - Malecki, op. cit.; Z. Kliszko, op. cit.

³⁵ A. Przygoński. Udział PPR i AL w powstaniu warszawskim. Warszawa, 1968, powiel.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

рей. Они сражались и в центре города. Большая их часть погибла и их имена — за некоторым исключением — неизвестны³⁸. В отрядах АЛ боролись освобожденные из лагеря на Воле греческие евреи, а также уцелевшие после восстания в Варшавском гетто немногие солдаты Еврейской боевой организации, составлявшие самостоятельный взвод. В частях АК сражались англичане и канадцы (летчики с подбитых самолетов), а также словаки, организованные в Чернякове в самостоятельный повстанческий взвод.

Варшавское восстание внесло свой вклад в дело вооруженной борьбы с немецкими оккупантами. Однако этот вклад был несоразмерим с понесенными потерями. В течение двухмесячной борьбы в Варшаве погибло более 200 000 человек, в том числе около 15 000 повстанцев. Тысячи людей были легко или тяжело ранены. Оставшееся население было вынуждено покинуть город, оставляя личное имущество и национальное достояние, результат труда многих поколений, озверевшему врагу. Особые отряды гитлеровцев грабили и разрушали район за районом, дом за домом. В результате этого было разрушено 80% зданий в левобережной части города. Варшава стала мертвым городом, городом руин и пепелищ. Кровавое подавление восстания было последним аккордом в массовом истреблении населения Варшавы. В 1939—1945 гг. в результате гитлеровской войны и оккупации погибло или умерло около 800 000 ее жителей. Ни один другой город в мире не понес таких громадных людских и материальных потерь, как героическая столица Польши — Варшава.

---

³⁸ Мною найдены два участника Варшавского восстания: ст. лейтенант Аркадий Матосян и сержант Рубен Малхасян, они живут в Сочи. Об остальных нет никаких сведений.

Е. П. НАУМОВ

ПУТИ И ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕРБИИ В XIII—XIV вв.

(Динамика сельского хозяйства
в рамках феодального землевладения)

Проблемы социально-экономической истории феодальной Сербии стали разрабатываться глубже в послевоенной историографии. Они привлекли внимание ученых, занимающихся исследованием прошлого Сербии, и ученых, изучающих историю соседних балканских народов. Этот интерес не случаен и объясняется он, прежде всего, наличием источниковедческой базы, и спецификой некоторых сербских источников. В первую очередь здесь привлекают внимание грамоты сербских правителей (особенно Стефана Душана), выданные сербским, византийским, болгарским и другим монастырям, владения которых были разбросаны в разных областях Балканского полуострова. Эта особенность сербских источников в отдельных случаях могла бы быть использована и для изучения основных путей и тенденций экономического развития областей и районов большей части Балканского полуострова в эпоху развитого феодализма. Однако такая постановка вопроса требует большой осторожности и учета своеобразия экономического развития этих областей и районов. В историографии неоднократно затрагивался вопрос об определенных различиях в развитии не только областей всего Балканского полуострова, но и областей, входящих в состав Сербского государства Неманичей. Однако нужно признать, что подавляющее большинство ученых видело эти различия в географическом, политическом и правовом положении областей. Относительно различия в экономическом развитии данных областей в имеющейся литературе можно найти лишь отдельные соображения общего характера или частные наблюдения, касающиеся того или иного района¹. Специальных работ по данному вопросу не существует. Между тем, специфика экономического развития областей государства Неманичей была вполне ощутимой и, как нам представляется, сыграла вполне определенную роль в судьбе этого государства. Поэтому данный вопрос требует более пристального и всестороннего рассмотрения с привлечением всего имеющегося материала, который, с нашей точки зрения, вполне достаточен для того, чтобы локализовать ряд районов, существенно отличающихся своей экономической структурой.

Основными отраслями сельского хозяйства на территории Сербского государства Неманичей² были экстенсивное, отсталое земледелие и ско-

¹ К. Ј и р е ч е к. Историја Срба, т. I, Београд, 1952, стр. 281; «Историја народа Југославије», т. I, Београд, 1953, стр. 425, 426; А. Х. С о к о л о в с к и й. Феодальная вотчина в южной Сербии в XIII—XIV вв. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 17, 1955, стр. 72; и др.

² Сербское государство, основателем которого был Стефан Неманя, образовалось на рубеже XII—XIII вв. в процессе объединения сербских областей Рашки и Захумья (Хума) с Зетой и присоединения ряда районов, отвоеванных у Византии.

товодство. Отсталость эта обуславливалась, прежде всего, природными условиями этих областей Балканского полуострова. Преобладание высоких горных хребтов, плоскогорий и плато, громадные леса и голые каменные долины и впадины Динарского карста, характерные для большей части этих земель, — все это требовало от населения громадной затраты сил в процессе производства средств к существованию. Эти условия явились предпосылкой и для намечавшихся уже в средние века экономических различий между отдельными областями и районами Балканского полуострова. В частности, уже по данным грамот конца XII и XIII вв. можно выделить следующие, наиболее важные области и районы.

Приморская полоса Зеты и Захумья. Мягкий средиземноморский климат района хорошо способствовал возделыванию интенсивных сельскохозяйственных культур, винограда и маслин. Здесь же развивались зерновое земледелие и скотоводство.

Рашка, внутренняя Зета и Захумье. Территория этих областей в основном покрыта горами и лесами. Вполне естественно, что в данных условиях преобладало скотоводство, а земледелие сосредоточивалось в долинах рек Зеты, Лима и др. Видимо, именно на эти области и распространялась известная характеристика Гийома Тирского³.

Косово поле, Метохия, бассейны рек Южной и Великой Моравы. Территория этих областей представляет собой почти непрерывную полосу более равнинной и плодородной земли. Вошедшая в состав Сербского государства в конце XII и в XIII в., она еще задолго до этого считалась районом развитого зернового земледелия и животноводства при известном распространении (особенно в XIV—XV вв.) виноградарства, садоводства и огородничества. Выделение этих основных районов, различия которых сохранились в известной мере и до наших дней, несколько не исключает динамики (в рамках сельскохозяйственных отраслей) развития и распространения тех или иных культур как по всей данной территории, так и в пределах других частей Сербского государства.

Как нам представляется, наиболее наглядно эта динамика сельскохозяйственных отраслей в организации феодального производства Сербии той поры прослеживается на примере виноградарства и некоторого увеличения виноградников в Рашке, где даже к концу XIII в. единичные «винограды» были обычно собственностью наиболее богатых землевладельцев (представителей династии Неманичей, Хиландарского монастыря и т. п.)⁴.

Так, в конце XIII и начале XIV в. король Милутин даровал Хиландарю половину «винограда в Жельчиштихь» (ныне Зочипта в Подримье, к северу от Призрена), вторая половина которого стала собственностью Студеницкого монастыря, а также включил в состав хиландарских метохий и «в Лознице, в Мораве, виноградник» (по-видимому, в бассейне Биначкой Моравы, близ Гнилана)⁵. Эти постановления двух хиландарских грамот Милутина позволяют судить о примечательных явлениях в сфере феодального хозяйства Сербии. Они указывают не только на расширение ареала виноградарства, но и на появление виноделия как особой отрасли вотчинной экономики в крупном феодальном хозяйстве Сту-

³ Ср. А. П. К а ж д а н. Григорий Антиох. «Византийский временник», т. XXVI, 1965, стр. 97—99.

⁴ Насколько позволяют установить источники, виноградарство и разведение маслин в XIII в. в пределах государства Неманичей существовало в основном в Приморье и частично в Призренской области. О его ограниченном распространении в других областях свидетельствует значительный ввоз вина и масла во внутренние районы страны.

⁵ С. Н о в а к о в и ћ. Законски споменици српских држава средњега века, Београд, 1912, стр. 389, 390, 394.

деницкого монастыря. Вероятно, именно в это время, в конце XIII — начале XIV в., возникает и «закон» о повинностях студеницких крестьян, известный нам лишь из беглых замечаний более поздних источников. Этот закон специально предусматривал работы на монастырских виноградниках, расположенных, видимо, как в «Мораве», так и в центральной Сербии, в бассейне р. Ибар и ее притоков (т. е. в старой Рашке) ⁶.

Аналогичный вывод о подъеме и интенсификации феодального хозяйства центральных районов Сербии в этот период можно сделать и на основании жалованной грамоты Святостефанского (Баньского) монастыря, построенного в с. Баньска (центральная Сербия, близ Звечана) ⁷. Текст этого документа, составленный не ранее марта 1314 и не позднее начала марта 1316 г., представляет особый интерес ввиду подробного изложения «закона» о крестьянских повинностях и детального перечня всех владений и зависимого населения в разных областях государства.

На примере этого монастырского многоотраслевого хозяйства, на обширном материале его жалованной грамоты мы убеждаемся в том, что и в центральной Сербии (прежней Рашке), в начале XIV в., как и ранее, важная роль принадлежала скотоводству (овцеводству и коневодству), что вполне подтверждает сведения анонимного француза-географа начала этого столетия. В частности, в Баньской вотчине солидной базой для животноводства служили многочисленные горные и равнинные пастбища («планины» и «забелы»), находившиеся в центральной Сербии (у с. Копоричи, близ Трепчи) и в верхней Зете, на рубеже ее с Рашкой (у Диноши, возле Гусинья и т. д.) ⁸. На этих пастбищах, равно как и в обширных лесах и на лугах вокруг монастырских сел ⁹, пасли церковный скот люди из девяти общин (катунов) влахов ¹⁰.

Более того, немаловажным подспорьем для ведения вотчинного скотоводства и предметом особых попечений управителей Баньской метохии были обильные сенокосы, причем в уборке сена должны были участвовать не только влахи, но и все зависимые жители имений монастыря, даже самых дальних (из Зеты и Плава), кроме сельских священников ¹¹. Вполне возможно, что такое внимание к домениальным сенокосам было вызвано сокращением площади заповедных пастбищ из-за распашки их, о чем можно судить, например, по любопытной фразе в перечне межей Плавских планин: «а от Врмоши куда не папуг и не косят — это все планина» ¹². Скот был и в личном хозяйстве монастырских крестьян, которые обязаны были, в частности, давать мясо и «ягнятину» ¹³, зависимые же влахи давали овец монастырю и обрабатывали церковную шерсть.

⁶ Там же, стр. 696, 700 (в грамоте Архангельского монастыря у Призрена: «виноградники пусть каждый возделывает по закону, как в Студенице у св. Симеона»). Возможно, этот же «закон» был в силе и в Дечанском монастыре, где меропки должны были ежегодно обработать «виноградника мть, мерою как и в других церквах» (Там же, стр. 649).

⁷ Ядро вотчинного владения монастыря находилось в центральной Сербии, а более мелкие владения были разбросаны в разных областях: Зете, Северной Сербии и на Косовом поле. О локализации этих имений см.: Г. Шкриванић. Властелинство св. Стефана у Баньској. «Историски часопис» (далее — ИЧ), VI, 1956, стр. 177—198.

⁸ «Споменик Српске Краљевске Академије» (далее — Спом. СКА), IV, 1890, стр. 2, 5, 6. Ср. Г. Шкриванић. Там же, стр. 181, 182, 190, 192, 193; М. Благочејев и Ђ. Средьовековни забел. ИЧ, XIV—XV, 1966, стр. 1—16.

⁹ См., например, в межах с. Гусино и др. (Спом. СКА, IV, стр. 4, 5: «луки», «луг»).

¹⁰ Спом. СКА, IV, стр. 7—9; ср. Г. Шкриванић. Там же, стр. 194.

¹¹ Спом. СКА, IV, стр. 6, 7, 9.

¹² Там же, стр. 6.

¹³ Там же, стр. 7.

перевозили в монастырь овечий сыр с планин и выполняли на своих лошадях другие необходимые монастырю перевозки (зерна, соли, вина) ¹⁴.

О значительном развитии скотоводства в тот период и о наметившейся специализации и дифференциации его не только в Баньской метохии, но и в других владениях духовных и светских феодалов центральной Сербии (в том числе и во владениях королевской династии) мы можем судить не только по приведенным выше постановлениям этой грамоты, но и по содержащимся в ней замечаниям. Так, например, весьма красноречиво такое указание: «пастырям всем, овчарам и конюхам и яздничарам и кобыларам пусть платят, как и в Студенице» ¹⁵. Развитие скотоводства в этих районах нашло отражение и в топонимике (отметим, к примеру, «говедарев брод», «кушти свинаревский») ¹⁶, и в определении судебных штрафов тем или иным числом голов скота, т. е. точно так же, как и в Жичской грамоте начала XIII в. ¹⁷. Заметим, наконец, что в межах с. Племетина на Косовом поле упомянуты «станы королевских свиней» ¹⁸, а дарованное Баньской обители пастбище — забел Чрмен (в бассейне Ибара, близ Треччи) ранее принадлежало Сопотскому монастырю (Сопочани у истоков р. Рашки, в самом центре основных сербских земель), который получил взамен пастбище в соседней Сеницкой области ¹⁹.

В свою очередь о существовании в хозяйстве Святостефанского монастыря развитого земледелия говорят высокие отработочные повинности крестьян на барской запашке (из сельскохозяйственных культур упоминаются пшеница, просо, хмель, лен), равно как и большой оброк зерном — три меры («кьбьль») пшеницы, помимо хмеля и солода ²⁰. По-прежнему особое место принадлежало пчеловодству и рыболовству: известны, например, монастырские пасечники — «улияри» в Хвостне и Рашке ²¹, специальная подать с крестьянских пасек ²² (в данной связи можно указать и на упомянутых в межах Племетина и Гошева пасечников и «Пчелиную стену» ²³); рыболовством занимались «рыбари» из Плава, жители Зеты и «ловцы» из с. Брестие на р. Саве ²⁴. Эти же отрасли хозяйства существовали и в дворцовых имениях Неманичей в Хвостне и Плаве, где ранее пребывали переданные монастырю пасечники, пахари — «ратаи» и рыбаки и где упоминаются королевские пахотные земли — «теговишти кралевы» ²⁵.

Между тем это монастырское хозяйство центральной Сербии начала XIV в. по сравнению с уже рассмотренными нами выше другими феодальными имениями смежных областей заметно отличается, прежде всего, наличием весьма развитого и дифференцированного вотчинного ремесла. Любопытно перечисление в этой грамоте «майсториев» — ремесленников разных профессий, иногда даже сгруппированных в отдельных селениях — например, село кузнецов — «ковачей» на Корыках (близ г. Нови Пазар), строителей — «здьдцев», на Дразе (в бассейне Ибара), рудокопов — «рударей» в Глухой вьси (ныне Глухавице южнее Н. Пазара) ²⁶. Однако, как

¹⁴ Там же, стр. 9.

¹⁵ Там же, стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 5 (в межах планин верхней Зеты).

¹⁷ Там же, стр. 5—7, 9 (штрафы овцами, волами и конями — для владов и для сербов).

¹⁸ Там же, стр. 3 (ср. Г. Ш к р и в а н и ћ. Там же, стр. 183).

¹⁹ Спом. СКА, IV, стр. 2.

²⁰ Там же, стр. 6, 7.

²¹ Там же, стр. 3, 4.

²² Там же, стр. 7.

²³ Там же, стр. 3, 4.

²⁴ Там же, стр. 5, 7.

²⁵ Там же, стр. 3, 5 (ср. Г. Ш к р и в а н и ћ. Там же, стр. 191).

²⁶ Спом. СКА, IV, стр. 4, 6, 7, 9 (ср. Г. Ш к р и в а н и ћ. Там же, стр. 188, 189 и карта на стр. 178).

уже неоднократно отмечалось в исторической литературе, даже при достигнутой специализации и разделении отдельных ремесел, после появления ремесленников как особой категории сельского населения в Сербии, вотчинное ремесло оставалось «лишь дополнением поместного хозяйства»²⁷ и земледелия на домениальной запашке; красноречивее всего об этом говорит установление для ремесленников тех же барщинных повинностей, что и для «меропхов» — земледельцев и «сокальников»²⁸.

Вторым немаловажным отличием Баньского монастырского хозяйства от известных нам феодальных сенборий Рашки XIII в. (Богородичного монастырка на Бистрице, Жичской метохии и др.) было появление в нем ко второму десятилетию XIV в. виноградарства как отдельной (притом — общевотчинного значения) отрасли экономической деятельности, которой здесь уделялось особое внимание. Как гласит Святостефанский хрисовул, все жители, включая сельских священников, дьяконов, ремесленников, должны были обрабатывать виноградники; за невыполнение этих работ взимался большой штраф (виновный терял одного вола)²⁹.

Введение специальных барщинных работ на виноградниках, которые обязаны были выполнять даже крестьяне из дальних (зетских и плавских) селений Баньской обители³⁰, показывает, насколько велико было стремление феодальных землевладельцев добиться расширения и регулярной обработки виноградных лоз, посаженных в центральной и южной Сербии, путем применения массового подневольного труда. Одновременно с распространением виноградников, вероятно, увеличивалась и площадь, занятая адовыми и огородными культурами. Укажем, кстати, что в межах с. Гумништа, в северной Метохии, назван «Георгиев виноградник»³¹, а под Звечаном, в излучине Ибара, — сад, нива и мельница церкви св. Димитрия³².

Однако для понимания процессов развития феодального хозяйства и экономики всей страны гораздо важнее, как нам кажется, то обстоятельство, что в Святостефанском хрисовуле мы впервые так часто находим (в межвых перечнях) корчевки — «лазы», упоминающиеся в сербских грамотах XIII в. лишь в Захумье, но не в Рашке. К сожалению, этому недвусмысленному свидетельству подъема земледелия в собственно сербских областях в конце XIII — начале XIV в. и роста пахотных земель за счет «лазов», насколько нам известно, в имеющейся историографии вообще не уделяется внимания, а сами «лазы» даже рассматриваются как средство для расширения домениальных угодий феодалов и результат их стремлений к увеличению барской запашки³³.

Напротив, данные Святостефанской грамоты (как и Хиландарской грамоты ок. 1318 г., которой мы коснемся ниже) наглядно показывают, что «лазы» в подавляющем большинстве были участками, расчищенными в

²⁷ С. П. Б о б р о в а. Ремесло в сербском поместье в XIII — первой половине XIV в. (по данным хрисовулов). Труды Воронежск. гос. ун-та, т. 59, 1957, стр. 73.

²⁸ Спом. СКА, IV, стр. 6, 7.

²⁹ Там же, стр. 6. Ср. Н. В у ч о. Экономика средневековне Србије кроз Душанов законик и манастирске повеље. «Зборник у част шесте стогодишњице Законика цара Душана», I. Београд, 1951, стр. 187; а также постановления о добросовестной обработке виноградников арендаторами и крестьянами во многих статутах далматинских и итальянских городов: Котора, Падуи и др. («Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», М., 1961, стр. 541—545; А. Р е й ц. Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века, раскрытые из их муниципальных статутов. «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных», т. I, М., 1845, стр. 101).

³⁰ Спом. СКА, IV, стр. 7.

³¹ Там же, стр. 3 (виноградник несомненно церковный, судя по имени).

³² Там же (ср. «Купусов дол», т. е. Капустный — там же, стр. 13).

³³ Н. В у ч о. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955, стр. 77.

лесу самими крестьянами для создания новых посевов, как мы можем судить по их названиям, производным обычно от простонародных сербских, не христианских имен и прозвищ. Крестьяне корчевали такие «лазы» и в верхней Зете («Белмужев лаз») ³⁴, в горной Плавской области («Драгоман лаз» у Гусинья) ³⁵, затем и в южносербских пределах — по р. Ситнице («Братомири лази» и «лазе Мрежарева» близ с. Стрелац) ³⁶ и в Хвостне («Дупетини лази» и «Ковачевы лази», т. е. кузнецовы, в с. Гумништа) ³⁷, как и в Дренице («Дрѣжков лаз» в с. Бане) и средневековой Куявче («Храновы лази» и «Драгиини лази» у с. Осояни) ³⁸. Еще важнее упоминание лазов в центральной Сербии, в межах с. Дежево, Тушимля и др. («Братораг лаз» у Дежева, «Жѣбрань лаз» у Тушимли, где назван также и «Калугеров лаз» — т. е. единственный участок, раскорчеванный каким-то монахом и перешедший в его владение ³⁹). Разумеется, феодальные собственники, как видно из ряда источников южной Сербии и северной Македонии первой половины XIV в., поощряли такую инициативу крестьян, разрешая им присоединять очищенные от леса участки к своим наделам, поскольку они таким образом лишь расширяли возделываемые площади своих владений, сохраняя в то же время контроль и власть над крестьянскими надельными землями ⁴⁰. В данной связи обращает на себя внимание и право землевладельца на выморочные наделы в его вотчине ⁴¹.

Такие «лазы» затем превращались крестьянами в нивы, луга, даже сады, которые уже довольно часто упоминаются в описаниях межи различных селений в центральной Сербии (Рапке) ⁴². Поскольку ранее, в XIII в., межи обычно определялись лишь по рекам, ручьям, горным осыпям, скалам, деревьям и т. д. ⁴³, то содержащиеся в Святостефанском хрисовуле свидетельства мы склонны расценить как показатель роста зернового земледелия, виноградарства и садоводства в этих районах. Подтверждением этому, с нашей точки зрения, могло бы служить постановление Святостефанской грамоты о правах вдовы на крестьянский надел (любопытно, что обычный надел включал усадьбу, сад и несколько нив ⁴⁴) и о повинностях влаховсководов, которые в ряде случаев имели свои наделы и, вероятно, уже в большей мере, нежели ранее, занимались земледелием ⁴⁵.

По всей видимости, возделывание такой труднообъемной и ценной культуры, как виноград, в центральных районах державы Неманичей в первой трети XIV в. было под силу лишь феодальным землевладельцам, как и наиболее богатым горожанам, далматинским нобилиям, которые поселялись в процветавших тогда городах и торгах Сербии — Брвенике, Руднике, Брскове, Тречче и др. В нотариальных актах Котора сохранились, например, упоминания о принадлежавших патрицианской семье Бугон (в 1327 г.) доме, мельнице и винограднике в Брвенике, «большой территории» (земель-

³⁴ Спом. СКА, IV, стр. 4 (в межах с. Хмельница; о местонахождении см.: Г. Шкриванић. Там же, стр. 192).

³⁵ Спом. СКА, IV, стр. 5.

³⁶ Там же, стр. 3 (ср. Г. Шкриванић. Там же, стр. 183).

³⁷ Спом. СКА, IV, стр. 3.

³⁸ Там же (ср. Г. Шкриванић. Там же, стр. 184).

³⁹ Спом. СКА, IV, стр. 4 (ср. Г. Шкриванић. Там же, стр. 184, 186). В отличие от обычных крестьянских участков грамота называет доменальные пахотные земли — «стльпе» (например, «Стефане стльпе»). Спом. СКА, IV, стр. 3 — в межах с. Осояни).

⁴⁰ С. Новаковић. Там же, стр. 392, 639; Д. Ангелов. Аграрные отношения в северной и средней Македонии през XIV век. София, 1958, стр. 71—74.

⁴¹ Спом. СКА, IV, стр. 7.

⁴² Там же, стр. 4 («нивы», «Осьтна нива», «Далетин ждреби» и т. п.).

⁴³ Так, например, в грамотах Богородичного монастырька на Бистрице в Полимье, Хумской епархии (см., например: Спом. СКА, III, 1890, стр. 6, 9).

⁴⁴ Спом. СКА, IV, стр. 7.

⁴⁵ Там же, стр. 9 (ср. Г. Шкриванић. Там же, стр. 197: о «влашской земле»).

ном участке) в Руднике, где они имели еще «две территории», и двух домах в Брскове⁴⁶. В другом документе говорится о продаже за 110 перперов дома Петра Бугона в Брвенике («с садом»)⁴⁷. По-видимому, в Брвенике имели виноградники и которские нобили из других родов (Црнели, Владо и др.)⁴⁸.

Как можно предполагать, менее благоприятны для развития виноградарства и садоводства были равнинные, но нередко засушливые пределы Косова поля и смежных районов южной Сербии, где в то время были разбросаны имения Липлянской епархии (Грачаницкого монастыря) и Липлянской Богородицы, метоха Хиландарского пирга. О хозяйстве этих духовных феодальных землевладельцев мы можем судить на основании грамот, изданных в 1315—1337 гг.⁴⁹ и проливающих в известной мере (говоря о прежних подданных и землях их дворцовых сел) свет и на структуру королевских имений Неманичей на этой территории.

Как свидетельствуют две эти дарственные грамоты сербских королей, главными отраслями в королевских и монастырских владениях той поры были зерновое земледелие и скотоводство⁵⁰, опиравшееся преимущественно на труд зависимых влахов⁵¹. В данных районах дополнением названных выше отраслей служили пчеловодство⁵², рыболовство⁵³, и виноградарство. Вероятно, интенсивные сельскохозяйственные культуры здесь были представлены в первой трети XIV в. лишь единичными виноградниками, садами и огородами⁵⁴.

Это преобладание прежних, традиционных для средневековой Рашки экстенсивных отраслей сельского хозяйства (скотоводства и зернового земледелия), как нам представляется, и было причиной сохранения в данных монастырских вотчинах южной Сербии старых норм феодальной ренты («старый закон сербам» и «закон св. Саввы»)⁵⁵. Эти прежние нормы предусматривали главным образом работы на барской запашке и сенокосах, а

⁴⁶ А. Мауег. Monumenta catarena, t. I, Zagreb, 1951, стр. 175, № 496. Ср. К. Јиречек. Там же, т. II, стр. 93, прим. 40; «Зборник Константина Јиречека», II, Београд, 1962, стр. 254; Р. Ковијанић. Вита Которанин неимар Дечана. Београд, 1962, стр. 108.

⁴⁷ А. Мауег. Там же, стр. 415, № 1240 (с явной опiskeй «oborto» вместо «orto»).

⁴⁸ См. К. Јиречек. Там же, стр. 93; Р. Ковијанић. Там же, стр. 108.

⁴⁹ М. Павловић. Грачаничка повеља. «Гласник Скопског научног друштва», III, 1928, стр. 125—135; С. Новаковић. Там же, стр. 486, 487. Местонахождение имений: см. Р. Ивковић. Земљиши поседе Грачаничког властелинства. ИЧ, књ. XI, 1961, стр. 253—264. Видимо, Грачаничка грамота, записанная в 1321 г., возникла в 1315—1316 гг., так как в ней названы Баньская обитель, король Драгутин и архиепископ Савва, но отсутствует Стефан Дечанский (ср. УЗИС, XXIV, стр. 259, прим. 14; Б. С. Радочић. Хронологија Грачаничке повеље. «Богословље», 1926, св. 4, стр. 12). Грамота Липлянской Богородице была дарована, вероятно, примерно в 1337, а не в 1331 г. (ср. В. Мошини М. Пурковић. Хиландарски игумани средњег века. Скопље, 1940, стр. 62; К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.), М., 1968, стр. 192).

⁵⁰ М. Павловић. Там же, стр. 126, 128, 133 («паштица зимние и летние», «сенокос, что косило королевство мое»); С. Новаковић. Там же, стр. 486 («планина» Млечны у Сиринич, южнее Неродимле; «ливады» у Липляна и в Сухогрле, т. е. в северном Хвостне).

⁵¹ М. Павловић. Там же, стр. 130, 131 (около 30 семей влахов), ср. Р. Ивковић. Там же, стр. 263.

⁵² М. Павловић. Там же, стр. 127, 132, 133 (пожалованные королем «улиари», подать с крестьянских пасек); С. Новаковић. Там же, стр. 486 (пасека в с. Словине близ Липляна).

⁵³ М. Павловић. Там же, стр. 127, 128 («рибники» у Неродимли), ср. Р. Ивковић. Там же, стр. 260, 261.

⁵⁴ М. Павловић. Там же, стр. 131 («овощие» в королевской резиденции Неродимле); С. Новаковић. Там же, стр. 486 («поль винограда Губавьча»).

⁵⁵ М. Павловић. Там же, стр. 132, 133; С. Новаковић. Там же, стр. 487 (ср. стр. 486 о монастырской запашке — один «стльп земли» в Липляне и четыре в северном Хвостне, совр. Метохии).

не на виноградниках монастырей. О немногочисленности тогда виноградников на Косовом поле можно судить по крестьянским повинностям, в числе которых фигурирует обязательное приготовление солода для пива. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что единственный, названный особо, виноградник Липлянской Богородицы (притом «половина виноградника Губавча») был расположен не в пределах Косова, а в Сухогрле, на севере соседней области Хвостно.

Несомненно, что такое соотношение отраслей сельского хозяйства в феодальных имениях Косова поля заметно отличалось от экономической структуры примыкавших к Косову с запада и юго-запада районов Сербии (Хвостно и Призренский край), где в 20—30-х годах XIV в. мы можем проследить развитие интенсивного земледелия (в частности, виноградарства) и где крестьяне, продолжая заниматься скотоводством и пчеловодством, стараются расширить свои посеы и сенокосы за счет корчевки леса. Эти тенденции развития феодального хозяйства в целом, уже проявившиеся и в центральной Сербии начала XIV в. (в рассмотренных нами выше монастырских владениях), находят здесь отражение в документах других феодальных собственников: Хиландаря, Призренской епархии, Дечанского монастыря.

Обилие виноградников и нив, сокращение площади лесов и пастбищ для устройства «лазов», пасек, равно как и выделение наделов владцам, — все это говорит об определенной тенденции к интенсификации хозяйства в сфере расположения владений Призренской епархии. Любопытно, что Урош III выделил ей и часть королевского «забела» Слатины (заповедного леса на рубеже Деницы и Косова) не только как пастбище для откорма скота, но и чтобы, «насколько возможно, людям церковным делать себе лазы»⁵⁶. Не менее важно и примечание грамоты: «и все, что кто-либо делал лазы на их земле» (т. е. в этом лесу до пожалования Призренской епархии), стало собственностью епархии⁵⁷.

Впрочем, из других грамот мы узнаем о том, что сербские крестьяне в 20-х годах XIV в. расчищали леса для посевов не только в пределах Слатинского забела, в Дренице, но также и в простирающихся к западу от нее краях южной Сербии (ныне Подрима и Метохия). Например, в межах хиландарских сел Момуши, Добродолян и др. (1327 г.) упоминается «Браишин лаз», «Горачин луг» и Слатинская «шума» (т. е. лес)⁵⁸. Но особенно интересна в этом плане Хиландарская грамота о «селище Улиарском» (близ Печи, в Метохии), пожалованном монастырю королем Милутином (ок. 1318 г.) в качестве пасеки⁵⁹.

⁵⁶ С. Н о в а к о в и ћ. Там же, стр. 639 (речь идет, видимо, о жителях Белавчевца).

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Византийский временник», т. XIX, Пг., 1915, стр. 448.

⁵⁹ Спом. СКА, III, стр. 17—24. Эта грамота в историографии обычно считается фальсификатом XV в., основанным на Житии Милутина, которое было написано Данилом II около 1332 г. (см. Ј. Р а д о и ћ. Биографија и аутобиографија краља Милутина. ЛМС, књ. 183, 1895, стр. 92—109; С. Н о в а к о в и ћ. Там же, стр. XV; Б. Сп. Р а д о ј и ч и ћ. Житије Стефана Уроша II Милутина у Римничком србљаку (1761). ИЧ, IX—X, 1960, стр. 98, 99. Ср. В. Б у р и ћ. Историјске композиције у српском сликарству средњега века и њихове књижевне паралеле. «Зборник радова Византолошког института», књ. X, 1967, стр. 143 и прим. 107). Как любезно сообщил нам В. А. Мошин, он не считает ее поддельной и включает в т. I подготовленного им Сербского средневекового дипломатария. Неубедительность ряда аргументов, приведенных И. Радоницем, и возможность появления ошибок в сохранившейся копии грамоты (копия относится к 30-м годам XV в.), как нам кажется, допускает использование ее данных о крестьянах как вполне достоверных. Более того, вполне возможно предположение о создании в последние годы правления Милутина своеобразного прототипа жития Уроша II, расширенного затем Данилом II. Разумеется, этот вопрос требует специального исследования.

Здесь примечательно не само незначительное пожалование, а те постановления о пользовании землей крестьянами близ данного селища, которые говорят, как об обычном явлении, о расчистке местными жителями (хиландарскими «улиярами» и подданными архиепископа) участков леса под пашню или сенокос. По-видимому, в этих районах Метохии процессы внутренней колонизации, увеличения сельскохозяйственных площадей, распашки корчевок и пастбищ уже тогда начинали приводить к нехватке свободных, быть может, самых удобных и плодородных земель, к ограничению землепользования межами селений и запретам освоения земли соседними сельчанами. Поэтому-то, как нам кажется, и появляются в грамотах упоминания земельных споров, указания на стремление феодальных землевладельцев уже не только закрепить за собой какие-то села «с людьми», но и обеспечить наилучшие земли, наиболее выгодные условия землепользования для своих «людей», для развития собственного доменального хозяйства и крестьянских хозяйств. В данной связи Хиландарская грамота гласит: «умолило королевство мое господина архиепископа, чтобы люди архиепископа не запрещали (использование) леса хиландарским улиярцам до своей межи, но где только хотят архиепископовы люди раскорчевать в этом лесу лаз или сенокос, пусть имеют как баштину; так же и хиландарские улиярцы, где смогут в этом лесу раскорчевать лаз или сенокос, пусть имеют как баштину, и пусть им не чинят препятствий из-за строительного леса и дров, как и архиепископским людям»⁶⁰.

Как нам кажется, на основании приведенных фактов можно составить определенное представление не только об экономике отдельных дворцовых, церковных и светских феодальных владений южной Сербии первой трети XIV в., но и о росте и интенсификации вотчинного и крестьянского хозяйства, расширении возделываемых площадей и т. д. Между тем, для проверки полученных данных и более полного исследования динамики сельского хозяйства в средневековой Сербии особое внимание необходимо уделить Дечанским грамотам, составленным в 1330—1331 г. и в 1343—1345 гг.⁶¹.

Анализ Дечанских грамот, содержащих подробные межевые перечни и «закон» о повинностях крестьян, дает возможность получить весьма обстоятельные сведения о структуре и отраслях всего монастырского хозяйства Дечан. Богатый Дечанский (Пантократоров) монастырь, построенный королем Стефаном Урошем III (Дечанским), получил от него в собственность обширные земельные владения и многочисленные села в Западной Метохии (в бассейне Белого Дрима и Дечанской Бистрицы) и смежных горных районов Плавской области⁶². На этой территории возникло многоотраслевое, весьма развитое для той поры доменальное хозяйство Дечанской обители, сочетавшее земледелие, скотоводство, дифференцированное

⁶⁰ Спом. СКА, III, стр. 24.

⁶¹ О датировке их и изданиях см. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. XXIV, стр. 259, прим. 15, 16; С. Н о в а к о в и Ђ. Село. Београд, 1965, стр. 139, 140, 213, 214. К сожалению, текстология и соотношение Дечанских грамот исследованы еще недостаточно (ср. «Славянский архив», 1962, стр. 23 и прим. 122; М. Д и н и Ђ. Сокалници. ПКЈИФ, 1962, стр. 150, прим. 9). По нашему мнению, изданная в 1330—1331 гг. I Дечанская грамота дошла до нас в двух редакциях (одна в публикациях Юришича, Миллошича и др., другая — в публикации Милоевича), а ее текст был дополнен при Душане в 1343—1345 гг. В пользу такой датировки II Дечанской грамоты говорит не только титул Душана (как отмечал С. Димитриевич, см. ИЧ, кн. IX—X, 1960, стр. 118, прим. 15), но и упомянутые в ней «межи Архангельские», т. е. основанного в 1343 г. Архангельского монастыря близ Призрена (М. М и о ј е в и Ђ. Дечанске хрисовуље. «Гласник Српског ученог друштва». II одеље, књ. XII, Београд, 1880, стр. 12).

⁶² См. Р. И в а н о в и Ђ. Дечанско властелинство. ИЧ, кн. IV, 1954, стр. 173—225; Р. И в а н о в и Ђ, И. С и н д и к. Историско-географски значај Дечанске хрисовуље из 1330 год. ИЧ, књ. II, 1951, стр. 183—189 (ср. Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. XXIV, стр. 42, 43).

вотчинное ремесло ⁶³, рыболовство ⁶⁴, виноградарство и садоводство. Правда, в отличие от других, рассмотренных нами феодальных владений Сербии, здесь мы не находим развитого пчеловодства.

Несомненно, что в хозяйственной деятельности жителей Дечанских имений в 30—40-х годах XIV в., равно как и соседних селений, одно из главных мест занимало прежде всего зерновое земледелие. Здесь сеяли пшеницу, овес, просо ⁶⁵; упоминаются и посевы льна ⁶⁶. По своей значимости земледелию не уступало животноводство, развитое и в вотчинном, и в крестьянском хозяйствах, как в горах и предгорьях западнее и южнее Дечан, так и на равнине по берегам Белого Дрима.

В Дечанских грамотах особо перечисляются пожалованные королем монастырю многочисленные пастбища — «планины» и «зимовица» ⁶⁷, где пасли монастырские стада зависимые скотоводы — влахи и албанцы, а также бывшие королевские «биволяри» и конюхи ⁶⁸. Как видно из грамоты, в этой местности скотоводством занимаются не только влахи, но и крестьяне-земледельцы («меропхи»), рыбаки ⁶⁹ и представители других прослоек сельского населения. Об этом свидетельствуют частые упоминания в Дечанских грамотах господских и крестьянских сенокосов, крестьянской повинности по уборке сена ⁷⁰, взимание со всех крестьян в пользу монастыря «ягнятины» ⁷¹ и даже данные топонимики («земля Биволяк» и др.) ⁷².

Однако в гористых Плавских пределах и предгорьях западнее Дечан во второй четверти XIV в. постепенно начинало изменяться соотношение основных отраслей сельского хозяйства. С распашкой лугов и горных пастбищ, с превращением части «планин» в сенокосные угодья в известной мере повышалось значение зернового земледелия, а скотоводство становилось гораздо более интенсивным, чем прежде. Как и в Баньском хрисовуле, в меже Плавских планин по Дечанским грамотам указывается, что «от Врмоши, где не орут и не косят, — это все планина». Причем здесь делается аналогичное замечание уже и для другого края Черных гор (между Плавской и Будимльской областью), где также началось освоение обширных пастбищ ⁷³.

Более того, так же, как и в Баньской метохи, здесь, в пределах Дечанских имений и соседних с ними селений юго-западной Сербии, широко распространенным явлением стала корчевка леса крестьянами для создания «лазов», превращавшихся потом в нивы и «ливады». Так, например, в

⁶³ См., например, М. Милојевић. Там же, стр. 61, 131, 133; С. Б. Боброва. Там же, стр. 67—71; Р. Ивановић. Дечанско..., стр. 199 (о с. Грнчарево).

⁶⁴ М. Милојевић. Там же, стр. 56 (бывшие королевские «рыбари» в Плаве), 117 («Рикавац ловиште рыбама» у Врмоши). Ср. Р. Ивановић. Дечанско..., стр. 197, 199.

⁶⁵ М. Милојевић. Там же, стр. 61, 133.

⁶⁶ Там же, стр. 40, 144 («льница» в межах с. Комаране).

⁶⁷ Там же, стр. 27 (зимовице для с. Куманово), 43, 55, 56, 68; Р. Ивановић. Дечанско..., стр. 178, 179, 185.

⁶⁸ М. Милојевић. Там же, стр. 5, 43, 49—54, 55, 126, 127. Ср. Р. Ивановић. Дечанско..., стр. 200, 203—205, 209 (автор не назвал катун влахов — Пагарушан и допустил ряд других ошибок).

⁶⁹ М. Милојевић. Там же, стр. 40 («рибарские сенокосы» в Плаве).

⁷⁰ Там же, стр. 15, 43, 58 («Савин сенокос», сенокосы в Комштице), 61, 67 («Маноилов сенокос»); ср. Р. Ивановић. Дечанско..., стр. 193, 195.

⁷¹ F. Miklošić. Monumenta serbica. Vindobonae, 1858, p. 98 (ср. «Славянский архив», 1962, стр. 23).

⁷² Ibid., p. 92; ср. «Дмитрова ягнила», Овчарево, «Кобиль доль» (М. Милојевић. Там же, стр. 9, 25, 26).

⁷³ «и от Злой Реки, где не папуг и не косят, — это все планина» (М. Милојевић. Там же, стр. 43; ср. прим. 12).

перечнях границ отдельных селений мы встречаем и название «гари Белевой» (у с. Манастириц, ныне Манастирица юго-восточнее Призрена)⁷⁴, которая, вероятно, свидетельствует о выжигании леса и кустарников для устройства пашни. Там встречается в межах бывшей «псарской земли» (т. е. королевских псарей) на Брняшче в Подримье примечание: «и в Трновце — что раскорчевали псари и сколько не расчищено земли от Буйкова виноградника в гору до верха и до Милошевой нивы, что есть лядина»⁷⁵. Как нам представляется, сама формулировка данной фразы Дечанской грамоты позволяет судить о возросшей ценности даже лядины (нерасчищенной площади), а специальная оговорка о даровании последней подразумевала ее скорое освоение.

Об интенсивной внутренней колонизации, о росте возделываемых сельскохозяйственных площадей говорят нам частые упоминания в Дечанских грамотах «лазов»⁷⁶, (небезынтересен, в частности, «Влашский лаз» в межах с. Чабич)⁷⁷, отдельных крестьянских нив⁷⁸ (иногда — даже бывших королевских)⁷⁹, домениальных участков — «стльпов» Дечанского монастыря и соседних феодалов⁸⁰ и специальное постановление о совместном пользовании водой (для двух сел — Люболики и Ораховичики)⁸¹, которое дает основание предполагать в данном случае отвод воды для мельницы или орошения засушливых земель.

Вместе с тем в данных районах юго-западной Сербии во второй четверти XIV в. мы можем отметить и заметное развитие высокопродуктивных сельскохозяйственных культур, распространение виноградарства и садоводства. Дечанские грамоты рассказывают нам о повинности по возделыванию монастырских виноградников, обязательной для всех крестьян (меропхов, сокальников, ремесленников, исключая лишь жителей Плавской области⁸²), о передаче монастырю королевских виноградников Дечан (три виноградника)⁸³, виноградников сельских церквей (св. Петра при Чабике, св. Врачей в Стрельце и св. Николая в Ботуше)⁸⁴.

Анализ Дечанских грамот позволяет делать вывод о довольно широком развитии виноградарства и садоводства не только в имениях самых крупных феодалов (в том числе и в королевских), но на землях низшего духовенства и, видимо, иногда даже местных крестьян. Любопытно, например, сравнить одно пожалование королем Дечанской обители по I и II грамотам. Если в первой сказано о передаче под власть монастыря земли попа Богдана «с садами и виноградником и мельницей» (ниже в межах упоминается и «Буйков виноградник», видимо, близ Брняшчи)⁸⁵, то во второй гра-

⁷⁴ Там же, стр. 128. Ср. Р. И в а н о в и ћ. Дечанско..., стр. 202.

⁷⁵ М. М и л о ј е в и ћ. Там же, стр. 67, 130.

⁷⁶ М. М и л о ј е в и ћ. Там же, стр. 9 («Космъче лазе» у с. Стрельць. F. M i k l o s i c h. Ibid., p. 92; Р. И в а н о в и ћ. Дечанско..., стр. 184); 42 («Драгоман лаз», ср. выше, прим. 35); 57 («Ковачев лаз» у с. Добри Доле); 131 («лази» церкви св. Петра у с. Чабикъ); 59 («лази» у Ботуши).

⁷⁷ Там же, стр. 25 (ср. Р. И в а н о в и ћ. Дечанско..., стр. 190).

⁷⁸ См., например, М. М и л о ј е в и ћ. Там же, стр. 11, 40—57 (Грданова нива), 67 (Милошева нива), 71 («три нивы Улокские» — т. е. жителей с. Улочани; F. M i k l o s i c h. Ibid., p. 92, 93).

⁷⁹ М. М и л о ј е в и ћ. Там же, стр. 130 (у Брняшчи).

⁸⁰ Там же, стр. 25 («стльпъ» близ Чабика), 49 («Казньчъ стльпъ», т. е. королевского казначея, у с. Долянци), 59 (два у Ботуши), 71 («стльпъ прьковныи» у Дечан), 124 («Хераков стльпъ» у Тудоричевцев).

⁸¹ Там же, стр. 11 (ср. Р. И в а н о в и ћ. Дечанско..., стр. 184).

⁸² Там же, стр. 61, 133.

⁸³ F. M i k l o s i c h. Ibid., p. 92.

⁸⁴ М. М и л о ј е в и ћ. Там же, стр. 131; 59, 133 (в Ботуше «Радувъ виноградъ... виноградъ кои да Добрьчинъ...»).

⁸⁵ Там же, стр. 67.

моте фигурируют уже виноградники Богдана (т. е. несколько), а также «сад старый» (возможно, принадлежавший ранее королю) ⁸⁶.

Распространение виноградников и фруктовых садов в этих районах Сербии к 30-м годам XIV в. нашло отражение и в упоминании (при определении межи) виноградников ⁸⁷, отдельных плодовых деревьев (груш, черешен и т. д.) ⁸⁸, даже в названии некоторых селений «Яблочными» ⁸⁹. Особое внимание привлекают названия «Станоев виноград», «Буйков виноград» и т. д., которые указывают на разведение виноградной лозы крестьянами и сельскими священниками, вроде попа Богдана. О приобретении крестьянами Дечанской вотчины определенного навыка и интереса к виноградарству говорит и отсутствие в Дечанских грамотах высокого штрафа за невыполнение в срок барщины на монастырских виноградниках, который, как мы указывали выше, содержится в Баньском хрисовуле.

Все рассмотренные нами свидетельства о сербской деревне в конце XIII — первой половине XIV в. говорят о гораздо более высоком уровне (нежели в XIII в.) производительных сил, о подъеме земледелия и скотоводства, о появлении виноградарства как особой отрасли хозяйства собственно сербских областей (Рашки), о расширении площади под виноградниками и садами не только в Метохии и Призренской области, но и в центральной и северной Сербии. Весьма показательным признаком интенсивного освоения значительной массы земель (лесов, пастбищ, пустошей) является повсеместное появление «лазов», раскорчеванных и очищенных от леса и кустарника крестьянских участков, распашка пастбищ, посадка виноградников и садов не только крупными феодальными собственниками, но жителями средневековых городов (в особенности выходцами из Далмации) и даже зависимыми крестьянами.

Вполне понятно поэтому, что Сербия первой половины XIV в. уже вовсе не казалась иностранным географам и путешественникам пустынной, дикой и преимущественно скотоводческой страной. Напротив, заметный прогресс земледелия (возможно, и переход кое-где к трехполью) обусловил не только меньшую зависимость от ввоза зерна, но даже, например, позволил сербскому королю Стефану Душану разрешить (в период 1331—1343 гг.) дубровчанам в своем государстве производить и закупки хлеба, помимо самых главных и обычных продуктов сербского экспорта той поры — кож, воска, сыра и скота ⁹⁰. Несомненно, что рост экономической мощи средневековой Сербии был одной из причин успешных завоеваний Душана на юге Балканского полуострова и громадного расширения феодальной державы династии Неманичей, превратившейся в 1345—1346 гг. в обширное Сербо-греческое царство, а различия в экономической структуре областей, в свою очередь, сыграли не последнюю роль в распаде этого государства уже в 60-х годах XIV в.

⁸⁶ Там же, стр. 130.

⁸⁷ Там же, стр. 24 (у с. Чабик), 38 («виноградиште» в меже Алтина), 58 («Станоев виноград» у с. Зерзево). Ср. Р. И в а н о в и Ђ. Дечанско..., стр. 188, 190, 193.

⁸⁸ М. М и л о ј е в и Ђ. Там же, стр. 40 (в меже Комаран).

⁸⁹ Р. И в а н о в и Ђ. Дечанско..., стр. 193, 195.

⁹⁰ С. Н о в а к о в и Ђ. Законски споменици..., стр. 166 (ср. Љ. С т о ј а н о в и Ђ. Старе српске повеље и писма, књ. 1, д. 1, Београд, 1929, стр. 220 — в ответе правительства Дубровника на письмо сербского деспота Стефана Лазаревича, 1417 г.).

С. НИКОЛЬСКИЙ

СЮЖЕТ И ЖАНР ПЬЕСЫ К. ЧАПЕКА «ДЕЛО МАКРОПУЛОС»

«Дело Макропулос» (1922) — второе утопическое произведение К. Чапека. Первым была пьеса «R. U. R.» («Россумовские Универсальные Роботы»). Создав в 1920 г. эту драму, Чапек открыл для себя новую художественную форму — форму своего рода мысленного социально-философского эксперимента, основанного на научно-фантастическом допущении. «Каждая утопия, как уж водится, вырастает из определенных размышлений и в свою очередь к размышлениям побуждает. Изобразить условия, которых нет и никогда не было в жизни, поместить их в неконтролируемом удалении в пространстве или во времени, освободиться от близкой и четкой действительности — может ли автор преследовать при этом иную цель, нежели поставить определенный мысленный опыт, попытаться решить какую-то задачу, сконструировать некое идейное построение, привести доказательства в пользу определенной точки зрения? Все это не без оснований искали и в моей утопической драме»¹, — писал Чапек, комментируя пьесу «R. U. R.». Допущение необыкновенного открытия или изобретения позволяло автору «изобразить условия», в которых в обостренной форме представала та или иная проблема жизни человечества, те или иные философские вопросы, те или иные тенденции современной жизни. Последние как бы укрупнялись и полностью проявляли в экспериментальных обстоятельствах свой потенциал.

Своеобразие мысленного социально-философского эксперимента у Чапека, отличающее чешского писателя, например, от Г. Уэллса, заключается в том, что обычно это иронический, или сатирический эксперимент. В подобном ключе выдержана и комедия «Дело Макропулос».

С точки зрения проблематики пьеса развивает определенный аспект предшествующей драмы. Как и в пьесе «R. U. R.», внимание автора вновь привлечено к вопросу о морально-этической и гуманистической сущности человека, к вопросу об истинно человеческом в человеке.

Научно-фантастическую идею комедии «Дело Макропулос» подсказала Чапеку гипотеза русского ученого Мечникова, выдвинувшего в свое время предположение, что старость наступает в результате самоотравления организма, постепенной его интоксикации продуктами распада. Драматург исходит в пьесе из допущения, что найдено соответствующее вещество — антиоксин. Будучи однажды введено в организм человека, оно на длительное время предотвращает процесс старения. Сказанным, собственно, и исчерпывается содержание научно-фантастической гипотезы. Автор не развивает ее более подробно, так как центр тяжести пьесы лежит в философских проблемах. Это своего рода мысленный опыт, выливаю-

¹ К. Чапек. Ještě R. U. R. «Jevišťe», г. 2, ч. 8, 1922, с. 118.

щийся в полусерьезный, полулукавый и иронический вопрос, а так ли уж заманчиво бессмертие, не обернется ли оно охлаждением интереса к жизни, не онемеют ли у человека, живущего несколько столетий, чувства. Но это лишь одна сфера философской проблематики, тяготеющая, так сказать, к научно-фантастической футурологии. Пьеса вместе с тем имеет и более общий, в некотором отношении более насущный, философский смысл, наводящий на вопрос, а что же вообще дала человека человеком. Если в драме «R. U. R.», ставя тот же вопрос, автор развивал фантастическое представление о человекоподобном биологическом роботе, своего рода двойнике человека, не обладающем человеческой сущностью, то в новой пьесе, наоборот, выведен образ человека, у которого анестезирована «душа», чувства. Научно-фантастическое допущение позволило Чапеку создать образ героини, прожившей более трехсот лет, сохранившей внешность неувядающей красавицы, но утратившей душевные и духовные качества.

Особую впечатляющую силу пьесе Чапек придает максимальное приближение действия драмы к современности. Хотя Чапек и говорил, что автор утопических произведений обычно помещает события «в неконтролируемом удалении в пространстве или во времени» и «освобождается от близкой и четкой действительности», в пьесе «Дело Макропулос» ничего подобного нет. Если центром событий драмы о роботах автор сделал неведомый остров, а сами события отнес куда-то к концу нашего века (это тоже не столь далекое будущее, как в романах Г. Уэллса «Машина времени», «Когда спящий проснется» или в драме Б. Шоу «Назад к Мафусаилу»), то действие комедии «Дело Макропулос» происходит в Чехии, в наши дни, и даже более того — в год написания пьесы. Завязку событий автор отодвинул в прошлое. Он отправляется от допущения, что эликсир жизни был найден еще несколько столетий тому назад, хотя и остался известным лишь одному человеку. Впечатление от художественной иллюзии и ощущение остроты философских проблем как бы усилены тем, что фантастический образ обладательницы эликсира «вписан» в сегодняшнюю жизнь, даже в сегодняшний быт. Автор заставляет зрителя вообразить, будто где-то вот тут, рядом, повседневно встречаясь с нами, живет человек, познавший бессмертие. Женщина, которую все принимают за тридцатилетнюю, родилась в XVI в. и хранит тайну трехсотлетней жизни (ее год рождения — 1585 !). Непосредственное действие пьесы и представляет собой раскрытие этой тайны героини и тайны ее характера, вокруг которой концентрируются философские и морально-этические проблемы пьесы.

В интересах большей ясности и доказательности последующего анализа необходимо напомнить основные моменты сюжета драмы. Главная ее героиня — Эмилия Марти, певица поразительной красоты, обладающая фантастической вокальной техникой. Приехав на гастроли в Чехословакию, она проявляет неожиданный интерес к судебному процессу между дворянскими фамилиями Прусов и Грегоров. Предметом тяжбы было имение, на территории которого еще в прошлом веке обнаружили каменноугольные залежи (стоимость их оценивалась суммой около ста пятидесяти миллионов). Повод для споров дала неясность в записи последней воли прадеда барона Пруса, завещавшего, судя по всему, спорное имение предку Грегора, но неверно назвавшего на смертном одре его имя. Тяжба имела уже без малого столетнюю историю. То затухая, то вновь разгораясь, она переходила из поколения в поколение. Но теперь дело близилось к окончательной развязке. Эмилия Марти, впервые узнавшая о процессе, в то же время оказывается странным образом посвященной в сокровенные семейные тайны предков Пруса и Грегора. Она мгновенно разъясняет темные места завещания, заявляя, что речь в нем идет действи-

тельно о Фердинанде Грегоре, и сообщает неизвестный факт, что он был внебрачным сыном барона Пруса и певицы Венской императорской оперы Эллен Мак-Грегор, благодаря чему в завещании и появилось непонятное «Мах Грегор», т. е. «Мак-Грегор». Более того, Марти заверяет, что в архиве барона Пруса за 1816 г. должен храниться конверт, запечатанный фамильной печатью, с официальным завещанием барона, скрепленным его собственноручной подписью. Документ действительно был найден в указанном месте. Когда оказывается, что для полной ясности дела все же недостает бумаги, которая подтверждала бы тождество Мак-Грегора и сына барона (в обоих завещаниях об отцовстве умалчивалось), Эмилия Марти незамедлительно предоставляет в распоряжение Грегора соответствующее свидетельство за подписью и с печатью Эллен Мак-Грегор.

По мере прояснения этой истории как снежный ком растут, однако, загадки, окружающие личность самой Эмилии Марти. Завязывается как бы второй детективный сюжет, срощенный с первым (т. е. с историей завещания Пруса). Вызывает всеобщее недоумение осведомленность Марти в интимных событиях столетней давности, в содержании пакетов, пролежавших целый век нераспечатанными, и т. д. К тому же старый граф Гаук-Шендорф, не веря своим глазам, узнает в ней несколько не изменившуюся любовницу своей молодости, испанскую цыганку Евгению Монтес. С тех пор прошло, однако, пятьдесят лет, и сам он стал стариком.... И тем не менее Марти вдруг подхватывает его испанскую фразу, а затем попросту заявляет, что теперь она уже не Евгения Монтес. В довершение всего выясняется, что письменное свидетельство Эллен Мак-Грегор, умершей в 30-х годах прошлого века, написано ализариновыми чернилами, которые появились позже. К тому же почерк совпадает, с одной стороны, с почерком в письмах Эмины Макропулос, найденных в бумагах прапрадеда Пруса, и, с другой, с собственным почерком Эмилии Марти. Становится также ясно, что интерес Марти к делу Пруса и Грегора связан с ее стремлением во что бы то ни стало раздобыть греческий пергамент, хранившийся в архиве барона Пруса. Обвиненная в мошенничестве, Марти вынуждена раскрыть тайну и рассказать об эликсире, который был найден ее отцом Иеронимом Макропулосом, придворным медиком короля Рудольфа II. Мнительный монарх, опасавшийся отравления, испробовал предварительно эликсир на дочери Макропулоса. Так как прием волшебного средства действительно вызывал вначале нечто вроде болезни, небезопасной для жизни, то король упрятал лейб-медика в подземелье и предпочел умереть естественной смертью. Марти же бежала за границу и жила там, переезжая из страны в страну и меняя время от времени имя и документы, но сохраняя при этом свои инициалы: Е. (Э.) М. Появление первых морщин, напомнивших, что действие эликсира ослабевает, вновь привело ее в Чехию, где сто лет назад она оставила рецепт эликсира своему любовнику барону Прусу, который воспользовался им впоследствии, однако не перенес болезненной реакции организма на напиток бессмертия и скончался.

Как мы видим, пьеса родственна по своему построению детективному жанру со специфическим для него принципом реконструкции событий. Этот жанр выкристаллизовался в 40-х годах прошлого века. Его родоначальником стал Эдгар По, а крупнейшим мастером Конан Дойль. Как полагают некоторые исследователи, жанровую структуру, по-видимому, могли подсказать новые тенденции в судопроизводстве, связанные с введением практики расследований и точных доказательств, пришедших на смену прежним феодальным «дознаниям» с пытками и господством своеволия. Но дело, конечно, не в этой кальке, легкой в основу жанра, а в той художественно-познавательной функции, которую она приобрела. Первоначаль-

но детективный жанр возник как особого рода романтическое повествование о поисках истины, о торжестве человеческого разума, справедливости и высоких морально-этических принципов. Правда, особенности сознания буржуазной эпохи, господствующие правовые и морально-этические нормы зачастую налагали свой отпечаток на произведения этого жанра. Правда также, что позже он был во многом опошлен в бесчисленных поделках поставщиками дешевого развлекательного чтения. Однако лучшие образцы детективного жанра отличаются демонстрацией силы человеческого интеллекта, духом поисков истины, пафосом развенчания порока и преступления. Особое достоинство этого жанра состоит в том, что он стимулирует высокую увлеченность и активность читателя. Основу его составляет, как известно, логическое решение загадки. Чапек также писал, что «мотив загадки — альфа и омега детективного жанра»². Можно сказать, что в детективном произведении всегда представлены два сюжета, два круга событий. Один из них — объект реконструкции, второй — самый процесс реконструкции и разгадки. События первого сюжета, если их брать в реальной последовательности, предшествуют событиям второго. Но повествование в детективном произведении ведется в обратном порядке, с перестановкой (о чем писал еще в 20-е годы В. Шкловский)³. Своего рода законом жанра является также минимальный объем и разрозненность первоначальной информации об исходных событиях, которые требуется реконструировать. Сведения о них вводятся лишь постепенно, рассредоточенно, и только к концу произведения соединяются в цельную картину. (Самый процесс создания детективного произведения имеет свои особенности — те же, что, например, сочинение загадки: автор идет от известного ему «ответа».) Читатель вместе с героями произведения, и как бы соревнуясь с ними, ищет связи, объясняющие и приводящие в систему заданные факты.

В. Шкловский, а также ряд английских и американских авторов, писавших о поэтике детективного жанра, показали в свое время, что детективная загадка, как и загадка вообще, строится обычно на возможности нескольких ответов, один из которых и является истинным. Ключевые улики и сведения о следах, ведущих к подлинной версии событий, авторы детективных произведений сообщают, как правило, мимоходом, незаметно, пряча их в «проходных» придаточных предложениях, в тени напряженных ситуаций, рассыпая крупинками на достаточном удалении друг от друга, чтобы читатель не вдруг обнаружил связь между ними. В то же время читателю подсказывается ложная разгадка, лежащая на поверхности, или же сообщаются различные сведения, отвлекающие поиски в ложных направлениях и путающие карты.

Своеобразие драмы «Дело Макропулос» состоит в том, что основная загадка, на которой строится сюжет, в принципе не может быть разгадана зрителем. Она связана с введением фантастического элемента (все загадочные обстоятельства, факты, странности поведения героини имеют своим источником фантастическое допущение о трехсотлетнем возрасте Эмили Марти, обладающей лекарством от старости). В «классическом» детективном жанре такой прием считается запретным, нарушающим жанровый этикет. Известно, что некоторые авторы и читатели детективной литературы не раз пытались создать нечто вроде кодекса правил и свода типичных мотивов этого жанра. (Такая задача облегчается рациональной основой детективных произведений, которые не случайно сравнивают чаще всего с головоломками, кроссвордами и шахматной игрой). Подобным ув-

² К. Чапек. *Marsyas čili na okraj literatury*. Praha, 1931, s. 210.

³ См. В. Шкловский. О теории прозы. М.—Л., 1925 (главы «Новелла тайн» и «Роман тайн»).

лечениям мы обязаны рядом интересных наблюдений над поэтикой детективного жанра. Не было недостатка и в попытках разработать свод запрещенных приемов, к числу которых обычно относили, с одной стороны, избитые сюжетные ходы, а с другой, приемы и мотивы, по сути дела посягающие на основы жанра и разрушающие его. В 20-е годы в Англии возник даже клуб писателей, авторов детективных произведений. Прием в члены клуба (его председателем был Честертон) сопровождался шуточным ритуалом присяги — автор давал клятву не грешить против заповедей жанра и не допускать банальностей. В кодексах запретных приемов (американского критика С. С. ван Дина, англичанина Рональда Кнокса — его правила были положены и в основу присяги честертоновского клуба) неизменно повторяется в числе прочих и указание на недопустимость и предосудительность «всех сверхъестественных и нереальных факторов». В использовании фантастических мотивов усматривалось нечто вроде признака дурного тона и «подвоха» по отношению к читателю, ищущему логического решения загадки и реальной реконструкции событий, в то время как таковые при наличии фантастического элемента в произведении вообще невозможны (в состязании с автором и виртуозом-детективом читатель оказывался бы побежденным в подобных случаях не изяществом замысла и тонкостью загадки, а несоблюдением «правил игры» со стороны автора).

У Чапека «нарушение» жанрового этикета объясняется, конечно, не недостатком чуткости к природе жанра, а одновременным (и скорее всего «стихийным») использованием художественных средств и возможностей разных жанров. Поэтому же, между прочим, несмотря на нарушение «правил игры» и отсутствие «реального» решения головоломки, зритель не ожидает разочарование в конце пьесы. Зритель не «спотыкается», не обнаружив «естественной» разгадки, так как его внимание оказывается переключенным на увлекательную научно-фантастическую идею и связанные с ней философские проблемы. Естественное объяснение всех событий, органическое для детективного жанра, в пьесе Чапека отсутствует. Но оно замещается научно-фантастическим допущением, т. е. эффективным художественным средством из арсенала иной жанровой системы. Соответствующие изменения претерпевает и детективная загадка, которая трансформируется в пьесе из психологического феномена в своего рода философскую проблему.

Чапек писал: «... детективное произведение — это логическое решение искусственно расставленных вещественных загадок»⁴. К этому выразительному, но неполному определению необходимо добавить, что в детективных произведениях часто фигурируют в качестве косвенных улик, завуалированных или явных загадок (иногда ложных, маскирующих загадок) не только вещественные следы событий, но и психологические приметы, особенности поведения героев. В основе пьесы «Дело Макропулос», как уже говорилось, также лежит разгадка не только таинственных фактов, связанных с героиней, но и ее необычного поведения. Именно через загадку личности Марти зритель подводится к философским вопросам. Странность поведения Марти сильно акцентирована уже с момента ее первого появления на сцене. (Поскольку детективная загадка в пьесе имеет фантастический «ответ», автор не только не подвергается риску преждевременно выдать его, но и должен даже подготовить зрителя к неожиданному объяснению и необычности реконструируемых событий. Поэтому сразу же наносятся соответствующие штрихи, достаточно очевидно характеризующие непривычное поведение героини.)

⁴ К. С а р е к. *Marsyas čili na okraj literatury*. Praha, 1931, s. 205.

Марти то и дело ставит окружающих в тупик, «проговариваясь» (как это потом выяснится) и нечаянно употребляя по отношению к событиям начала прошлого века выражения типа «я вспомнила»⁵, удивляясь, что предок Пруса «уже умер» (III, 197). Она обращается к Грегору с просьбой «вернуть» ей письма, лежавшие нетронутыми около века (III, 211) и т. д. Престарелому графу Гауку, узнавшему в ней Евгению Монтез, она прямо сообщает: «я уже не цыганка» (III, 224). Некоторые из странностей получают затем комическое объяснение (таково фамильярное обращение Марти к Альберту Грегору, которому после первых же нескольких фраз она бесцеремонно начинает говорить «ты», «Бертик» и т. п. Зритель подозревает сначала высокомерие прославленной певицы и неотражимой красавицы. Позже окажется, что это в буквальном смысле «фамильярное» обращение к члену той же фамилии, обращение прабабушки к правнуку). Непривычные черты поведения Эмилии Марти подчеркнуты тем, что их педантично фиксирует барон Прус, влюбленный в нее, как и все мужчины, но в то же время не теряющий острой наблюдательности. В известном аспекте и в некоторых пределах образ Пруса сближается по своей сюжетной функции с образом пронизательного детектива, характерным для наиболее известных образцов детективного жанра, — сближается, с той, однако, разницей, что сам он не раскрывает тайны. Наблюдения и соответствующие реплики Пруса призваны лишь дополнительно привлечь внимание зрителя к загадочным обстоятельствам и чертам характера героини. Прус акцентирует факты, не вяжущиеся между собой и не укладывающиеся в рамки обычных представлений. Все это обусловлено, как мы уже сказали, необходимостью подготовить зрителя к неожиданному объяснению, а также подчеркнуть определенные черты характера Марти.

Пока что речь шла о самых элементарных и скорее внешних особенностях поведения Марти. Существенные стороны образа раскрываются в странностях и загадках более глубокого психологического и морально-этического плана, которые обернутся затем психологической аномалией характера Марти.

Общий принцип построения психологических и одновременно морально-этических загадок состоит в пьесе в том, что в соответствующих ситуациях вместо естественной и ожидаемой зрителем логической и эмоциональной реакции героини остается или холодно безразличной или реагирует совершенно необычно. Она засыпает во время пылкого объяснения Грегора в любви к ней. Пытаясь добыть пергамент (с рецептом эликсира, как потом выясняется) — сначала через Грегора, затем Янека и, наконец, Пруса, — она не только безразлична к тому, что каждый из них должен нарушить для этого морально-этические нормы и пойти на сделки с совестью, но и толкает их на это, подбивая, например, влюбленного в нее Янека выкрасть конверт из кабинета его отца. Наконец она покупает пергамент у Пруса, продавшись в сущности ему на одну ночь.

Вначале зритель склонен воспринимать все это как моральную неразборчивость и авантюризм. Позднее поведение Марти объяснится и ее безмерной усталостью от жизни, полнейшим равнодушием к людям, отсутствием у нее чувств, интересов, этических, моральных, нравственных устоев и убеждений и т. д.

Главным способом выявления психологических странностей героини служит создание мелодраматических ситуаций — еще один сюжетно-жанровый компонент произведения. В пьесе широко представлены мотивы мелодрамы, причем в самом банальном наборе. Пьеса содержит ряд си-

⁵ К. Чапек. Соч., т. III. М., 1958, стр. 198 и сл. Цитация пьесы, кроме оговоренных случаев, производится по этому изданию (переводы местами уточнены).

туаций, которые в ином произведении могли бы свидетельствовать об отсутствии вкуса у автора. Это «крайние» ситуации мелодрамы: отец и сын, влюбленные в одну женщину, и самоубийство сына; «фатальная» красавица, разбивающая союз двух юных сердец; герой, пытающийся купить за услугу счастье одной ночи и др.

Если бы подобно кодексу запретных приемов детективного жанра существовал перечень банальных мелодраматических ситуаций, то некоторые из ситуаций драмы Чапека мы непременно нашли бы в нем. Некогда обычные в романтической литературе, позже подобные сюжетные ходы стали достоянием главным образом литературных поделок и бульварного чтения. Лишь изредка мы встретим их в произведениях крупнейших художников (Достоевский), умеющих дать им новую жизнь, новый функциональный смысл, наполнить новым содержанием. В этих случаях они предстают перед нами до неузнаваемости измененные, так что их близкое родство с тривиальной мелодрамой не замечается. Да и генетически они не всегда связаны с ней.

У Чапека подобные ситуации, как и у Достоевского, служат в конечном счете постановке философских проблем. Однако в отличие от Достоевского (если уж сравнивать этих очень разных писателей, хотя опыт Достоевского и не прошел бесследно для творчества Чапека), Чапек не столь озабочен глубиной психологической разработки образов героев (хотя каждый образ и имеет свою психологическую доминанту) и общей психологической атмосферы. Лишь очень тонкая грань отделяет в его пьесе мелодраматические ситуации от пародии и фарса. Он словно «спешит отделяться» от построения основных сюжетных ситуаций и составляет звенья сюжета из готовых элементов, многократно встречавшихся в литературе, используя как бы первые, подвернувшиеся под руку, затрепанные мотивы и сюжетные приемы, предельно заостренные ситуации, бьющие на элементарное чувство. Он опирается на дешевые эффекты, даже почти пародируя их, но удерживая на этом тривиальном каркасе «серьезную» психологическую загадку аномального характера героини, перерастающую затем в постановку философских вопросов.

Автор проводит героиню через ряд мелодраматических ситуаций, постепенно усиливая ощущение необычности ее реакций. Узловой и кульминационной в этом отношении является сцена в гостинице, когда Прус, вышедший на рассвете из спальни Марти, узнает о самоубийстве своего восемнадцатилетнего сына, также влюбленного в певицу, и вскрывает его предсмертное письмо. Нагнетаются драматические эффекты: перепуганная горничная, кровь на письме, почти детский почерк и т. п. Марти же, едва обронив несколько слов сожаления, продолжает заниматься прической и отчитывает горничную:

ПРУС (рыдая). Мой единственный!.. Единственный сын... (Закрывает лицо руками. Пауза). Ему было восемнадцать лет, восемнадцать лет! Янек! Мальчик мой (Пауза). О боже, боже!..

ПРУС. Так глупо, бессмысленно влюбиться... Он видел, что я вошел к вам, ждал два часа у ворот... потом пошел домой и...

ЭМИЛИЯ (берет гребенку и причесывается). Бедняжка.

ПРУС. Восемнадцать лет! Мой Янек, мой сын... Мертв, неузнаваем... И пипет детским почерком... «Папа, я узнал жизнь, папа, будь счастлив, а я...» (Встает). Что вы делаете?

ЭМИЛИЯ (со шпильками во рту). Причесываюсь.

ПРУС. Вы видно не поняли? Янек любил вас, он застрелился из-за вас.

ЭМИЛИЯ. Ах, столько народу стреляется.

ПРУС. И вы можете причесываться?

ЭМИЛИЯ. Что же мне бегать из-за этого растрепанной? (III, 238—239) и т. д.

Психологический феномен, как и все прочие загадки, получает разъяснение в сцене суда над Марти, который инсценируют остальные герои

пьесы, чтобы вырвать у нее признание. Для вящего впечатления они раздобывают даже такие устрашающие судебные принадлежности, как череп, распятие, свечи, красные мантии, и обставляют допрос как в настоящем суде. В довершение всего, не поверив рассказу Марти об эликсире, «судьи» заставляют ее выпить изрядную дозу виски. Марти стоит на своем. И становится ясно, что ее рассказ об эликсире — правда.

Сцена суда замыкает детективный сюжет. Получают разгадку все события и загадка личности Марти. Одновременно эта сцена позволяет автору акцентировать философскую проблематику, ввести обсуждение вопросов, диспут идей. Дискуссия, зачастую философская дискуссия, диспут и состязание идей вообще являются нередким компонентом драмы XX в., придающим ей особые структурные качества и особую жанровую специфику, которая получила закрепление и в понятиях «драмы идей», «диспута идей», «драмы-дискуссии». По наблюдению Б. Шоу, первым дискуссией ввел в сценическое произведение Г. Ибсен, у которого сразу же нашлись последователи: «Он ввел дискуссию и расширил ее права настолько, что, распространившись и вторгшись в действие, она окончательно ассимилировалась с ним. Пьеса и дискуссия стали практически синонимами»⁶. Сам Шоу, в драмах которого демонстрация борьбы идей играет еще большую роль, вообще называл «проблемную пьесу» «симпозиумом»⁷. Общеизвестно значение дискуссий и «спора идей» в драматургии Брехта.

Одна из находок «проблемной драмы» XX в. — использование в качестве структурной основы для диспута идей модели судебного процесса (Брехт, Ануй и др.). Иногда даже целое произведение облекается в форму расследования и суда («Жаворонок» Ануйя, например). Такая форма предоставляет большие возможности и удобства для разностороннего раскрытия и дилемматического заострения философских, социальных, морально-этических вопросов, для «сталкивания» идей и активного вовлечения зрителя в мысленное обсуждение проблем и альтернатив. Подобную функцию выполняет сцена суда и в пьесе Чапека. Посредством этой сцены вводится диспут героев, диспут о возможностях и перспективах использования эликсира, о тех изменениях, которые он вызовет в жизни общества. Как и в драме «R. U. R.», Чапек применяет принцип сечения целого «пучка» тенденций, который в пьесе «Дело Маропулос» предстает как пучок прогнозов, потенциальных утопий, отражающих определенные социальные и идейные устремления современной жизни. В пьесе «Дело Макропулос» мысленный эксперимент не перерастает непосредственно в широкую социальную утопию (в отличие от драмы «R. U. R.» и более поздних романов Чапека «Фабрика Абсолюта» и «Война с саламандрами»). Но в свернутом виде, в потенциале в пьесе представлено даже несколько вариантов социальных утопий (каждый из которых в принципе мог бы быть развернут в целое произведение). Впрочем, наряду с утопическими идеями появляется и далеко не утопический проект: Грегор, оказавшийся потомком и наследником Марти, предъявляет фамильные права на бессмертие, утверждая, что рецепт эликсира принадлежит роду Макропулос. Лаконично, почти в афористической форме, Чапек высмеивает принцип потомственного наследования собственности:

ГРЕГОР. Господа, оставим пустые разговоры. Тайна долголетия — собственность семьи Макропулос...

ВИТЕК. Простите, то есть как?

⁶ «Бернард Шоу о драме и театре». М., Изд-во «Иностранная литература», 1963, стр. 77.

⁷ Там же, стр. 181. Специфика драматургии Шоу обстоятельно разобрана в книге: А. О б р а з ц о в а. Драматургический метод Шоу. М., «Наука», 1965.

ГРЕГОР. Рецептom будут пользоваться только члены этой семьи. Только потомки Эмины Макропулос, кто бы они ни были.

КОЛЕНАТЫЙ. И они будут жить вечно только потому, что произошли от какого-то бродяги или барона и шальной распутной истерички? Славная штука эта семейная собственность!

ГРЕГОР. Все равно!..

КОЛЕНАТЫЙ. Мы имеем честь знать одного из членов семьи (имеется в виду Грегор, склонный к легкомыслию и мотовству.— С. Н.). Это... прошу прощения... черт бы его взял — просто дегенерат какой-то. Милая семейка, нечего сказать.

ГЕОРГ. Как вам угодно. Пусть будут хоть кретинами или павианами. Пусть будут развратниками, вырожденцами, уродами, идиотами, чем хотите! Пусть будут воплощением зла. Это ничего не меняет: рецепт будет принадлежать им.

КОЛЕНАТЫЙ. Замечательно. (III, 264)

Что касается собственно утопических проектов, то Прус (имя Пруса символично — ассоциации с Пруссией, пруссачеством) выдвигает ницшеанский план создания бессмертной касты суперменов и господ, которая поработит смертное человечество. Его идеал — нечто вроде евгеники сверхчеловеков, потомственная деспотия избранных, олигархия предпринимателей, диктаторов, военных... Другой проект, отражающий коммерческий дух буржуазной эпохи, сводится к идее превратить секрет эликсира в источник баснословных доходов: адвокат Коленатый предлагает создать патентованный концерн по торговле долголетием. Самому Чапеку, судя по всему, симпатична лишь мечта Витека:

Наделим всех людей трехсотлетней жизнью. Это будет величайшим событием в мировой истории, освобождением, новым и окончательным сотворением человека. Господи, чего только не успеет добиться человек за триста лет! Пятьдесят лет быть ребенком и школьником. Пятьдесят — самому познавать мир и увидеть все, что в нем есть. Сто лет с пользой трудиться на общее благо. И еще сто, все познав, жить мудро, править, учить, показывать пример. О как была бы ценна человеческая жизнь, если б она длилась триста лет. Не было бы войн, не было бы отвратительной борьбы за существование. Не было бы страха и эгоизма. Каждый человек стал бы благородным, независимым, совершенным — подлинным сыном божьим, а не ублюдком. Дайте людям жизнь, настоящую человеческую жизнь!... (III, 260—261)

Мир без войн и «борьбы за существование», творческий труд на всеобщее благо, мудрое правление, основанное на глубоком познании, — это идеал самого Чапека, который можно было бы подтвердить другими его произведениями, а также публицистическими статьями. Аргументы против мечты Витека носят в пьесе характер не принципиальных возражений, а комических (и несколько, пожалуй, облегченных) указаний на несовместимость ее сущности с социально-правовой и моральной организацией современного мира:

КОЛЕНАТЫЙ. Вы увлекаетесь, Витек. Юридически и экономически это абсурд. Вся наша общественная система зиждется на краткосрочности жизни. Возьмите, например, договора, пенсии, страхование, наследственное право... да мало ли что еще! А брак? Голубчик, никто не захочет жениться на триста лет. Никто не заключит договора на триста лет. Вы анархист, милый мой. Вы хотите разрушить весь установившийся общественный строй (III, 261).

Хотя возражения Коленатого Витеку поданы автором не без улыбки, Чапек тем не менее не делает идеи Витека идеями своей пьесы. Это противоречило бы его прагматической философии, одна из особенностей которой — предпочтение иллюзорным, по его мнению, «абсолютам», отвлеченным мечтам и концепциям конкретной, практической, повседневной деятельности на пользу человеку. Только в этом смысле, кстати, можно говорить и о полемике Чапека с утопической пенталогией Бернарда Шоу «Назад

к Мафусаилу» (1921), в которой долголетие рассматривалось как весьма заманчивое и желательное достижение и даже как средство избавления от таких социальных недугов человеческого общества, как войны, борьба за место под солнцем и т. д. Есть в пьесе Шоу и тема совершенного управления обществом, руководство которым в мире долгожителей вверено людям, познавшим всю мудрость жизни. В этом отношении планы братьев Барнэбас из пьесы Шоу очень близки планам Витека, на основании чего чешские критики усматривали в пьесе своего соотечественника полемику с утопией английского писателя, знакомой Чапеку к 1922 г. по отрывку пьесы, опубликованному в чешском переводе. Думается, что Чапек полемизирует не столько с идеалами Шоу, сколько с отвлеченной фантастичностью подобных мечтаний.

Спор героев о возможностях использования секрета эликсира происходит в перерыве между «допросами» Марти. За этим спором следует новый разговор с героиней. Перед зрителем окончательно раскрывается образ человека с анестезированной душой, человека без человеческого и человеческого отношения к миру, человека, у которого погасли все чувства, кроме страха смерти и зависти к людям, знающим «живые» чувства и интересы. Получает объяснение то ощущение холода, которым веет от Марти и которое испытывали даже все влюбленные в нее.

Автор предоставляет зрителю решать вопрос о том, обязана ли героиня своей опустошенностью столь необычному долголетию и усталости от бесчисленного повторения впечатлений или же тому, что она три века потратила на удовольствия, жила лишь для себя, для наслаждений. Образ Марти имеет немало сходного с обобщенным образом человечества в пьесе «R. U. R.», потопившего жизнь в наслаждениях. Образ героини как бы включает в себя и вопрос о том, что же делает человека человеком, остается ли в сущности человеком духовно мертвый индивид, утративший общность с людьми, идеалы, чувства, способность к состраданию, к любви и т. д. Прямо этот вопрос не сформулирован, он ставится чисто художественными средствами. В сознании зрителя, подобно тому как это было в пьесе «R. U. R.», то совпадает, то не совпадает представление о человеке и псевдочеловеке (в пьесе «R. U. R.» таким псевдочеловеком был «робот»). Свою роль в усилении этого диссонанса играет контраст красоты Марти и ее опустошенности, таланта и мертвящего холода и т. д.

Чапек завершил пьесу ироническим парадоксом: бессмертие оказывается не таким-то уж заманчивым. Потрясенные исповедью трехсотлетней героини и заглянув в ее опустошенную душу, а также побаиваясь риска для жизни, с которым был связан прием эликсира, герои пьесы, как и сама Марти, не отваживаются воспользоваться средством Макропулоса и не решаются помешать Кристине, когда она подносит пергамент с рецептом эликсира к горящей свече.

*

Естественно, пьеса действует на зрителя не только интригующей сюжетной загадкой и целым спектром увлекательных проблем, но и своим эмоциональным строем. Через все произведение проходят, например, определенные мотивы, сообщающие пьесе особую эмоциональную атмосферу. Лейтмотивное значение имеет, в частности, экспрессивно-контрастное соотношение масштабов обычной человеческой жизни с более широкими временными масштабами, контраст молодости и старости и т. п. Специального внимания в этой связи заслуживает диалогическая партия «Марти — Гаук», которая может одновременно демонстрировать и лирическое мастерство Чапека. Драматург использует в данном случае средства, специ-

фические для поэзии. Диалог Гаука — Марти в значительной степени диалог-воспоминание, состоящий из «цитат» и «реминисценций» прежних пылких объяснений. Марти неожиданно подхватывает испанские фразы Гаука, с которыми когда-то в молодости он обращался к ней как к Евгении Монтеc. Художественный эффект достигается здесь не только контрастом прошлого и настоящего, возраста Гаука и словно вновь вспыхнувшей страсти к цыганке, которая стоит перед ним, несколько не изменившись, но и особой тональностью реплик, очевидной, например, из следующего отрывка:

ГАУК. Ее называли Гитаной. Знаете, цыганкой. Она и была цыганка. Называли: *ja chula negra* ⁸. Это было на юге, в Андалузии. Я служил тогда в посольстве, в Мадриде (III, 223). (*Říkali jí Gitana. Víte, cikánka. A ona byla cikánka. Říkali jí la chula negra. Totiž tam dole, v Andalusii. Já jsem byl totiž na vyslanectví v Madridě...*) ⁹.

Нетрудно было бы показать, что приведенная реплика — пример собой, по сути дела, лирической организации речи. Достаточно расположить, скажем, первые четыре предложения стихом, чтобы своеобразие стиля стало очевидным:

Říkali jí Gitana.
Víte, cikánka.
A ona byla cikánka.
Říkali jí la chula negra.

Перед нами своего рода интонационная строфа: почти одинаковые по времени произнесения фазы (с некоторым замедлением лишь в последней из них); упорядоченно расположенные паузы. Упорядоченность выражается и в том, что в конец каждого периода последовательно вынесены слова, развивающие основную тему: *Gitana... cikánka... cikánka... la chula negra*. Первые три слова связаны к тому же не только смысловым, но и звуковым повтором (благодаря чему четвертое выделяется и акцентируется на их фоне). Наконец, отрывок опоясан кольцевым синтаксически-интонационным обрамлением — повторение первого предложения в четвертом с заменой лишь одного его члена.

На уровне звуковой организации речи определенная система прослеживается не только в очевидных созвучиях (*Gitana — cikánka*) — можно заметить, например, что среди ударных гласных явно господствует «и» (главным образом, в сочетании с последующим безударным «а»). В начале каждого интонационного периода-предложения (кроме третьего) ¹⁰ последовательно выдержано долгое «и». Вторая половина периодов столь же последовательно имеет в качестве «опорной» гласной «и», за которой следует парная «а». Для наглядности приводим запись системы гласных:

И	а	и	И		И	а	а	
И	е				И	а	а	
а	О	а	И	а	И	а	а	
И	а	и	И		У	а	Е	а

Повторность гласных выражена здесь не менее ярко, чем это обычно бывает в стихах. Особенности звукового строя процитированного отрывка поддерживают синтаксически-интонационную и смысловую периодичность и гармонию, эмоциональную насыщенность реплики. Она содержит, в сущности, очень небольшую информацию, если говорить о ее непосред-

⁸ Проказница-смуглянка.

⁹ К. С а р е к. *Věc Makropulos*. Praha, 1941, s. 57.

¹⁰ Тем не менее и в третьей «строке» логическое ударение падает на слово «*byla*» («*a ona byla*»), т. е. опять-таки на «и» (за которым следует «а»).

ственном смысле. Но не меньшую эмоционально-смысловую информацию несет само ее звучание, тональность. Развитию, варьированию и усилению поэтического мотива, созданию особой эмоциональной атмосферы и служат все косвенные связи, пронизывающие текст, все виды повторов: прямые семантические повторения (cikánka — cikánka), синонимика (Gitana — cikánka), звуковые, синтаксические, интонационные параллели. Легкому смысловому сдвигу и появлению нового оттенка в последней фразе соответствует и некоторая ее продленность и новый звуковой рисунок, выделяющий слова «la chula negra» на фоне предыдущих «Gitana — cikánka» (при этом характерно, что если лейтмотивные ударные гласные сменились, то по-прежнему сохранилось безударное «а», поддерживающее в памяти звучание предшествующей «строки»).

Следует добавить, что особый поэтический колорит цитированной реплике придает и экзотика испанских наименований: «Gitana», «la chula negra», «v Andalusii», «v Madride»: эти испанские вкрапления в комплексе с иными средствами также способствуют созданию поэтической атмосферы. Кстати, испанские слова вновь занимают одинаковые позиции в соотносящихся предложениях, что равносильно едва уловимому акцентированию их. (Можно было бы говорить и о неуловимом выделении этих слов с помощью созвучий, ср. : «tam dole» и «v Andalusii», а затем «v Madride».)

Сначала вставляя обрывки испанских фраз в реплики Гаука и Эмилии, Чапек затем полностью переходит на испанский диалог, в котором почти весь эффект основан на звучании ¹¹:

EMILIA. Besa me, bobo, bobazo!
 ГАУК. Jesús mil veces, Eugénia...
 EMILIA. Animal, un besito!
 ГАУК (целует ее). Eugénia, moza negra...
 niña... querida... carísima... ¹²
 и т. д.

Обладая поэтическим звучанием, диалог этот (на сцене он должен сопровождаться параллельным переводом) в то же время лишен сентиментальности. Есть что-то от Кармен в этой испанской цыганке, танцевавшей и певшей на базарах и кутившей с весельчаком-графом, без памяти влюбленным в нее и пользовавшимся ее взаимностью. Реплики Марти «сделаны» очень «хитро» и рассчитаны на двойной эффект. Они могут восприниматься и как грубовато-снисходительные уступки просьбам старого Гаука и одновременно как «цитаты» прежних дерзких и чувственных призывов, как отголоски жаргона былой страсти Евгении Монтеc. Диссонанс звучит в каждой фразе.

Известно, что книгой своих переводов из французской поэзии (1920) Чапек оказал заметное влияние на систему чешского стиха. Как показали чехословацкие исследователи (Я. Мукаржовский, Й. Леви), Чапек придал стиху более естественное звучание: сближение с разговорным языком в словаре и синтаксисе, отказ от инверсий, усиление ритмико-интонационного начала за счет метрического принципа (что содействовало развитию свободного стиха), отступление от точной рифмы и использование ассонансов. В драматургии Чапека наблюдается как бы встречный процесс: проникновение в непринужденный разговорный диалог, характерный для

¹¹ Нечто подобное есть и в романе Чапека «Кракатит», когда Прокоп, увидев Анчи, читает монолог Одиссея, обращенный к Навзикае, на греческом языке.

¹² Эмилия. Целуй меня, дурак, дурачок.

Гаук. Боже мой, тысячу раз, Евгения!

Эмилия. Животное. Один поцелуй.

Гаук (целует ее). Евгения... черномазая... девочка... любимая... дорогая (III, 224; чешский текст — указ. соч., 58).

его драм, поэтического элемента. Последний, естественно, дает о себе знать лишь временами, но поэтический слух автора чувствуется и в общем построении фразы.

Не останавливаясь более подробно на вопросе о синтезе Чапеком различных стилевых начал и, в частности, на вопросе об элементах поэтического стиля в пьесе, повторим, что приведенные примеры — частный случай лейтмотивного контраста молодости и старости, бессмертия и быстротечности человеческой жизни. В духе этого мотива при постановке пьесы в московском театре Советской Армии был применен не столь, может быть, оригинальный, но оправданный режиссерский прием. Перед началом действия, после того как гас свет в зрительном зале, в течение нескольких минут слышалось громкое тиканье часов — символ неуловимо бегущего времени. Такое режиссерское решение вполне соответствует атмосфере пьесы Чапека, в которой уже вступительный монолог Витека, перебирающего архивные материалы судебного процесса, перечисляющего давние даты и называющего имена давно почивших участников спора, создает ощущение безостановочного потока времени. Это ощущение поддерживается затем контрастным сближением событий разного времени, в том числе в эпизодах встреч Марти и Гаука, в других репликах Марти, упоминающей, например, как о своих знакомых, о Дантоне, Марате, певице Страде и других, подлинных и вымышленных, лицах. Такие сближения далекого прошлого с настоящим, представлений об обычной человеческой жизни и событий большей временной протяженности наполняют пьесу обостренным чувством движения времени, благодаря чему тема краткости человеческой жизни и бессмертия получает особую выразительность. (Благодаря этому же впечатление от пьесы отчасти выплескивается за рамки авторского замысла, о чем мы еще скажем).

*

Чапек назвал свою пьесу комедией. Но она оставляет и осадок грусти. В предисловии к книжному изданию, сопоставляя ее с оптимистической драмой Б. Шоу о бессмертии («Назад к Мафусаилу»), Чапек не только шутил, что «обойм авторам, к сожалению, недостает личного опыта», но и предвидел упреки в пессимизме, пытаясь заранее парировать их парадоксами: «Если мы, например, говорим, что настанет время, когда не будет болезней, нужды и тяжелого грязного труда — это определенно оптимизм. Но сказать, что и в нынешней жизни, с ее болезнями, нуждой и тяжелым трудом заключена безмерная ценность — что это? Пессимизм? Думаю, нет. Думаю, есть два вида оптимизма: один, отворачиваясь от дурного, устремляется к чему-то лучшему, пусть это лишь мечта, другой в самом плохом ищет хотя бы отчасти лучшее, пусть это тоже только мечта. Первый жаждет подлинного рая: и нет более прекрасной цели для души человека. Второй всюду ищет хотя бы крохи относительного добра: наверное, и эти попытки не лишены ценности... Верьте, что единственный пессимизм — это сидеть сложа руки, своего рода этический дефетизм. Человек, который трудится, ищет и реализует, не является и не может быть пессимистом. Каждая целеустремленная деятельность означает веру, пусть даже не обоснованную в словах. Кассандра была пессимисткой, потому что ничего не делала. Она не была бы ею, если бы сражалась за Троя» (III, 188—189). Однако уже из этих формулировок видно, что «целеустремленную деятельность» Чапек понимает в духе эмпиризма, в духе философии «практической жизни», не ставя конкретный вопрос о характере этой устремленности. Философский релятивизм, исповедовавшийся тогда писателями, подрезал крылья большим перспективам. И дело не в

том, что эти перспективы носят в пьесе фантастический характер. Дело в том, что им не противопоставлено чего-либо значительного, хотя в не меньшей мере, чем бессмертие, неприглядным выглядит в комедии и существующий мир.

Чапек сделал из противоречия «неподвижные берега, в которых течет действие», создал «технику двойного отражения», «двойной оценки» — заметил Мукарежовский¹³. Это хорошо видно в его произведениях трагического плана. Но этот эффект, хотя не столь очевидно, присутствует и в комических произведениях Чапека, в частности в комедии «Дело Макропулос». Ирония Чапека бросает обличительный свет и на идею бессмертия и вместе с тем на современный мир, с которым она несовместима. В комическом свете предстают оба полюса альтернативы и даже трудно сказать, который больше. Трудно сказать, проекты Витека не годятся для этого мира, или этот мир недостойн его проектов.

Несомненный гуманистический смысл пьесы заключен в постановке вопроса о сущности человека, которую всей логикой драмы писатель связывает со способностью индивидуума быть частицей человечества и нести в себе человеческое тепло и человеческое начало. Но этому принципу противостоит в пьесе не только Марти, но и Прус, и Грегор, и Коленатый.

Собственно говоря, в пьесе противопоставляются не бессмертная Эмилия Марти и остальные герои, а такие положительные качества, как человечность, способность к чувствам, творческий труд, человеческое общество без войн и борьбы за существование и — бесчувственность, обезчелоченность, эгоизм собственничества, жажда власти, господства над другими, порабощения себе подобных. Не случайно линия большинства героев пьесы претерпевает фарсовый поворот. Это особенно сильно ощущается, когда перед каждым из действующих лиц открывается возможность обладания эликсиром жизни. Но еще и раньше многие характеристики героев приобретали фарсовую окраску. Грегор, добывающий наследства, оказывается мотом. Позже он готов лишить человечество бессмертия, присвоив его в качестве семейной собственности. Барон Прус, супермен по убеждениям, человек сильной воли, аристократ и блюститель чести, отказывающийся вскрыть конверт своего прадеда, поскольку он адресован предку Грегора, и уж, конечно, не считающий для себя возможным отдать этот конверт Эмилиии Марти, сразу же соглашается затем принести его ночью в спальню героини. Позже Прус, этот аристократ духа, выдвигает идею порабощения человечества кастой бессмертных. Третий герой, Коленатый, адвокат, т. е. поборник справедливости по смыслу профессии, оказывается автором эгоистических планов превращения средства от смерти в бездонный источник наживы. Приоткрывшаяся возможность обладания эликсиром жизни вообще становится для героев пьесы испытанием их моральной состоятельности, которого они не выдерживают, исключая лишь Витека и Кристину, еще не испорченную влиянием мира корыстных интересов и эгоизма.

Развенчав идею бессмертия, Чапек развенчивает одновременно и этот мир, в котором не нашлось места и способа для разумного использования эликсира. И в то же время взамен этого мира ничего не предлагается. Настороженность и недоверие автора к макросредствам исцеления недугов этого мира (надо полагать, что имя героини М а к р о п у л о с — философский символ) ничем не компенсируется. И когда автор говорит устами Пруса (несколько неожиданно устами Пруса): «Давайте думать о рождении, а не о смерти. Жизнь вовсе не коротка, если мы сами можем быть источником жизни» (III, 269), то этому поучению недостает одновременной

¹³ J. M u k a ř o v s k ý. Kapitoly z české poetiky, d. II. Praha, 1948, s. 331—332.

постановки вопроса о конкретном наполнении и смысле жизни. Авторское предложение «собирать крохи добра» слишком несоизмеримо с критикой и иронией по отношению к миру войн, борьбы за существование, торгашеских и ницшеанских идеалов, миру, в котором удел многих — тяжелый, однообразный и скучный труд.

На этом фоне естественное сожаление о быстротечности человеческой жизни, звучащее в пьесе и не искупленное большим позитивным идеалом, и оставляет ощущение грусти, которое чуждо, например, пьесе Шоу. Говоря в целом, в пьесе Чапека раскрыт, но не преодолен указанием выхода, комплекс диссонансов и противоречий окружающего его мира, на который иронический свет бросает вспыхнувшая и померкшая фантастическая перспектива бессмертия.

О НЕКОТОРЫХ ЮЖНОСЛАВЯНСКО-СЕВЕРНОРУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

Изучение многочисленных элементов, характерных лишь для восточной и южной групп славянских языков, свидетельствует о тесных связях — прежде всего в области лексики и семантики — между южнославянскими языками (болгарским, сербохорватским) и отдельными восточнославянскими диалектными зонами (например, юго-западными украинскими говорами района Карпат)¹.

Однако факты, которые указывали бы на особую близость южнославянских и русского языков (или их диалектов) и которые вместе с тем нельзя было бы интерпретировать как результат сравнительно поздних, книжных влияний, пока еще малочисленны²; обычно черты, общие этим языкам и обусловленные единством происхождения, обнаруживаются также и в других славянских языках³.

В связи с этим изучение специфически южнославянско-севернорусских лексических (отчасти и семантических) параллелей представляет, на наш взгляд, известный интерес, так как позволяет более точно определить характер отношений между указанными группами славян в древности. Ниже предлагается разбор следующих лексем: *kolakъ, *ponuda, *zalězъ (и родств.).

1

Почти на всей славянской территории известен отыменный дериват *kolacъ* (<**kol[o]* + *-acъ*)⁴ 'вид (круглого) хлеба'; ср. рус. *колач* || *калач*, белорус. *калач*, укр. *колач*, польск. *kolacz*, чеш., словц. *koláč*, н.-луж. *kótas*, в.-луж. *kolacъ*, серб.-хорв., словен. *kolacъ*. Болг. диал. *колак* 'кравай' (РСБКЕ) отражает иной словообразовательный тип (<**kol[o]* + *-akъ*) и рассматривается обычно как вполне изолированное, не имеющее соот-

¹ Выявлению общих этим говорам и южнославянским языкам черт и точной их локализации посвящена работа: С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967 (далее — КДА); об истории изучения этой проблемы см.: КДА, стр. 6. Эти общие черты, по-видимому, можно рассматривать как наследие одной из древнейших изоглоссных областей, сформировавшейся вследствие конвергенции, вторичного сближения некоторых праславянских диалектов. (С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 70, 73).

² Б. Цонев. История на български език, т. 2. София, 1934, стр. 338 и сл.; С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 81.

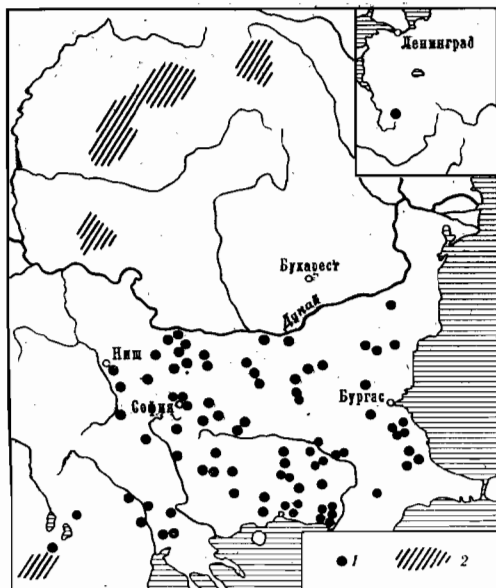
³ И. Лекков. Характеристика на общите черти в български и източнославянски. Сборник на Българската академия на науките, кн. XXVII, 1942, стр. 93, 95.

⁴ Этимология, исходящая из корня *kolo 'круг' (ср. также *koleso*), в настоящее время является, по-видимому, общепринятой. (BEW, ПЭС, BrES, MЕР, НКЕС, Фасмер).

ветствий в других славянских языках⁵. Привлечение новых данных позволяет уточнить указанное представление.

Прежде всего, более точно может быть установлена география слова *kolak* на южнославянской территории (и вообще на Балканах). Так, оказывается, что ареал его распространения охватывает, помимо болгарских говоров, также говоры македонские и восточносербские (см. карту № 1). Приведем соответствующий материал.

Северо-восточная Болгария⁶. В значении 'вид (круглого) обрядового хлеба'⁷ слово *колак* фиксируется в р-не Силистры, Пре-

Карта № 1. Распространение слова *kolak*
1—*kolak*; 2—ареал распространения слова +*kolak*

слава, Тырговиште, Шумена, Елены, Габрово (Маринов, 519, 290, 291, 443, 380, 292), *колѧк* 'вид кравай' — р-н Силистры (И. Кочев, Гребенский говор в Силистренско. София, 1969, стр. 130, но и кулѧк 'долина между два баира', там же, стр. 108), *колак* 'обрядовый хлеб на Георгиев день' — Шумен (Маринов, стр. 422), великоденский *колак* — Свиштов (там же, стр. 424), господьов *колак* Тырнова (там же, стр. 444). Юго-восточная Болгария: *колак* 'обрядовый хлеб' — р-н Казанлыка, Хасково (Маринов, стр. 380, 298, 515), кумичин *колак* — Карнобат (там же, стр. 425), *колак* 'свадебный хлеб' — р-н Свиленграда, Ивайловграда (п. 4383, 4394, 4401, 4402, 4917⁸ — тексты БДА), *кулѧк* 'квасен хляб', бул'кинцки *кулѧк*, пр'аварнишки *колѧк* 'специален сватбен хляб' — Странджа (БД, I, стр. 101, 128), *колак* 'круглый хлеб' — р-н Малко Тырново (п. 4022 — тексты БДА), *кулѧци* 'свадебный хлеб' — р-н Грудово (п.

⁵ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. II. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, S. 240—241. Наряду с *колак* 'каравай' в болгарских диалектах известен и вариант *колѧц* в том же значении (S. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin-Leipzig, 1929, S. 204). Отмечаемые в словарях и диалектных материалах омонимы *колѧк*, *кулѧк* (неизменяемое) 'кривой (о сабле)' (Геров, Дювернуа; ср. *кулаклия* — МЕР), *кулѧк* 'ухо на дръжката на нож, и ятаган' (р-н Пирдопа — БД IV, 113), *колак сабѧ*, *колаклия* (РМЈ), *колак* 'кольцо ачасть ярма' (с. Ловраде, р-н Костура — архив ИС), восходят к тур. *kolak* 'ухо' и, следовательно, не имеют ничего общего с рассматриваемым здесь словом.

⁶ Границы этой и других областей даются в соответствии с делением болгарской языковой территории, принятой в: «Български диалектен атлас», т. I, 1964, т. II, 1966, София.

⁷ Во избежание возможных искажений при передаче конкретных реалий соответствующие толкования даются на языке источника.

⁸ Здесь и ниже указаны номера населенных пунктов, приняты в «Български диалектен атлас» (см. БДА, т. I, стр. 189 и след.)

кулѧк 'то же' — р-н Александрополис (Тр. Сб., VI, 115; Тр. Сб., V, 335, 343, 451, 315), *кулѧк*, *кулѧци* 'то же' — р-н Софлиона, Комотини (Тр. Сб., V, 342; Тр. Сб., VI, 137), 'кравай' (СбНУ, L, 235), *кулѧк*, *кулѧки* — р-н Визена, Лозенграда (Тр. Сб., VI, 40, 75, 137, 116; Тр. Сб. V, 342; см. также: Маринов, 290); в говоре переселенцев из Малой Азии, живущих ныне в р-не Нови Пазар: *кулѧка* гу шѧрят (СбНУ, XLVII, 212; ср. и : Тр. Сб., V, 345; Маринов, 290); также в некоторых болгарских говорах на территории СССР: *кулак* 'вид круглого хлеба' — с. Ореховое, р-н Болграда, Молдавская ССР (собственные наблюдения). В Северо-западной Болгарии слово *колак* в значении 'обрядовый хлеб' зафиксировано в р-не Трояна, Ловеча, Никополя, Плевны (Маринов, 293, 424, 537), *колак*, *колаки* — в р-не Лома, Белоградчика, Михайловграда, Врацы (там же, 358, 359, 447; СбНУ, XLI, 241, 279), кумицин *колак* — Михайловград (Маринов, 425). Гергьовски *колак* — Бела Слатина (там же, 446), *колак* 'хлеб, що се дава коледаремте или що се носи в черква' — р-н Софии (СбНУ, I, 6), превит *колак* (там же, СбНУ, III, 5)⁹, *колѧк* 'голям хлеб... за големи празници или за помен', 'малѧк кравай, който се дава на момчета, когато ходят да коледуват' — там же (БД, I, 252), 'малка пита', 'кравай' — с. Доброславци, р-н Софии (БД, II, стр. 86). Юго-западная Болгария: *колѧк* 'обретен хлеб' — с. Радуил, р-н Самокова (ИССФ, VIII — IX, 370, 215, 297),¹⁰ 'вид кравай' — р-н Самокова (БД, III, 233), *колѧк*, вити *колѧк* — там же (СбНУ, XLI, 413; Маринов, 297) *колак* 'погача за у черква, за Гьоргов ден, задушница' — р-н Станке Димитрова (Н. В. Котова. Говори в Станке-Димитровско. София, 1960, стр. 413 — рукопись), великенския *колак* — там же (Маринов, 420), 'вид хлеб' — с. Брежани, р-н Благоевграда (БДР), 'един вид хлеб за черква' — там же (ПСП, XLI — XLII, 954), *колаци* 'малки хлебчета по 100 г' — р-н Кюстендила (СбНУ, XLV, 195; Маринов, 420), *колѧк* 'кравай' — Ихтиман, Панагюриште (БД, III, 90; Маринов, 297, 400), 'кравай от кисело тесто' — с. Момина Клисурса, р-н Пазарджика (БДР), *кулѧк* 'малка пита' — с. Секирово, р-н Пловдива (БДР); в родопских говорах: *колѧк* 'питка ... печена на специална плоча', 'малѧк домашен хлеб', 'детско кравайче' (БД, II, 189; ИИБЕ, IV, 76), *кулѧк* 'мекица' — р-н Смоляна, 'питка от каша, печена на глинена плоча' — Широка Лыка (БДР), стѧрѧт *колѧки* — р-н Кырджали (п. 4956 — тексты БДА). Наконец, это слово известно в р-не Банско и Гоце Делчев: *колѧк* 'цял хлеб', 'подарѧк за добро известие' (СбНУ, XLVIII, 406), *кулѧк* 'малѧк хлеб за раздаване' (МПр, VI, № 3, 118; СбНУ, VIII, 54), 'малѧк хлеб ... приготвен за кума, пита' (МПр, X, № 1—2, 166; БДР), 'хлебче' («Народни песни от юго-западна България. Пирински край». Т. I. София, 1967, стр. 248).

Слово *колак* известно некоторым македонским говорам¹¹, главным образом, западным¹² и юго-западным (Эгейская Македония): да ia ѧспрастам болеста ... со *колак* и бѧрдаче — Прилеп (СбНУ, I, 95), *колак* — Щип (СбНУ, III, 2, 254), пет *колѧка* — р-н Джевджели (МПр, III, №3, 107), един *колѧк* — р-н Нижнего Вардара (МПр, VI, № 4, стр. 96), *кулѧк*, *кулѧци*, *кулѧцанта* ut l'ар 'ciasto chlebowe' — р-н Салоник (М. Малеески).

⁹ В р-не Софии и: *колак* 'кравай' (СбНУ, III, 138); *колак* 'то же' и в соседних районах Михайловграда, Брезника, Белоградчика, Грахова (БДР), *колак* 'хлеб, приготен за черква' — р-н Трына (ИССФ, IV, 264).

¹⁰ Слово *кѧлак* 'лопата (за изчистване жарта)' (ИССФ, VIII—IX, 170), вероятно, связано с тур. *kulak* (см. выше).

¹¹ В литературном македонском: *колак* 'kolač (диал.) đevrek', sve što se носи na zađušnice' (РМЈ). В некоторых говорах (например, в говоре Малешева) *колак* означает и 'официјална свршувачка' (МЈ, II, № 3—4, 96).

¹² Об этом см.: Б. Видоески. Кумановскиот говор. Скопје, 1962, стр. 255.

Две gwary macedońskie, Suche i Wysoka w Sołuńskim, cz. II. Kraków, 1936, s. 56), *кулáк* 'кравай' — Кукуш (БД, III, 328), *колак* — Серры (СБНУ, X, 3, 91), также *колáк* 'сватбен хляб', 'кравай' — с. Ружене, р-н Драми (СБНУ, L, 119, 102, 129, 132). Отметим и *koláče* 'petit gâteau rond' — южная Албания (А. М а з о н. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936, p. 415).

Наконец, слово *колак* фиксируется в тимокско-моравских говорах: дека *колаци* се не месят — Ниш, Пирот, Лесковац, Вране (Маринов, 468), *колак* 'kolač' — р-н Ниша (RHSJ, V, 184).

Слово *colac* и производные со значением 'вид (обрядового) хлеба'¹³ известны в дакорумынских говорах: *colac* 'gâteau; craquelin' — Трансильвания, Банат, Буковина (DLR, V, I, 642; Tiktin; DLRLC), *colácuș* 'вид хлебного изделия' (ALR, IV, № 1065; MALR, III, № 872), *colac* 'пасхальный калач' (Т. Т е а н а. Graiul din Valea Crișului Negru. București, 1961, p. 244), *kolak* 'Kuchen' (Е. Н е r z o g, V. G h e r a s i m. Glosarul dialectului mărginean. «Codrul Cosminului», t. IV — V. Cernăuți, 1927—1928, p. 239), *colac* 'ștrudel', *colac* cu mac (ALR, IV, № 1079); *colac* 'cozonac' (Т. В u d. Poezii populare din Maramureș. București, 1908, p. 77).

В молдавском языке: *колак* 'калач' («Дикционар молдовенеск-русеск». Кишинэу, 1964).

Вероятно, *colac* в дакорумынском — древнее заимствование из славянского¹⁴, восходящее к общерумынской эпохе, поскольку это слово известно и в румынских диалектах к югу от Дуная: арум. *culac* 'pain special' (Т. Р а р а h a g i. Dicționarul dialectului arumîn general și etimologic. București, 1963, p. 324); мегленорум. *culac* || *colac* 'то же' (I. А. С а n d r e a. Glosar megleno-romîn. «Grai și suflet», t. III. București, 1927—1928, p. 205; Т. С а р i d а n. Meglenoromânii, t. III. București, 1935, p. 84), истрорум. *colăc* 'covrig' (S. Р u ș c а r i u. Studii istroromâne, t. III. București, 1929, p. 306), *kolqk* 'то же' (А. В у h а n. Istrorumänische Glossar. «Jahrbericht der Institut für die rumänische Sprache», t. VI. Leipzig, 1895, S. 244).

В албанском также существует слово *kul'ač* 'Brotkuchen' как заимствование из славянского (G. М е у е r. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891, S. 212), *kulák* || *kul'ak* 'то же' — в южной Албании (А. М. С е л и щ е в. Славянское население в Албании. София, 1931, стр. 155).

Однако интересующее нас слово известно не только южнославянским (и некоторым другим балканским) языкам, как это считалось до сих пор. Оно зафиксировано также и на севернославянской территории — в отдельных северо-западных русских говорах. В картотеке «Псковского областного словаря», содержащего данные о лексике современных говоров

¹³ Здесь не учитываются значения 'круг', 'обод', 'змея, свернувшаяся кольцом' и др. указанного слова (DLR, v. I; Tiktin; DLRLC, ALR, I, № 158; III, № 739; MALR, III, № 559), так как отношение их к значению 'вид (обрядового) хлеба' не ясно; не учитывается также и *colac* 'cadeau en nature' (А. R o s e t t i. Létres roumaines de la fin du XVI et de début du XVII siècle tirées de archives de Bistritza. «Grai și suflet», v. III. București, 1927—1928, p. 28). К последнему значению близко значение венг. *kalák* 'вознаграждение за возвращение украденного скота'. В самом венгерском языке, вероятно, как заимствование из румынского (ALR, v. I), оно фиксируется с XVIII в. (Magyar nyelvtörténeti szótár a legrégebb nyelvemlékektől a nyelvújításig, köt. 2. Budapest, 1891. I. 83).

¹⁴ Лишено основания предположение о том, что рум. *colac* возникло из формы мн. ч. *colaci* (< слав. *kolačъ*) по модели существительных типа *sac-saci* и что затем *colac* проникло в болгарский (DLR, v. I; см. также Tiktin и G. М и h ä i l ä. Imprumuturi sud-slave meridionale în limba romîna. București, 1960, p. 60).

Псковской области и соседних с нею районов других областей¹⁵, имеется *калѣк* 'калач' (с. Тупово, р-н Бежаницы, Великолуцкая обл.).

Существование лексемы, отражающей редкий в славянских языках словообразовательный тип и выражающей одну и ту же семему¹⁶ в двух, в настоящее время не имеющих контактов, ареалах вряд ли может быть объяснено как результат независимого развития соответствующих диалектов. Русск. *калѣк* и южнослав. *колак* скорее всего не инновации, не связанные генетически, а архаизм, восходящий к праславянской эпохе и характеризующий некоторые праславянские диалекты.

2.

Русск. диал. *пону́да*, deverбалив к *пону́дить* 'принудить к чему-либо, заставить' (Даль; ССРЛЯ)¹⁷, фиксируется крайне редко, это слово известно только в севернорусских говорах. Отмечены следующие значения этого слова: *пону́да* 'пону́ждение' — Новгород, Тихвин (Опыт, стр. 170)¹⁸, также 'усердное угощение, приглашение к еде, к выпивке' (Н. М. В а с н е ц о в. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907, стр. 237).

Это слово отсутствует в других севернославянских языках и диалектах¹⁹ и фиксируется лишь в языках южных славян. Близость указанных севернорусских говоров и южнославянских языков обнаруживается также в области семантики. Несомненно связь последнего из приведенных выше значений русского слова и словен. *ponûda* 'Anbieten, Angebot, Offerte' (Pleteršnik, II, str. 147). На материале болгарского, македонского и сербохорватского языков прослеживается ряд сдвигов в семантике слова **ponuda* и родственных с ним слов, представляющих, по нашему мнению, дальнейшие стадии развития первоначального значения 'принуждение'. По-видимому, вначале возникли следующие значения: 'обычай собирать и угощать людей по случаю какого-либо события' (представлено в говорах северо-восточной Болгарии) и 'угощение, подарок' (характерно для некоторых болгарских, части македонских и сербских говоров). Другие значения **ponuda* и родственных с ним слов следовало бы рассматривать как вторичные.

Ниже приводится имеющийся в нашем распоряжении диалектный материал и показания словарей о значениях слова **ponuda*.

1. 'обычай собирать и угощать людей по поводу какого-либо события': *пану́да* 'събирание в чест на някое събитие; за целта се пече пита' — с. Тырнак, р-н Бела Слатины, с. Бели Осым, р-н Трояна (БДР), также *пунуда* 'вид обред' — с. Ганчовец, р-н Дряново (БДР); *пъну́ди* 'угощение

¹⁵ Псковский областной словарь, т. 1. Л., 1967, стр. 6. Выражаем искреннюю благодарность авторам, которые дали нам возможность ознакомиться с материалами еще неопубликованных томов словаря.

¹⁶ В украинских диалектах омоним *калѣк* 'клык' (І. В е р х р а т с к и й. Про говір галицких лемків. Львів, 1902, стр. 426; Гринч.). Это слово родственно слову *кло*, *клы* (Фасмер).

¹⁷ Ср. и.: *пону́дить* 'о действиях половодных льдов: подвинуть, оторвать' (Шенкурск, Арханг. обл.). (Опыт, стр. 170; также: А. О. П о д в ы с о ц к и й. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 132).

¹⁸ Ср. и: 'натужное испражнение' (пск. — Даль).

¹⁹ Глаголы с той же основой, однако, распространены довольно широко, ср. белор. *панудзіці* (БРМ; Носович), укр. *пону́дити* (Гринч.), польск. *ponudzić*, *ponęcić* (Linde; SJP₁; SJP₂) и т. д. Данные современных языков позволяют предполагать, что в праславянском существовали варианты корня **nud-*: **nqd-* (ср. **nuditi*: **nqđiti*), подробнее об этом см.: F. S I a w s k i. *Oboczność Q: U w językach słowiańskich*. «Slavia occidentalis», t. XVIII, Poznań, 1947, s. 246—247, 265 и след.

по случаю рождения ребенка' — с. Беброво, р-н Елены (БДР), Разград (ИССФ, VII, 134), *панѹда* — Сливен, с. Тотлебен, р-н Плевена (БДР), *пѹнѹдѹ* — с. Войнягово, р-н Карлово (БДР), *пону̀да* 'угощение на третий день после рождения ребенка' — с. Жеравна, р-н Котела (БДР). Ср. также: малка *пону̀да* 'угощение по случаю рождения', голяма *пону̀да* 'угощение по случаю крещения' — с. Слатина, р-н Ловеча (БДР). В болгарских говорах СССР: *пѹнѹда* 'праздник по случаю рождения ребенка' — с. Ореховое, р-н Болграда (собственные наблюдения).

2. 'угощение (еда, питье), подарок, которые приносят роженице, больному и др.':

пону̀да 'угощение больному или роженице' («Народни песни от юго-западна България. Пирински край...», стр. 949), *пунѹда* 'плодове, сладкиши и др., които се носят на болен или на родилка' — Банат (С. Ст о й-ки о в. Лексиката на банатския говор. София, 1968, стр. 192), *пону̀да* 'нещо за похапване, кѹето се носи на болен или на родилка' — Ихтиман (БД, III, 140); ср. и *пбнуда* 'подкана на болен или родилка да яде' (там же), 'нещо за ядене и пиене, поднесено на родилка или болен' — с. Смолско, р-н Пирдопа (БД, IV, 132);

пону̀да, *пону̀дица*, 'сладкиш, поднесен на родилка' — Самоков (БД, III, 261), 'подарък от разни ястия на родилката' — с. с. Четино, Света Петка, Смолян, Бабяк, Якоруда (БД, II, 242), *пону̀да* ѱ носат — с. Локорско, р-н Софии (СБНУ, XVI — XVII, 3, 119), *спбнда* 'подарък от баница и хляб, който се носи на родилка' — с. Момчиловци, р-н Смоляна (ИИБЕ, IV, 84), *пону̀да* 'подарки роженице' — с. Чалыковци, р-н Пловдива (БДР), то же значение в болгарских селах СССР: *панѹди* — с. Владичени, р-н Болграда (собственные наблюдения). В македонских говорах: *пунѹда* 'сладкиши които се носят на родилка' — Кукуш (БД, III, 333), пращат на леунката *пону̀да* — 'тиганди, варен ориз' — Скопле (Шапкарев, ч. III, отд. 1, кн. 3, стр. 34); то же в восточносербских говорах: *пону̀да* — с. Болевац (СЕЗБ, XVI, 116);

пону̀да 'това, което се занаса при спохождане на болен: ябълки и пр.' — с. Радуил, р-н Самокова (ИССФ, VIII — IX, 378), 'храна, която се носи на болен' — р-н Софии (БД, I, 262); *пону̀да* 'подарки больному от родственников' — Скопска Црна Гора (СЕЗБ, VI, 403), тамо му носим *пону̀де* — Титоград (М. В а с и л е в и ѱ. Народне мелодије Црне Горе. Београд, 1965, стр. 30; ср. и: ѱа ти пбсаках *пбнуда* — Велес, (СБНУ, XX, 2, 55), *пону̀да* 'угощение больному' — с. Емборе, р-н Кайлара (СБНУ, XVI — XVII, 3, 69), *пбнадо*²⁰ 'шчо му бтнесе — Дебар (СБНУ, VII, 368), болно сум, ... *пбнада* да ми дбнесиш, кѹйсело благо ѱаболко — Битоля (Шапкарев, ч. I, отд. 4, кн. 6, стр. 407), когда си болна лежала... *пбнада* да ти донесем — негушка лута ракия — Прилеп (Шапкарев, ч. I, отд. 4, кн. 5, стр. 278). В сербских говорах: *пону̀да* 'вкусное, что приносят больному' — обл. Гружа (СЕЗБ, LVIII, 345), сутра ѱу *пону̀де* донети — обл. Качер (Ј. П а в л о в и ѱ. Качер и качерци. Београд, 1928, стр. 12).

Ср. также: *пунѹда* 'храна, която се носи при посещение на болен или умрял човек' — Троян (БД, IV, 220); ... *šalje motkova kuća divojci ponuda* (т. е. подарки): *kolaci, pita* — Крале, Босния (ZbNŽO, knj. 27, стр. 170).

В некоторых македонских и западноболгарских диалектах отмечается и более общее значение: *пона̀да* 'угощение, подарок', — Охрид (СБНУ,

²⁰ Очевидно, в слове *пона̀да* (также и в *понѹда*, см. ниже), отмечаемом лишь в юго-западных македонских говорах (р-н Дебра, Битоли, Прилепа, Охрида), отражается праславянский корень **nd-*, вариант корня **nud-* (см. выше сноску 19).

XIII, 3, 218); *пону́де* 'нещо сладко' — с. Радовиште, Македония (СБНУ, XI, 63), Трын (СБНУ, XXI, 2, 20).

Значение 'угощение, которое приносят больному или роженице' приводится во всех основных словарях болгарского, македонского и сербохорватского языков (Геров, Дювернуа, МБТР, БТР, РСБКЕ; РМЈ, Караџић, RHSJ)²¹.

3. Развитием значений 'обычай собирать и угощать людей по поводу какого-либо события' и 'угощение, подарок' может быть значение 'вид специального хлеба, который печется по случаю какого-либо события', отмечаемое в отдельных болгарских говорах:

пану́да 'първа пита .. нея я правят или веднага след раждането или в първия ден след него' — с. Дуванджово, р-н Адрианополя, с. Цихникор, Урум-беглии, р-н Лозенграда (Тр. Сб., V, 313), и веднага *пону́да* да меси — р-н Софии (СБНУ, XLIV, 82), *пону́да* 'пита' — с. Трынчовица, р-н Никополя (БДР); ср. и: кът с намери детето... праим *пону́да* (там же); возможно, здесь это слово обозначает и 'обычай собирать и угощать людей'. Также: *пону́да* 'пита' — с. Ружене, р-н Драмы (СБНУ, L, 181), *пану́да* 'пита, подарена на родилка' — с. Райково, р-н Смоляна (БД, II, 231); ср. и: *спонуда* 'погача' — Родопы (А. И л и е в. Сборник от народни умотворения, обичаи и др., т. 1. София, 1889, стр. 21);

пону́да 'донесените в деня на сватбата от невестата 3 хляба на младоженеца' — с. Габрово, Кростополе, р-н Ксанти (БД, II, 242).

4. Со значением 'угощение, подарок (больному, роженице)' тесно связано и значение 'пища (больному, роженице)'. Ср.:

пану́дица 'пища роженице' — с. Ракитово, р-н Пещеры (СБНУ, XXXIX, 113), *пону́дице* 'то же' — Дойран (МПр, IX, № 3—4, 169);

пону́да 'храна за болен' — р-н Кюстендила (БДР), *пону́дъ* 'то же' — с. Дивдядово, р-н Шумена (БДР), *пона́да* — Прилеп (СБНУ, XIV, 3, 106), невешчето ми посакало *пона́дица*, стара се баба поболи... ми сакал понжда — Охрид (Шапкарев, ч. III, отд. I, кн. 3, стр. 106, 116), момите си болни лежат, а што им е *пону́дата?* — Щип (там же, стр. 125), нарачи́ло да му кúпи *пону́дица*... ..*пону́ди се*, оздраве си — с. Ярлово, р-н Самокова (там же, стр. 132), поболи́ се майка ѝ та засака *пону́да* — Самоков (Шапкарев, ч. I, отд. IV, кн. 6, стр. 399), да се разбол'ят момите *пону́да* ке им да́жем. — Джевджели (МПр, III, № 2, 102; ср. и *пануда* без указания значения: Д. И в а н о в. Гевгелийският говор. София, 1932, стр. 46), момите ми болни лежат, ам што хми е *пону́дата* — Демир-Хисар (СБНУ, IV, 32), *пону́да* 'нещо вкусно на болен' Разлог (СБНУ, XLVIII, 46, 505).

Упомянем здесь и *пону́да* в значении 'последната хашка, която оставя умрелият човек, било хляб, било от друго нещо', отмеченное в говоре р-на Станке Д и м и т р о в а (СБНУ, X, 3, 109²²; ср. и: *пону́дуем* 'гостя, довасям *пону́да*' — Н. В. К о т о в а. Указ. соч., стр. 323).

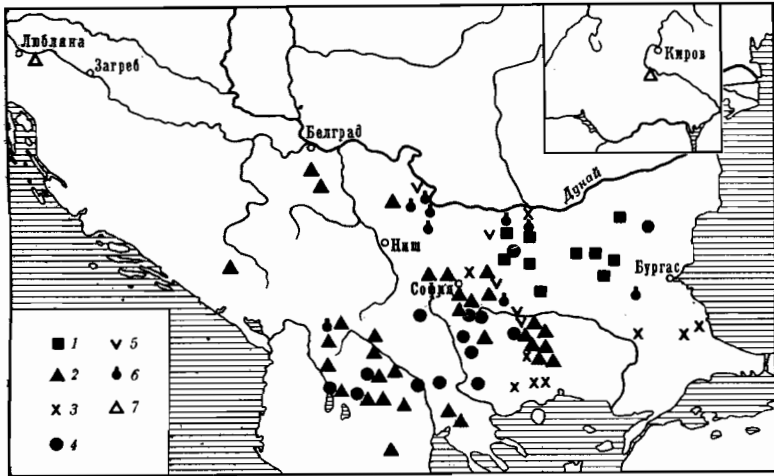
Возможно, иногда слово *пону́да* значит и 'пища (вообще)', например: зимна *пону́да* — Щип (СБНУ, III, 254).

5. Из значения 'угощение, подарок', вероятно, возникло значение 'посещение (-обычай посещать) роженицу или больного с угощением'. Ср.:

²¹ Близо к этому значению существительного и значение однокоренного глагола в примерах: детенце да си *пану́дим* — Кула (СБНУ, XLI, 198), детето да ми *пану́дат* и кръстат — с. Мокреш, р-н Кулы (БДР), кръстили и пану́дили — Елена (СБНУ, XXVII, 245), да *пану́дат* млада Бога — с. Комарево, р-н Плевена (БДР); также: од себе то не *пону́ди* (М. Ф и л и п ó в и њ. Живот и обичаји народни у Височкој нахији. Београд, 1949, стр. 147); да ми *пона́дит* болен Янкула — с. Смилево, р-н Битоли (МПр, IV, стр. 83); ја би ве пону́дила — «Банатски Хере», Нови Сад, 1963, стр. 336), од кúбе *ponude* — о. Крк (ZbNZO, knj. 26, стр. 163).

²² Это значение отмечено и в словаре Н. Герова.

понѹда 'спохождане родилка или болен с нещо за ядене' — Копривщица (РР, XII, 117), 'спохождане с гозба при болен' — с. Момина Клисура, р-н Пазарджика (БДР), 'посещение на родилка с ядене и пиене' — с. Габаре, р-н Бела Слатины (ИИБЕ, IV, 164), *панѹда* 'то же' — с. Чешнегирово, р-н Пловдива (БД, I, 213), Войница, р-н Видина (собственные наблюдения), *пунѹди* 'то же' — с. Криничное, р-н Болграда (собственные наблюдения). Указанное значение отражено и в болгарских словарях (Геров, Дювернуа, БТР, РСБКЕ).

Карта № 2. Распространение и значение слова *+ponuda*

1 — 'обычай собирать и угощать людей'; 2 — 'угощение; подарок (роженице, больному)'; 3 — 'вид (обрядового) хлеба'; 4 — 'пища'; 5 — 'посещение (роженицы, больного)'; 6 — слово *+ponuda* отмечено без значения; 7 — 'приглашение к еде: угощение, потчевание'

Кроме того, в ряде источников слово *понуда* отмечено без толкования значения: *панѹда* — с. Лехчево, р-н Михайловграда (СбНУ, ХLI, 184), *панѹда*, *понѹда* — Видин (там же, 221, 222), *понѹда* — Лом (там же, 102), *понѹда* — Плевен (Д. И в а н о в. Указ. соч., 46), *панѹда* — Елхово (там же), *понѹда* да те понѹдим — с. Сливовица, р-н Пазарджика (БДР), *понѹда* (Б. В и д о е с к и. Северо-македонски говори. МJ, V, стр. 131), *пбнада* — Галичник (СДЗб, VII, 89).

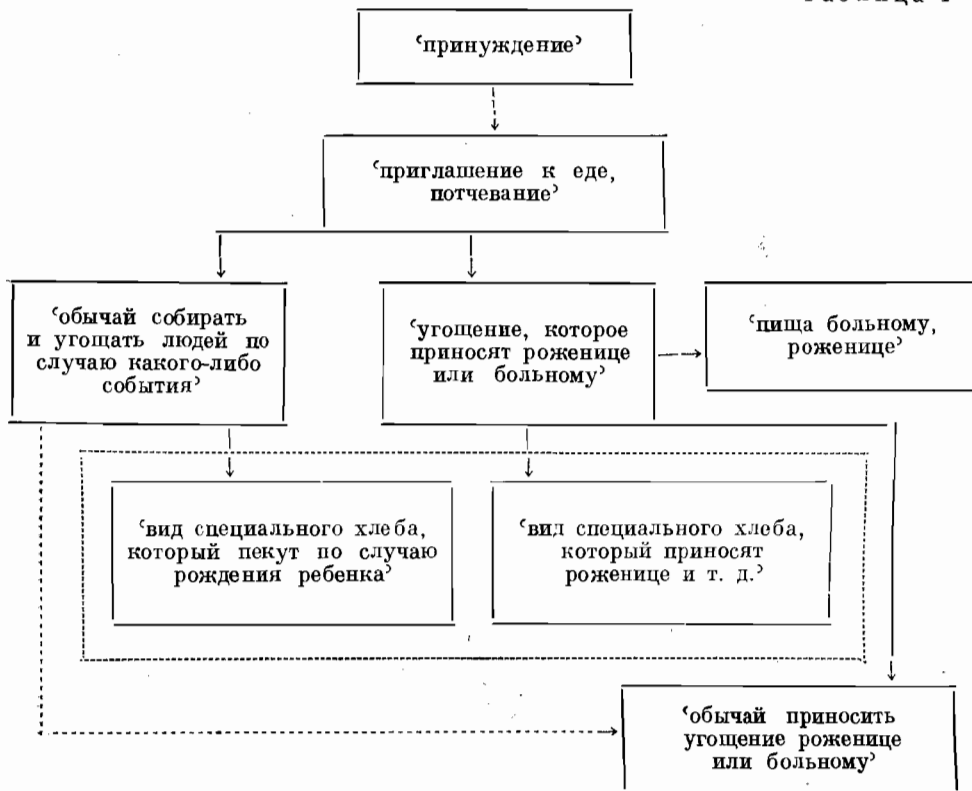
Распространение слова *+ponuda* и родственных с ним слов в славянских языках см. на карте № 2.

Соотношение значений, выражаемых словом *+ponuda* и родственными словами, представлено на таблице 1.

В болгарском литературном языке для обозначения явления 'солнце заходит', 'заход солнца' и под. употребляются слова *заязвам*, *залез* (РСБКЕ, БТР) и др. Эти слова известны некоторым диалектам, главным образом, в северо-восточной и центральной Болгарии. Соответствующие глаголы (*залѹз'а залѹзи*, *зал'ѹза*, *зал'ѹзва*, *зал'ѹзва*, *залѹзи* и под.) картографируются на картах I (№ 275) и II (№ 288) томов «Болгарского диалектологического атласа». Изоглосса, охватывающая территорию распространения этих слов, идет по левому берегу р. Янтра до г. Елена, доходит до р. Тунджа и до г. Стара Загора, идет несколько севернее г. Чирпан и затем уходит на северо-запад. Данные готовящихся к печати томов БДА позволят установить точную территорию их распространения западнее 25 меридиана. По материалам диалектологических работ, указанные гла-

голы и образованные от них существительные известны в следующих пунктах: *zális* 'заход солнца' — с. Войнягово, р-н Карлово (БДР), 'то же' и 'запад' — с. Бериево, р-н Севлиево (БД, I, 179), *záléze* 'слънце-то' — с. Ново село, р-н Трояна (БДР). Ср. и: *zál'ázam* 'заходить (о солнце)' — Провадия (СББАН, XXXIV, 384), пу *záлу*-слънци — Габрово, Казанлык (СБНУ, III, 142), *záло*-слънце — Трявна (СБНУ, XII — XIII, 1, 6), также и однокоренное: меасеачината *izleaze* коарвава — Родопы (СБНУ, I, 76, но при этом: *zанижне* слoанцету).

Таблица 1

Однокоренные слова с тем же значением фиксируются в чакавских диалектах сербохорватского языка: ро *zalazu sunca* — с. Михольска, р-н Войнич (ZbNŽO, XIII, 159), *vetar, ki puse od sunca zilaza zovu... levant* — Кастав (ZbNŽO, XXXIX, 313), *poslije zalazka sunca, prije izlaza sunca* — у хорватов в Южной Герцеговине (ZbNŽO, XXXII, 225, 227), *kada sonce zilize (izlize)* — Добринь, о. Крк (ZbNŽO, XXXIII, 143). В словарях приведены следующие лексемы: *zàlazak* 'заход солнца' (Iveković), *zàlaziti* 'заходить (о солнце)' (Караџић, Iveković).

Отмечается слово *zalez* (solnčni) 'Sonnenuntergang' и в словенском языке (Pleteršnik); ср. u: *sunce vyloézlö, sunce ma viloést*²³.

На севернославянской территории интересующие нас слова и значения зафиксированы лишь в исковских говорах. По данным «Исковского областного словаря» *zález* 'заход солнца' отмечено в р-не г. Опочка (с. Макушино), в ряде пунктов записано слово *zalezítъ* 'заходить (о солнце)'

²³ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии, I. СПб., 1895, стр. 84.

(с. Пахомово, Синие Ворота, р-н Великие Луки; с. Мисники, р-н Невеля; с. Теребуши, р-н Струги Красные)²⁴.

Дальнейшее изучение лексико-семантической общности между южно-славянскими языками и диалектами русского языка покажет, как велико число схождений, подобных тем, которые были рассмотрены выше. Это поможет решить вопрос, существовало ли в древности изоглоссная область, включавшая северные говоры восточного праславянского поддиалекта и южные говоры центрального поддиалекта.

С о к р а щ е н и я

- БД — «Българска диалектология. Проучвания и материали», тт. I—IV. София, 1962—1968.
- БДА — Български диалектен атлас. I. Югоизточна България. София, 1964; II. Североизточна България. София, 1966.
- БДР — Български диалектен речник (картотека, хранится в Софии).
- БРС — Беларуско-руски слоўнік. Мінск, 1962.
- БТР — Български тълковен речник. София, 1955.
- Геров — Н. Геров. Речник на българский язык, ч. II. Пловдив, 1897; ч. IV, 1901.
- Гринч. — Б. Гринченко. Словарь украинского языка, тт. I—IV, Киев, 1907—1909.
- Даль — В. Даль. Словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. М., 1955.
- Дювернуа — А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. 3, М., 1887; вып. 4, 1888; вып. 7, 1889.
- ИИБЕ — «Известия на Института за български език». София.
- ИС — Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР (Москва).
- ИССФ — «Известия на Семинара по славянска филология». София.
- Караџић — В. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Биоград, 1898.
- Маринов — В. Маринов. Народна вяра и народни религиозни обичаи. СБНУ, XXVIII, 1914.
- МБТР — С. Младенов. Български тълковен речник на съвременния народен и книжовен език, т. 1—2. София, 1942.
- МЕР — С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- МЈ — «Македонски јазик». Скопје.
- МПр — «Македонски преглед». София.
- Носович — И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- ПОС — Псковский областной словарь (картотека, хранится на филологическом факультете Ленинградского университета).
- ПСП — «Периодическое списание». София.
- ПЭС — А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. 1910.
- РМЈ — Речник на македонскиот јазик, тт. I—III. Скопје, 1961—1966.
- РР — «Родна реч». София.
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език, т. I. София, 1955, т. II, 1957.
- СББАН — «Сборник на Българската академия на науките». София.
- СБНУ — «Сборник за народни умотворения и книжнина». София.
- СДЗБ — «Српски дијалектолошки зборник». Београд.

²⁴ Рассмотренная здесь южнославянско-севернорусская семантическая параллель не является единственной для слов с корнем *lěz- || *laz-. Ср., например, сходство значений у следующих глаголов: русск. диал. (пск., волог.), *влѣзати, влѣзти, влѣзати* 'входить, войти' (СРНГ, ПОС, Даль); урал. *залезати* 'входить в дом' (СРНГ), пск. *вылезти* 'выйти' (СРНГ) и болг. *влизам, вляза* 'входить, войти' *излизам, изляза* 'выходить, выйти'. Ср. и следующее русско-чешско-словенское соответствие: русск. диал. (арханг.) *залаз, залазъ*, 'лаз, лазок, отверстие для лазу; глухой кут, закоулок, скрытый уголок' (Даль; А. О. Подвысоцкий. Указ. соч., стр. 50), чеш. *zález* 'skrýše' (PSJČ), словен. *zalez* 'Schlupfwinkel' (Pleteršnik), *zaléza* 'засада' (M. Hostnik Slovensko-ruski slovar. Gorica, 1901, стр. 333), Ср. и ст.-слав., др.-рус. *залазъ* 'latibulum', 'periculum' (Miklosich) и 'опасность' (Срезневский). Изучение этих и других семантических схождений должно быть предметом специального исследования.

- СЕЗб — «Српски етнографски зборник». Београд.
 СпБАН — «Списание на Българската академия на науките». София.
 Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров (картотека, хранится в Ленинграде, в Институте языкознания АН СССР).
 ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 4, М., 1955; т. 5, 1956; т. 10, 1960.
 Тр. Сб. — «Тракийски сборник». София.
 Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, тт. 1, 2. М., 1961, 1966.
 Шапкарев — К. Шапкарев. Сборник от български народни умотворения, чч. I—III. София, 1891—1894.
 ALR — Atlasul lingvistic romîn, vv. I—III. București, 1956—1967.
 BEW — E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
 BrES — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957.
 DLR — Dicționarul limbii române, t. I, p. 1. București, 1940.
 DLRLC — Dicționarul limbii romîne literare contemporane, tt. I—IV. București, 1957—1963.
 НКЕС — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
 Iveković — F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, sv. I—II, Zagreb, 1900—1901.
 Linde — B. Linde. Słownik języka polskiego, tt. I—IV. Warszawa, 1855—1860.
 MALR — Micul atlas lingvistic romîn, vv. I—III. București, 1956—1967.
 Miklosich — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
 Pleteršnik — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, dd. I—II. Ljubljana, 1894—1895.
 PSJC — Příručný slovník jazyka českého, d. I. Praha, 1935—1937; d. II, 1937—1938.
 RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. IV. Zagreb, 1892—1897; d. X, 1931.
 SJP₁ — J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedźki. Słownik języka polskiego, t. II, Warszawa, 1952.
 SJP₂ — Słownik języka polskiego, t. III. Warszawa, 1961.
 SSJC — Slovník spisovného jazyka českého, d. I. Praha, 1960.
 Tiktin — H. Tiktin. Rumänisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I—III. Bukarest, 1903—1925.
 ZbNZO — «Žbornik za narodni život i običaje južnih slavena». Zagreb.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. Д. КОРОЛЮК

ПОЭЗИЯ БОЛЕСЛАВА ЛЕСЬМЯНА В ГРАФИКЕ А. Е. ГОЛЯХОВСКОЙ

Художники книги обычно любят иллюстрировать поэзию. Любят, — хотя и понимают, что работа с поэтическим произведением трудное и не всегда благодарное дело. Условность поэтического языка и условность языка черно-белой графики, с одной стороны, как бы сближают эти два рода творчества. С другой стороны — как найти вполне адекватные средства у искусства черно-белого, располагающего ограниченными средствами пятна и линии, света и тени, для передачи поэтического образа, часто только едва намеченного, лишённого многих конкретных видимых примет и тем не менее, в силу богатства связанных с ним эмоциональных ассоциаций, вполне явственного, хотя и незримого?

И тут возникает определенная творческая коллизия, успешно преодолеть которую удастся далеко не каждому графику, не говоря уже о само собой разумеющейся трудности приспособления сложившегося графического почерка к образному видению и интонационному настрою поэта, его стилю. Коллизия эта кажется тем более сложной, чем менее «программно» поэтическое произведение, чем больше в нем элементов недосказанности, намек, настроения, чувств и мыслей, наплывающих и перебивающих друг друга. Именно таково творчество польского поэта Болеслава Лесьмяна (1877—1937), поэзия которого до сих пор вызывает самые различные оценки, понимается и трактуется по-разному, — и не просто противоречиво, а с диаметрально противоположных позиций. Он одновременно объявляется и «...трезвым реалистом и безудержным фантастом... Презирающим толпу „аристократом“ и человеком, чутким к любой нужде... Певцом стихии природы и поэтом человеческих тревог... Стремящимся проникнуть в тайны существования метафизиком и очарованным материальным миром эмпириком...»¹.

Но самое парадоксальное отнюдь не в этом противоречии оценок, а в том, что почти все отмеченные критикой черты на самом деле присутствуют в творчестве поэта, в том, что его поэзия на самом деле является очень сложным, совершенно особым явлением в польской литературе 10—30-х годов.

Творчество Болеслава Лесьмяна фактически еще не знакомо советской общественности. Да и в самой Польше поэт долго не мог получить должного признания. Может быть, в какой-то мере это объяснялось его стремлением остаться в стороне от ведущих литературных группировок, его жизнью в небольших провинциальных городках — Грубешове и Замостье. Но главное, конечно, было в самом характере его поэзии. Немногие понимали, что его бегство в сказку, его философия слияния человека с природой, мистические и пессимистические настроения в последних сборниках, где трагическое переплетается с элементами гротеска и юмора и с ярким чувством привязанности к живому земному миру, были так или иначе связаны с его неприятием мрачной и мелкой, безысходной, как казалось поэту, действительности 20—30-х годов.

¹ Z. Jastrzębski. Zejście z Parnasu. Wspomnienia o Bolesławie Lesmianie. Lublin, 1966. Цит. по: «История польской литературы», т. 2. М., 1969, стр. 240.

Поздно пришло признание к поэту — после его избрания в 1933 г. членом Польской академии литературы, за чем последовал переезд в Варшаву в 1935 г. Однако в полной мере гуманистический смысл творческих поисков поэта был понят и оценен только в 50—60-х годах. Тогда же и началось серьезное исследование его вклада в польскую поэзию, особенностей его философского мировоззрения, творческого метода и стиля².

В жизни и творчестве Болеслава Лесьмяна есть много привлекательного для нашего читателя. В польской поэзии 10—30-х годов Болеслав Лесьмян занимал обособленную позицию. Связанный с поэзией Молодой Польши, он не стал ярким выразителем ее идеалов. Не был он и ее эпитоном. Вместе с тем ему не удалось стать и предтечей каких-либо новых течений в польской литературе. Эволюция его творчества не дает возможности связать Болеслава Лесьмяна с каким-либо определенным направлением в польской поэзии. Бесспорное тяготение к символизму сочетается в его творчестве с сильными и яркими чертами экспрессионизма и временами даже импрессионизма. Для творчества Лесьмяна характерно тесное сплетение начал разных и противоборствующих: сказочного и реального, трагедии и гротеска, витализма и пессимизма. Это не просто противоречия его творческого пути, это ярко проявляющийся дуализм его поэтического видения и философского мышления. Советский читатель мог бы легко найти аналогии особенностям поэтики и творческих поисков Болеслава Лесьмяна в русской литературе 10—20-х годов. Аналогии эти подчеркнули бы общие тенденции культурного развития двух соседних народов.

Есть и прямые линии, тесно связывающие творчество польского поэта с нашей страной. Болеслав Лесьмян провел свою юность на Украине. В Киеве он получил среднее образование. Затем окончил юридический факультет Киевского университета. Здесь же началось его поэтическое творчество, причем

² Лучшей попыткой дать творческий портрет поэта является, на наш взгляд, работа Яцека Тшнаделя. J. T r z n a d e l. Bolesław Leśmian. In: Literatura okresu Młodej Polski. Warszawa, 1963, s. 831—874. Великолепный, с большим чувством и прекрасным знанием творчества поэта, очерк его поэтической деятельности появился недавно и в нашем литературоведении: Н. А. Богомолова. Болеслав Лесьмян. В кн.: История польской литературы, т. 2, стр. 240—250.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

писал он не только на русские темы, но и по-русски. Два цикла его русских стихов — «Песни Василисы Премудрой»³ и «Лунное похмелье»⁴ — были изданы в России. Кстати сказать, к первому из этих циклов художницей А. Е. Голяховской, о работах которой пойдет речь дальше, нарезана поэтическая и стилистически очень точно отвечающая духу лесьмяновской поэзии тех времен гравюра на дереве (рис. 1).

Впоследствии, расставшись с Украиной, побывав в Германии и испытав восторг от встречи с Парижем и импрессионистами (К. Моне), Болеслав Лесьмян на всю жизнь сохранит все-таки благодарную память об Украине, России, сохранит глубокий интерес к русской культуре и литературе, о чем свидетельствуют его заметки, рецензии и выступления 10—30-х годов⁵. В них он касается творчества Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Леонида Андреева. Из украинских писателей внимание его привлекли Леся Украинка и Михайло Коцюбинский. Но самое большое удивление и преклонение вызывал — Бальмонт, которого Лесьмян искренне считал крупнейшим русским поэтом. С ним сближал Лесьмяна его ранний творческий поиск, под влиянием русского поэта было написано «Лунное похмелье».

Польский поэт унес с собой из России знание русского и украинского фольклора, глубокий интерес к народному творчеству, к чуткому и образному народному слову. Именно эти его связи и воспоминания о русской и украинской жизни дали сильный стимул его дальнейшей творческой деятельности.

Сказанного, думается, вполне достаточно для того, чтобы оценить инициативу издательства «Художественная литература», задумав-

шего познакомить советского читателя с избранной поэзией Болеслава Лесьмяна. К подготовленному томуку поэтических переводов из его произведений были нарезаны А. Е. Голяховской рассматриваемые ниже ксилографии.

Алина Евгеньевна (род. в 1927 г.) — дочь известного мастера-ксилографа Евгения Николаевича Голяховского, выпускница Московского художественного института им. Сурикова (окончила в 1949 г.), где училась у выдающегося советского графика П. Я. Павлинова, — сравнительно недавно вошла в мир книжной графики. Успех, однако, сопутствовал ей буквально с первых шагов. Все ее книжные работы с 1966 г. привлекали к себе внимание и вызвали одобрительные отклики, чему в известной мере способствовало увлечение художницей творческим методом В. А. Фаворского, с которым долгие годы был дружен и сотрудничал ее учитель. Иные из ее работ

³ «Золотое Руно», 1906, № 11—12.

⁴ «Весь», 1907, № 10.

⁵ В. L e ś m i a n. Szkice literackie. Warszawa, 1959, s. 66, 106, 246—251, 265, 384, 433—436, 444—448, 495.

Рис. 6

очень живо напоминали книжные гравюры безвременно скончавшегося талантливому ученику В. А. Фаворского Г. А. Ечевистова.

Откровенно говоря, трудно было себе представить графика, усвоившего строгий лаконичный язык школы Фаворского с тяготением к очень плотной, как бы замкнутой в себе композиции, построенной прежде всего на очень четкой черной линии и регулярной системе штриха, в роли иллюстратора крайне подвижной, беспокойной, обладающей ритмико-интонационной гибкостью поэзии Болеслава Лесьмяна. Его трепетная поэтическая фантазия, сложная, идущая из разных источников символика, его особый язык определенно требовали изменения привычного художнице графического почерка.

И такое изменение произошло. Рисунок художницы приобрел более свободный и несколько изысканный характер, свободнее стала композиция гравюр. Не потеряв лаконичности, они стали менее строгими, весьма разнообразно и даже нервно организованными. Очень звучно заговорили белые, свободные от штриха пятна. В творческом методе поэта А. Е. Голяховская подчеркнула прежде всего экспрессионистские начала.

Всего А. Е. Голяховской, помимо суперобложки, было нарезано к этому изданию четыре гравюры, которые должны служить фронтисписами к четырем частям, четырем поэтическим циклам сборника «Сад на перепутье», «Луг» (рис. 2 и 3), «Студеное питье» (рис. 4) и «Лесное деяние» (рис. 5).

Используя плоскостной характер гравюры на дереве, не требующей обязательно линейной перспективы и позволяющей свободно совмещать в одной композиции события разновременные и даже прямо не связанные между собой, художница не просто выбирает из цикла одно из наиболее ярких стихотворений, чтобы в соответствии с его темой построить композицию гравюры, а свободно и умело совмещает в одном графическом произведении темы и образы разных стихотворений цикла. При этом главная ее задача — уловить и передать общее настроение цикла. Как правило, это ей хорошо удается. Наиболее убедительными представляются фронтисписы к «Саду на перепутье», «Лугу», «Студеному питью». Впрочем, если точно придерживаться образов цикла, пожалуй, правильнее было бы фронтисписы к «Лугу» и «Саду на перепутье» поменять местами. Такую перемену позволяет интонационная близость гравюр, со-

ответствующая интонационной близости циклов. Труднее читается фронтиспис к циклу «Лесное деяние». Цикл этот, при том условии, что поэт и в нем пел «мое со светом несогласие», глубоко пессимистичен по своей главной поэтической интонации. Лесьмян на самом деле входит с ним в мир «через ворота печали».

Несколько иначе прочла его художница. Введя в композицию фигуру голубя, обычное олицетворение умиротворенности, А. Е. Голяховская, очевидно, стремилась подчеркнуть, что печаль поэта светла. Отсюда общий лирический, просветленный характер фронтисписа. Нужно сказать, что даже попытка истолковать образ голубя как символ одинокой кончины, тоже не меняет существа дела. Все равно и в этом случае гравюра читается скорее как элегия неизбежной смерти, чем страстная трагедия последней разлуки. При близости поэтических образов и общего настроения «Студеного питья» и «Лесного деяния» их противоречивая графическая интерпретация во всяком случае представляется неоправданной. Спорность гравюры к «Лесному деянию» не мешает, однако, считать и этот фронтиспис художницы ее большой творческой удачей.

Наиболее спорной и наименее убедительной частью работы А. Е. Голяховской над сборником поэзии Болеслава Лесьмяна является большая гравюра, предназначенная для суперобложки книги (рис. 6). Не только общее настроение гравюры, но и сам образ всплывающей русалки едва ли полностью отвечает не только главной тематике сборника, но и характерным особенностям поэтики Лесьмяна, его поэтическому и человеческому кредо. Спорность трактовки не лишает, однако, эту работу ее высоких поэтических достоинств. Более того, именно в этой гравюре очень ярко сказалось многое из того нового, что появилось в творчестве художницы в связи с работой над поэзией Болеслава Лесьмяна.

Будущее покажет, является ли это новое органическим развитием таланта художницы или это только результат ее стремления найти общий язык с иллюстрируемым поэтом. Как бы то ни было, предпринятый А. Е. Голяховской первый у нас опыт графической интерпретации такого сложного и интересного явления в польской поэзии, как творчество Болеслава Лесьмяна, вполне удался и заслуживает того, чтобы привлечь к нему внимание советской и польской общественности.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЮГОСЛАВСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИЛЛИРИЗМА

Хорватское национально-освободительное движение первой половины XIX в., вошедшее в историю под названием иллиризма, является предметом пристального внимания современных историков Югославии, в первую очередь хорватской исторической науки. В последние годы появился ряд монографий, которые, хотя специально и не посвящены иллиризму, затрагивают эту проблему, много статей по конкретным вопросам иллирийского движения, наконец, публикации.

Ввиду обилия исследований по иллиризму, в настоящем обзоре будут рассмотрены лишь важнейшие из них. Притом, поскольку период 1848—1849 гг. является особым этапом в историческом развитии хорватского народа, в обзор включены работы о развитии иллиризма до 1848 г.

Иллиризм — тема многоплановая. Эпоха хорватского национального Возрождения знаменовалась складыванием национальной литературного языка хорватов, развитием национальной литературы, подъемом науки, искусства. Естественно, что иллирийское движение занимает не только историков, но и лингвистов, филологов, искусствоведов, философов, экономистов. Настоящий обзор охватывает исторические исследования по иллиризму, а также работы, касающиеся специальных сторон иллирийского движения, близкие по своему характеру к историческим.

Современные хорватские историки в целом единодушны в определении хронологических рамок иллиризма (1835—1849 гг.), причин его возникновения. Однако по другим вопросам хорватской национально-освободительной борьбы среди ученых существуют серьезные разногласия.

Видным исследователем хорватского национально-освободительного движения был хорватский историк В. Богданов. В 1949 г. вышла его монография «Общественная и политическая борьба в Хорватии в 1848—1849 гг.»¹. Первая часть

ее посвящена общественно-политическому развитию Хорватии с 1790 до 1848 г.

В 1958 г. Богданов издал книгу «История политических партий в Хорватии»², в которой он исследовал образование и развитие политических партий в Хорватии с конца XVIII в. до 1918 г. Большое место в книге уделено общественным и политическим явлениям с конца XVIII в. до 1848 г. Иллирийское движение затрагивалось Богдановым и в других работах³.

В. Богданов был пионером в научной разработке иллиризма на современном этапе развития исторической науки в Хорватии. Историк отмежевался от традиционной буржуазной схемы традиционной национальной борьбы в первой половине XIX в. как «единого потока». Хотя у Богданова и были предшественники, он пошел значительно дальше их. Богданов пытался не только выявить различные политические течения в хорватском обществе в первой половине XIX в., но и определить их классовую основу. Ученый стремился разобраться в социальной природе иллирийского движения, связать его с материальными условиями жизни хорватского общества первой половины XIX в. и с положением определенных классов и социальных групп населения. Но при этом он не столько опирался на многочисленные и разнообразные источники, сколько использовал их в качестве иллюстрации к заранее заготовленной схеме. В. Богданов обладал своеобразной манерой написания монографий. Включая в книгу публикации архивных документов и выдержки из малоизвестных источников, он, к сожалению, обычно опускал те места, которые находились в противоречии с выдвинутой им концепцией.

Развитая Богдановым концепция эволюции иллиризма тенденциозна и искусственна. Притом она не оригинальна и по существу представляет собой развитие

¹ V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—1849. Zagreb, 1949.

² V. Bogdanov. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958.

³ V. Bogdanov. Živa prošlost. Zagreb, 1957.

положений, сформулированных историком Мишколци еще в 20-е годы XX в.⁴ В 1949 г. Богданов высказал мнение о существовании в Хорватии до 1843 г. трех политических партий, т. е. группировок «родственных политических элементов» — консервативной (дворянской), иллирийской и провенгерской (мадьяронской)⁵. В 1843 г., утверждал он, первые две соединились в Народную партию в результате задухных комбинаций дворянских консерваторов и Л. Гаю, поставившего, таким образом, иллирийское движение под руководство консерваторов⁶. Дальнейшее развитие Народной партии проходило в борьбе между «левым, демократическим, и правым, консервативно-реакционным» течениями внутри нее⁷.

В 1951 г. в статье «Две существенные черты иллирийского движения» Богданов особо подчеркнул буржуазную основу и революционный южнославянский характер иллиризма⁸.

В «Истории политических партий» Богданов развил дальше, и частично изменил, свою точку зрения. Самой старой в Хорватии Богданов считал консервативную партию, состоявшую исключительно из светских и духовных феодалов. Ее политика, определявшаяся «характером и интересами феодального класса», преследовала цель сохранить в целостности существующий политический и общественный порядок⁹. В 30-е годы XIX в. возникло иллирийское движение. Не вдаваясь в подробный анализ социально-экономической обстановки в Хорватии в первой половине XIX в., Богданов, как и другие современные ему хорватские историки, связывал иллиризм с общественно-экономическим развитием области, с зарождением капитализма¹⁰. Главными носителями и сторонниками Иллирийской партии Богданов считал представителей «нового буржуазного класса» — торговцев, буржуазную интеллигенцию, низшее духовенство. Он указывал также на поддержку движения низшими граничарскими офицерами, частью мастеров, ремесленных и промышленных рабочих, мелкого дворянства¹¹. Богданов постоян-

но подчеркивал демократический, плебейский состав участников Иллирийской партии. По его словам, это было движение угнетенных общественных классов во главе с буржуазией и ее интеллигенцией¹². Однако выводы Богданова об участии в иллиризме ремесленников и рабочих не подкрепляются убедительными фактами. Роль буржуазии в иллирийском движении преувеличена. И вообще социальная структура иллиризма была в действительности более сложной и противоречивой.

Согласно концепции Богданова, буржуазно-демократические носители иллирийского движения преследовали три основные цели: национальное освобождение и воссоединение хорватских земель, объединение южнославянских народов в свободное независимое государство и освобождение их от феодализма революционным путем¹³. Иллирийское движение было направлено «на революционное решение нашего национального вопроса, на полное политическое освобождение наших народов из-под власти иностранных государств путем вооруженной борьбы»¹⁴. Исследователь неоднократно подчеркивал антифеодальный, революционный, демократический характер Иллирийской партии¹⁵.

Соединение Иллирийской и консервативной партий в Народную партию Богданов в последней книге трактовал как успешный тактический маневр, позволивший сохранить общественные организации после запрещения венским двором названия «иллиры», завладеть органами дворянского самоуправления в жупаниях и сабором, спасти национальное и политическое существование Хорватии перед возросшей угрозой мадьяризации и разбить австро-венгерский союз против Хорватии¹⁶. Причем в отличие от своей предыдущей работы историк говорил теперь об иллирийском руководстве Народной партией¹⁷.

Объединение иллиров и консерваторов в одной партии, по мнению ученого, не означало их идейного внутреннего слияния¹⁸. Богданов утверждал, что иллиры в рамках Народной партии имели две программы: минимальную (защита хорватской феодальной государственности) с применением для ее осуществления законных средств борьбы и максимальную (полное национальное и социальное освобождение и объединение южных славян) с тактикой легальной и нелегальной борьбы, подготавливавшей решение южнославянского вопроса революцион-

⁴ См. J. Š i d a k. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj uoči 1848. «Historijski zbornik» (далее — HZ), 1960, s. 172, 173.

⁵ V. B o g d a n o v. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj..., s. 52.

⁶ Ibid., s. 53—54.

⁷ Ibid., s. 64—68.

⁸ V. B o g d a n o v. Dva bitna obilježja ilirskog pokreta. «Vjesnik», 29 XI 1951. Позднее статья вошла в сб. «Živa prošlost», s. 73—80.

⁹ V. B o g d a n o v. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj..., s. 59, 75.

¹⁰ Ibid., s. 101.

¹¹ Ibid., s. 97, 101—124.

¹² Ibid., s. 96.

¹³ Ibid., s. 95, 125, 133, 153.

¹⁴ Ibid., s. 96.

¹⁵ Ibid., s. 125, 128, 215 et al.

¹⁶ Ibid., s. 195—198, 223.

¹⁷ Ibid., s. 218.

¹⁸ Ibid., s. 247.

ным путем¹⁹. Что касается консерваторов внутри Народной партии, то они остались «при старых принципах своей политики», принимая «хорватско-иллирийское национальное движение» лишь настолько, насколько могли использовать его для защиты феодальной Хорватии и противодействия венгерской партии реформ Кошута²⁰.

Богданов расценивал попытку карловацкой группы Кушлана создать в 1847 г. новую партию как завершающую главу внутренней борьбы в Народной партии. Без всякой аргументации Богданов писал об отчетливо антиавстрийском и антигабсбургском характере предполагаемой партии, о способности ее к борьбе «за полную независимость и свободу хорватского народа»²¹.

Тезис Богданова о революционной направленности иллиризма, как и его положение о трех политических партиях в Хорватии в 30-х годах XIX в., не аргументирован и расходится с фактами. Концепция Богданова игнорирует общественно-политические разногласия в иллирийском лагере, несомненно приписывает революционность и преувеличивает демократизм либеральной идеологии и, выдавая буржуазно-дворянское течение за демократическое, тем самым гиперболизирует противоречия между буржуазно-дворянским и консервативным политическими направлениями, доводя их до антагонизма.

Говоря о значении иллиризма, Богданов отмечал два главных его результата: спасение национального существования Хорватии в самый критический момент мадьяризации и выработку наилучшей южнославянской идеологии, установление самой широкой связи с южнославянскими народами в период до социалистической революции²². Иллиризм действительно ограждал хорватский народ от денационализации. Но что касается южнославянской иллирийской идеологии, которую Богданов конкретно не рассматривал, она по своей сущности и значению содержала наряду с прогрессивными тенденциями положения, противоречившие историческому развитию южнославянских народов. Наконец, значение иллирийского движения далеко не ограничивалось указанными Богдановым моментами.

Хорватский историк подробно охарактеризовал мадьяронскую группировку. В качестве ее социальной базы он справедливо называл крупное дворянство, аристократов, туропольских дворян-однородцев, чиновников, инациональных горожан, часть высшего духовенства.

Руководило группировкой высшее дворянство²³. Общественно-политические устремления мадьяронов сводились к защите феодализма и существующего государственного и общественного устройства²⁴. Историк характеризовал их как консервативно-феодалные, реакционные, антинациональные²⁵. Но конкретную программу мадьяронов В. Богданов привел лишь выборочно, опустив ряд важных положений, которые не укладывались в данную им оценку общественно-политических позиций мадьяронов. Это неизбежно повлекло за собой схематизм и упрощенность в показе политики мадьяронской партии.

Концепция Богданова о демократическом, революционном характере иллиризма оказала влияние на одних исследователей и в то же время вызвала серьезные возражения других хорватских ученых.

В начале 50-х годов своеобразное суждение об общественно-политическом развитии Хорватии в первой половине XIX в. выразил хорватский экономист и историк Р. Бичанич. Занимаясь вопросами экономического развития хорватских земель во второй половине XVIII — первой половине XIX в., он высказал мысль, что в основе хорватско-венгерских противоречий лежал конфликт между неразвитым венгерским промышленным и развитым хорватским торговым капиталом²⁶. Полагаясь на указание К. Маркса относительно преобладания английского промышленного капитала над голландским торговым капиталом в XVIII в., Бичанич рассматривал австро-хорватские отношения в 1848 г. в плане подчинения хорватского торгового капитала сильному австрийскому промышленному капиталу²⁷. Подобная трактовка политических явлений в Хорватии базируется на исторически несостоятельной аналогии между Голландией и Англией XVIII в., которые уже пережили буржуазные революции и были капиталистическими странами, с одной стороны, и Австрией, Венгрией и Хорватией, которые находились на стадии разложения феодального строя и начального этапа капитализма, с другой.

Иллирийское движение Бичанич затронул в ряде работ. Еще в 1948 г. он выступил со специальной статьей «Промышленная революция в Хорватии и 1848 г.»²⁸, где, в частности, рассмотрел

²³ Ibid., s. 267—274.

²⁴ Ibid., s. 275.

²⁵ Ibid., s. 275, 276, 277, 285.

²⁶ R. Bičanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, s. 351.

²⁷ Ibid., s. 350, 351.

²⁸ R. Bičanić. Industrijska revolucija u Hrvatskoj i godina 1848. HZ, 1948, s.

¹⁹ Ibid., s. 223, 228, 229.

²⁰ Ibid., s. 243, 245.

²¹ Ibid., s. 249—250.

²² Ibid., s. 96, 250, 251.

развитие экономической мысли в Хорватии в 30—40-е годы XIX в. Автор выделил три направления в экономической идеологии иллиризма: течение феодально-консервативное, направленное на сохранение существующего порядка, течение, представляющее интересы торгового капитала, и течение, выражающее тенденцию развития национального промышленного капитализма²⁹. Однако такая дифференцированность общественной экономической мысли выглядит явно преувеличенной для хорватских условий первой половины XIX в., когда всерьез нельзя и говорить о фабрично-заводской промышленности.

В работе «Элементы капитализма в хорватской экономике и политике»³⁰ иллиризму отведены небольшие главы «Иллирийское движение и капитализм» и «Экономическая программа графа Янко Драшковича». Рассматривая иллирийское движение как фазу хорватского Возрождения, Бичанич правомерно ищет материальную основу формирования национального сознания в развитии капитализма. Носителем иллирийского движения, по мнению югославского экономиста, была хорватская буржуазия, и идеология движения служила хорватскому капиталистическому классу. В противовес Богданову, подчеркивавшему южнославянский характер иллиризма, Бичанич определяет иллиризм как специфически хорватское национальное, буржуазное по своей социальной природе движение с экспансивной буржуазной идеологией. Исследователь проводит правильную мысль, что югославизм в разное время и у разных народов был идеологическим оружием разных общественных слоев³¹.

Данная Бичаничем характеристика социальной базы и классовой сущности идеологии иллиризма страдает односторонностью, которая проистекает из того обстоятельства, что историк не учитывает участия в национальном движении социальных групп населения с отличными от буржуазии устремлениями.

В главе, посвященной Я. Драшковичу³², Бичанич впервые показал экономическую программу этого видного деятеля иллиризма на основе его «Диссертации», подчеркнув связь его экономических воззрений с политическими требованиями. Бичанич обратил внимание на противоречивость экономической программы Драшковича и пытался определить ее социальную сущность. Он отметил в его экономи-

ческой программе наличие консервативных, феодальных и прогрессивных торгово-буржуазных черт. По мнению автора, в экономической программе Драшковича нашло отражение переходная эпоха от феодализма к капитализму с присущим ей преобладанием торгового капитала над промышленным³³. И в этой оценке отразились важнейшие постулаты оригинальной, но не во всех частях убедительной концепции хорватского экономиста.

В 1954 г. А. Барац, занимавшийся историей хорватской литературы, издал солидную книгу о литературе иллиризма, охватив период с 1835 по 1849 г.³⁴. Рассматривая литературу как общественное явление, исследователь остановился не только на чисто литературных вопросах, но и затронул важнейшие стороны общественно-политической и культурной жизни Хорватии в 30—40-х годах XIX в.

Во взглядах Бараца на иллиризм есть общее с концепцией Богданова. Но Барац, считая иллиризм фазой хорватского Возрождения, характеризует его как отчетливо хорватское движение, вызванное общественно-экономическими условиями Хорватии и оказавшее влияние главным образом на хорватов³⁵. По его мнению, иллиризм опирался на «новые общественные силы», которые вышли из буржуазии, крестьян и мелкого дворянства³⁶. Барац строго разграничивает борьбу, которую вело хорватское дворянство против венгерских претензий, начиная с 1790 г. и далее, и тенденции сторонников иллиризма³⁷. В то же время он не отрицает идейных различий внутри иллирийского движения, но характеристики их не дает³⁸. Барац, преувеличивая демократические черты иллиризма, считает, что в целом он имел «отчетливо прогрессивные социальные черты». Иллиры чувствовали себя «самыми близкими к широчайшим слоям народа, а именно крестьянству», и их усилия были «абсолютно позитивны»³⁹. Мадьярская группировка показана в книге упрощенно.

Ряд серьезных работ по иллиризму принадлежит профессору Загребского университета Я. Шидаку. Им написано несколько статей, показывающих иллирийское движение в целом, работы по конкретным вопросам иллиризма. Отдельные стороны идеологии и практики деятелей хорватской национально-освободительной борьбы первой половины XIX в. затронуты исследователем в статьях более широких по теме и хроноло-

67—101. Статья вошла затем как составная часть в монографию «Doba manufakture...».

²⁹ Ibid., s. 95—101.

³⁰ R. Vićanić. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952.

³¹ Ibid., s. 127—139.

³² Ibid., s. 141—156.

³³ Ibid., s. 155—156.

³⁴ A. Barac. Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, I. Književnost ilirizma. Zagreb, 1954.

³⁵ Ibid., s. 36, 37.

³⁶ Ibid., s. 41, 44.

³⁷ Ibid., s. 40, 45.

³⁸ Ibid., s. 44, 45.

³⁹ Ibid., s. 42, 48, 50.

гическому охвату⁴⁰, а также в многочисленных рецензиях. Работы Шидака опираются на малоизученный и архивный материал и характеризуются обстоятельной научной аргументацией.

Общую сжатую характеристику иллиризма Шидак дал в статье «Иллирийское движение»⁴¹. Он отождествляет по содержанию и хронологическому охвату иллирийское движение с хорватским национальным Возрождением и ограничивает его периодом 1835—1848 гг. включительно⁴². Исследователь связывает иллиризм с определенной экономической и социальной ситуацией, характеризовавшейся переходом от феодальной эпохи к капиталистической.

Внутренняя периодизация иллиризма выглядит в статье следующим образом: движение до образования Иллирийской партии в 1841 г., движение с 1841 г. до запрещения австрийским правительством названия «иллиры» в 1843 г., движение после 1843 г. С такой периодизацией трудно согласиться прежде всего потому, что запрещение названия «иллиры» не повлекло за собой существенных изменений ни в программе, ни в тактике хорватского национально-освободительного движения. Поэтому выделение периода после 1843 г. представляется нам неоправданным. А в 1848—1849 гг., наоборот, общественно-политическая обстановка в Хорватии, как отмечает и сам автор, претерпевает такие перемены, которые заставляют рассматривать эти годы в качестве особого этапа национальной борьбы.

Шидак связывает иллиризм с новым классом, который «вначале состоял большей частью из интеллигенции различного общественного происхождения, в основном плебейского», в то же время он пишет о сотрудничестве молодой буржуазии с дворянством⁴³. В более поздней работе по иллиризму историк видит его опору в средних слоях общества⁴⁴.

В статье «К вопросу об истории межпартийных отношений в Хорватии накануне 1848 г.»⁴⁵ Шидак подвергает критике концепцию Богданова о трех политических партиях и противопоставляет ей

свое понимание общественной и политической борьбы в Хорватии в 30—40-е годы XIX в. Шидак относит к 1836 г. генезис политических партий в Хорватии, в которых обоснованно видит не партии в современном значении этого слова, а политические течения, объединявшие различные общественные слои на основе совместной минимальной программы. По мнению ученого, дифференциация в идеологии, начавшаяся в 1836 г. с введением иллирийского названия в газету Гая, привела к резкой поляризации на два лагеря: иллирийский и мадьяронский. Превращение этих лагерей в политические партии было результатом аналогичного процесса в Венгрии после Пожунского сейма 1839—1840 гг. Этот процесс закончился в 1841 г. Шидак считает, что никакой третьей «консервативной» партии в Хорватии не было⁴⁶.

Впервые проанализировав проект программы Народной партии, составленный в 1846 г. Вукотиновичем, Шидак справедливо расценивает его как умеренно-либеральный. Он придерживается мнения, что Народная партия развивалась вообще в либеральном направлении и играла в Хорватии ту же роль, какую венгерское среднее дворянство играло в Венгрии⁴⁷. Шидак подчеркивает консерватизм мадьяронской группировки⁴⁸. Он считает неясными причины внутренних разногласий в Народной партии, выразившиеся в конечном итоге в попытке Д. Кушлана и И. Мажуранича в 1847 г. создать новую партию прогрессистов. Опубликовав проект Манифеста прогрессистов и обстоятельно его исследовав, Шидак пришел к убедительному выводу о либеральном характере идейно-политической позиции предпологавшейся новой партии⁴⁹. Хорватский ученый показывает противоречивый политический курс Гая и затрагивает его так называемую «тайную политику» (конспиративные югославянские связи) после 1838 г. В противовес Богданову, настаивавшему на революционной направленности иллирийского движения, Шидак подчеркивает, что Гай проводил «тайную политику» по собственной инициативе и она не имела ничего общего с политическим курсом Народной партии⁵⁰.

Идеологическим вопросам и политической борьбе в Хорватии в 40-е годы XIX в. посвящены статьи Шидака «О редакторе и значении иллирийского «Бранислава» (1844—1845)»⁵¹ и «Еще раз об

⁴⁰ J. Š i d a k. Hrvatsko pitanje u Habsburškoj monarhiji. «Historijski pregled», IX, 1963; его же. Prilog razvoju jugoslavenske ideje do g. 1914. «Naše teme», 1965, s. 1290—1317.

⁴¹ J. Š i d a k. Ilirski pokret. Enciklopedija Jugoslavije, 4. Zagreb, 1960, s. 338—342.

⁴² См. также: J. Š i d a k. Hrvatski narodni preporod-ideje i problemi. «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, s. 141.

⁴³ J. Š i d a k. Ilirski pokret, s. 339.

⁴⁴ J. Š i d a k. Hrvatski narodni preporod..., s. 144.

⁴⁵ J. Š i d a k. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj uoči 1848, s. 167—207.

⁴⁶ Ibid., s. 177, 180, 182, 184.

⁴⁷ Ibid., s. 190, 191.

⁴⁸ Ibid., s. 185.

⁴⁹ Ibid., s. 192—193.

⁵⁰ Ibid., s. 183, 187.

⁵¹ J. Š i d a k. O uredniku i značenju ilirskog «Branislava» (1844—1845). HZ, 1961, s. 75—87.

иллирийском «Браниславе»⁵². Характеризуя сложную обстановку в Хорватии в 1843—1845 гг., показывая противоречивый политический курс австрийского правительства касательно Хорватии, останавливаясь на разногласиях в руководстве Народной партии, Шидак освещает историю издания в Белграде в 1844—1845 гг. бесцензурной газеты «Бранислав». Он убежден, что «Бранислав» — хорватское издание, связанное с иллирийским движением (относительно «Бранислава» в литературе существуют мнения, что это сербское или югославянское издание). Столь же аргументированно Шидак отвергает и предвзятое суждение Богданова о том, что «Бранислав» был якобы делом «иллирийской левицы». Шидак утверждает, что газета служила органом Народной партии и что вопрос об ее издании был частью целостной партийной политики. Автор обоснованно пишет об умеренности требований «Бранислава».

В статье «Южнославянская идея в иллирийском движении»⁵³ Шидак показывает соотношение хорватских и южнославянских тенденций в идеологии движения. Некоторые вопросы иллиризма освещены историком в статье «Хорватское национальное Возрождение — идеи и проблемы»⁵⁴, а также в других исследованиях.

Еще в 30-е годы Й. Хорват — историк, публицист, историк культуры неоднократно затрагивал тему иллирийского движения⁵⁵. В 1956 г. Й. Хорват и Я. Равлич издали крупную публикацию «Письма Людевиту Гаю», в комментариях к которой содержатся ценные сведения по иллиризму⁵⁶. Личности Гаю Хорват посвятил научно-популярную книгу⁵⁷. Состояние печати в хорватских землях накануне и в период иллиризма получило освещение в монографии «История прессы в Хорватии (1771—1939)»⁵⁸.

Над историей иллиризма много работает председатель «Матицы хорватской» Я. Равлич. Его статьи, раскрывающие

разные стороны общественно-национальной деятельности участников иллиризма, расширяют фактические сведения о хорватском национальном движении⁵⁹. В 1965 г. Равлич издал антологию литературы иллиризма⁶⁰. В предисловии к книге ученый осветил основные моменты его развития. Историк выступил с новой, весьма произвольной периодизацией иллирийского движения, выделив в его эволюции пять этапов: подготовительный период с конца XVIII в. по 1829 г., начальный период с 1830 по 1834 г., период зрелого движения с 1835 по 1842 г., время, когда термин «иллиры» был запрещен, — с 1843 по 1845 г., период исчезновения иллирийского этнонима и перехода к национальному с 1846 по 1874 г. Подобная периодизация основана на формальных моментах и не может быть принята. Содержание иллирийского движения охарактеризовано в книге расплывчато.

В 1958 г. вышло исследование К. Георгиевича, раскрывающее общественно-политическую позицию Я. Драшковича на основе его политических брошюр⁶¹. Автор характеризует программу Драшковича, сформулированную в «Диссертации», как феодальную, хотя и отмечает в ее экономической части некоторые передовые черты. Георгиевич рассматривает Драшковича как выразителя интересов феодального дворянства, представителя «старой, феодальной Хорватии». Исследователь безоговорочно пишет, что Драшкович в дальнейшем «усвоил иллирийскую национальную идеологию», идеологию молодого поколения⁶². Нам представляется, что программа Драшковича в своих главнейших пунктах носила консервативный характер, но вместе с тем она не была лишена дворянско-либеральных элементов.

В 1964 г. М. Живанчевич издал монографию «Иван Мажуранич»⁶³. В ней содержатся новые факты, касающиеся био-

⁵² J. Šidak. Još jednom o ilirskom «Branislavu». HZ, 1964, s. 385—392.

⁵³ J. Šidak. Južnoslovenska ideja u ilirskom pokretu. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, br. 3, s. 31—42.

⁵⁴ J. Šidak. Hrvatski narodni preporod...

⁵⁵ J. Horvat. Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936; его же. Kultura Hrvata kroz 1000 godina. Zagreb, 1939.

⁵⁶ J. Horvat, J. Ravlič. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956. Об этой публикации см. И. И. Лениловская я. Отражение истории Хорватии и Славонии первой половины XIX в. в письмах Людевиту Гаю. «Славянское источниковедение». М., 1965.

⁵⁷ J. Horvat. Ljudevit Gaj. Београд, 1960.

⁵⁸ J. Horvat. Povijest novinstva Hrvatske. 1771—1939. Zagreb, 1962.

⁵⁹ J. Ravlič. Ilirska čitaonica u Zagrebu. HZ, 1963; его же. Povijest Matice hrvatske. В кн. «Matica Hrvatska. 1842—1962». Zagreb, 1963; его же.

«Tajno društvo za osnivanje slavenskog carstva» u puku «Karl Ferdinand», br. 51 u Veneciji god. 1844. «Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti u Zadru», III, Zagreb, 1957; его же. Petar Preradović u Zadru. «Radovi Instituta...», IV—V, 1958—1959. Zagreb, 1959; его же. Iz književne prošlosti Zadra. «Građa za povijest književnosti hrvatske», knj. 24. Zagreb, 1953.

⁶⁰ J. Ravlič. Hrvatski narodni preporod, I. Ilirska knjiga. Zagreb, 1965.

⁶¹ K. Georgijević. Grof Janko Drašković (1770—1856). Sarajevo, 1958.

⁶² Ibid., s. 29, 47, 53.

⁶³ М. Живанчевич. Иван Мажуранич. Нови Сад, 1964.

графии, идеологии, литературной, общественной и политической деятельности Мажуранича. Это — первая в историко-филологической литературе работа, охватывающая все стороны жизни, творчества и деятельности хорватского поэта и политического деятеля⁶⁴. Большое место в ней уделено жизни и творчеству Мажуранича в годы иллиризма. К сожалению, в оценке идеологии и политической практики Мажуранича автор следует искусственной концепции Богданова о так называемой «демократической левице». В октябре 1965 г. в Загребе состоялась научная сессия, посвященная жизни и деятельности Мажуранича. Ее материалы, касающиеся преимущественно литературного творчества и в меньшей мере общественно-политической деятельности Мажуранича, знаменуют дальнейший шаг вперед в изучении его жизни. Они опубликованы в отдельном выпуске журнала «Коло», который издается «Матицей хорватской»⁶⁵.

В 1967 г. увидел свет капитальный труд В. Новака «Вук и хорваты»⁶⁶. В нем раскрываются связи Караджича с хорватскими землями, его отношения с научными и общественно-политическими хорватскими деятелями на протяжении всей жизни сербского ученого и значение этих связей в культурном развитии сербского и хорватского народов. Значительно более подробно и обстоятельно, чем это было до сих пор в литературе, показаны в монографии взаимоотношения Караджича с представителями иллиризма.

Неоднократно затрагивал иллиризм в своих исследованиях сербский историк Л. Дуркович-Якшич. В 1968 г. вышла его монография «Бранислав» — первая югославянская нелегальная газета 1844—1845»⁶⁷. В книге приведен обильный, в значительной мере архивный материал об издании этой газеты. Монография имеет ценное приложение — фотокопии «Бранислава». Автор придерживается мнения, что эта газета была связана с тайным демократическим панславянским обществом, основанным в Белграде в 1844 г., и являлась по своему характеру югославянской⁶⁸.

⁶⁴ Вышедшая еще в 1945 г. в Загребе книга А. Бараца о Мажураниче касалась в основном его литературного творчества.

⁶⁵ «Kolo», 1965, br. 9—10.

⁶⁶ В. Новак. Вук и Хрвати. Београд, 1967.

⁶⁷ Л. Дуркович-Якшич. Бранислав први југословенски илегални лист 1844—1845. Београд, 1968.

⁶⁸ В 1951 г. Дуркович-Якшич категорически утверждал, что «Бранислав» был органом панславянского общества. Это встретило справедливые возражения со стороны хорватских историков. См. А. Лисац. Око «Branislava» i njegova.

Книга показывает контакты хорватских национальных деятелей и белградского тайного общества в 1844—1845 гг., хотя, как нам представляется, его роль в издании «Бранислава» автором преувеличена. Главным же критерием для определения характера этого издания должно служить его содержание. К сожалению, на нем-то и не останавливается автор монографии. Вместе с тем сравнительный анализ статей и материалов, помещенных в «Браниславе», и программных требований иллиризма неопровержимо, на наш взгляд, свидетельствует о прямой связи этого издания с идеями и задачами хорватского национального движения. «Бранислав» решал конкретные задачи хорватской национальной борьбы и был рупором хорватской политической идеологии.

В статье «Попытка Гая издавать газету „Народне новине“ кириллицей»⁶⁹ Дуркович-Якшич приводит ряд свежих фактических данных о сербо-хорватских связях в 30—40-е годы XIX в. В то же время он следует всплывающей спорадически в исторической литературе необоснованной версии о том, что Гай с начала своей деятельности был агентом австрийского правительства⁷⁰.

Некоторые вопросы иллирийского движения раскрыты в работах других ученых. Основные проблемы хорватского литературного языка в XIX в. рассматриваются в трудах академика Л. Йонке⁷¹. Он связывает историю развития хорватского литературного языка с эволюцией национальной идеологии. Конкретные проявления национальной борьбы в Сремской жупании в 30—40-е годы XIX в. показаны в монографии С. Гавриловича «Срем в революции 1848—1849 гг.»⁷². И. Бадалич впервые остановился на русско-хорватских литературных связях в годы иллиризма⁷³. О. Шоят посвятила статью конкретной характеристике взгля-

urednika. HZ, 1958—1959; J. Šidak. O uredniku...; его же. Još jednom o ilirskom «Branislavu». К сожалению, статья А. Лисаца содержит некоторые ошибки, что снижает ее научную ценность.

⁶⁹ Л. Дуркович-Якшич. Гајев покушај да издаје «Народне новине» ћирилицом. «Историски часопис», књ. IV, 1952—1953. Београд, 1954.

⁷⁰ Там же, стр. 96, 98.

⁷¹ Lj. Jonke. Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1964; его же. Ideološki osnovi Zagrebačke filološke škole 19 stoljeća. «Filologija», I. Zagreb, 1957, s. 77—87.

⁷² С. Гаврилович. Срем у револуцији 1848—1849. Београд, 1963.

⁷³ J. Badalić. Ruski pisci u književnosti hrvatskog preporoda. «Hrvatsko kolo», 1946.

дов и деятельности Л. Вукотиновича в первой половине XIX в.⁷⁴ и т. д.

В ряде работ показано отношение югославянской общественности в Далмации к идеям иллирийского движения⁷⁵. Но прежде чем говорить об исследованиях на эту тему, необходимо отметить весьма ценный библиографический труд В. Маштровича «Jadertina croatica»⁷⁶. Он содержит перечень всех книг и периодических изданий, вышедших на сербо-хорватском языке латиницей и кириллицей в Задаре, главном городе Далмации, с конца XVIII в. до 1949 г., в том числе, следовательно, и в 30—40-е годы XIX в. Это прекрасное справочное издание снабжено комментариями автора. В. Маштровичу принадлежит статья о подготовке издания журнала «Зора далматинска»⁷⁷.

З. Винце в своих работах⁷⁸ подробно освещает идейную борьбу в Далмации по вопросу об орфографии и грамматике, отношение ведущих сотрудников журнала «Зора далматинска» к идее загребских деятелей о литературно-языковом единстве всех хорватов, позицию журнала в языковом вопросе и ее отличие от языковой концепции загребских деятелей, реакцию в Хорватии на орфографические споры в Далмации и т. д. Автор справедливо считает, что сепаратистская позиция журнала «Зора далматинска» противоречила насущной потребности хорватского объединения. Он отмечает, что орфографическая борьба в Далмации была отражением исторических обстоятельств, что в основе ее лежали глубокие идейно-национальные взгляды и позиции, однако характеристики последних не дает. Р. Петрович в содержательной мо-

нографии⁷⁹, посвященной национальному вопросу в Далмации в XIX в., кратко останавливается на традициях иллиризма в этой провинции.

В 1966 г. вышел специальный выпуск журнала «Коло», целиком посвященный иллирийскому движению, хотя некоторые статьи в журнале хронологически и тематически несколько отклонялись от этой темы. В основу опубликованных исследований легли доклады и сообщения, прочитанные на научной сессии в Загребе, состоявшейся 29—31 марта 1966 г. по случаю 130-летней годовщины хорватского национального Возрождения⁸⁰.

В современной Югославии изучение иллиризма серьезно продвинулось вперед и в значительной мере получило новую методологическую основу. Югославскими учеными в последние годы много сделано в области изыскания новых фактических сведений по истории хорватского национально-освободительного движения первой половины XIX в. Введены в научный оборот многие архивные и малоизвестные источники. Внесен существенный вклад в разработку общественно-экономических условий и конкретных вопросов иллирийского движения. Успешно исследуется деятельность сторонников иллиризма. В меньшей мере разрабатывается идеологическая сторона движения, особенно это касается идейно-теоретических посылок и программных установок наиболее прогрессивных общественных сил.

Работы современных хорватских историков, при всем различии их концепций и нередко указаний на неоднородность иллирийского лагеря, объединяет изображение иллиризма все же как целостного движения, отсутствие дифференцированной характеристики разных идейно-политических течений в нем.

Югославские исследователи оправданно уделяют основное внимание общественной и политической борьбе в Хорватии в 30—40-е годы XIX в. Вместе с тем в последние годы началась планомерная разработка проблемы национального развития Далмации во второй четверти XIX в. Появились работы по Истрии⁸¹. Но Военная Граница, где в это время также наблюдалось оживление национальной жизни, пока не стала предметом научного изучения.

⁷⁴ O. Š o j a t. Ljudevit Vukotinić i Četrdesetosma. HZ, 1956.

⁷⁵ Еще в 1944 г., накануне интересующего нас периода, Г. Новак выпустил двухтомную «Историю Далмации», где дал сжатую характеристику национальной жизни в Далмации в первой половине XIX в. (G. N o v a k. Prošlost Dalmaciji, II. Zagreb, 1944).

⁷⁶ V. M a š t r o v i ć. Jadertina croatica, I, II. Zagreb, 1949, 1954.

⁷⁷ V. M a š t r o v i ć. Pripreme za izdanje «Zore dalmatinske» u Zadru god. 1842 i 1843. «Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti u Zadru», IV—V. 1958—1959. Zagreb, 1959.

⁷⁸ Z. V i n c e. Pravopisno-jezična previranja u sjevernoj Dalmaciji prije 1860 god. «Radovi Instituta...», VIII, 1964; ег о ж е. Stav «Zore Dalmatinske» u Zadru prema težnjama iliraca za jedinstvenom grafijom u hrvatskoj književnosti. «Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine», XVIII, 1961; ег о ж е. Pogledi na jezična pitanja u Dalmaciji u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», 1966., br. 8, 9 10, s. 243—248.

⁷⁹ R. P e t r o v i ć. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću (Narodna stranka i nacionalno pitanje 1860—1880). Sarajevo, 1968.

⁸⁰ «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10. См. мою рецензию в ж. «Советское славяноведение», 1969, № 1.

⁸¹ B. M i l á n o v i ć. Istra u osvitu narodnog preporoda (1797—1860). Pazin, 1960.

ANDRZEJ SLISZ. *Prasa polska w Rosji w czasie wojny i rewolucji (1915—1919)*. Warszawa, 1968, 566 s.

АНДЖЕЙ СЛИШ. *Польская печать в России в период войны и революции (1915—1919)*

За последние годы как в Советском Союзе, так и в Польской Народной Республике появились исследования, в которых освещается участие польских трудящихся в борьбе за установление и укрепление Советской власти. В основном эти исследования вышли к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако приходится констатировать, что проблематика польской печати в России, на Украине и в Белоруссии в них почти не затрагивается. Что же касается весьма немногочисленных статей по истории польской печати в нашей стране, то в них речь идет либо об отдельных изданиях, либо об узком хронологическом периоде¹.

Ныне, после опубликования фундаментальной монографии польского ученого Анджея Слиша, этот пробел в истории польской журналистики можно считать в значительной мере заполненным. Книга А. Слиша — результат многолетних, настойчивых и кропотливых изысканий. Автор широко использует высказывания В. И. Ленина о печати, подробно освещает политику Советского государства по отношению к различного рода изданиям, прежде всего, к польским.

Работа А. Слиша основана на многочисленных источниках. Кроме газет и журналов, в ней широко использованы материалы советских и польских архивов (ЦГАОР СССР, ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Архив новых актов в Варшаве, Архив Министерства иностранных дел Польши, Архив Института истории партии при ЦК ПОРП, Воеводский государственный архив в Кракове), а также исследования историков и воспоминания непосред-

ственных участников событий, в том числе и те воспоминания, которые были напечатаны в Польше в межвоенный период или же печатаются сейчас в изданиях польских эмигрантов на Западе.

Следует отметить, что некоторые обнаруженные автором газеты и журналы не значатся ни в одном библиографическом справочнике. В книге содержится всесторонний глубокий анализ газет и журналов указанного периода.

На страницах монографического исследования А. Слиша читатель встретит много нового материала, обобщенных данных. Вот некоторые из них. Первые польские газеты появились в России еще во втором десятилетии прошлого века, однако их количество в течение почти целого столетия не изменялось. Начиная с первой русской революции польская печать в России стала бурно развиваться, и уже в 1909 г. в Королевстве Польском насчитывалось 175 газет и журналов, а в остальной части Российской империи — 21 польское издание (стр. 29). Этот процесс особенно интенсивно происходил в годы первой мировой войны, когда на территорию России, Украины и Белоруссии попал почти один миллион беженцев из Королевства Польского. Накануне Февральской революции насчитывалось около 30 изданий на польском языке (стр. 104), а в период между февралем и октябрём 1917 г. их количество увеличилось почти до 80 (стр. 107).

Значительно расширился перечень городов, где выходили польские газеты и журналы. Это были, помимо Петрограда, Москвы, Киева, Минска и Вильнюса, также Харьков, Одесса, Винница, Житомир, Воронеж, Тамбов, Казань, Иркутск, Красноярск и др. На страницах книги отразились основные направления, по которым вела свою пропаганду польская буржуазная печать. Мы имеем в виду ее отношение к созданию в России польской армии, к установлению мира между двумя воюющими группировками стран, к намечавшемуся воссозданию польского государства.

Рабочую и революционную печать автор условно делит на три основные группы. К первой из них, наиболее многочисленной, он относит печатные органы Социал-демократии Королевства Польского и Литвы или советских органов власти — «Трыбуна», «Вядомосци комисарьяту», «Справа работнича», «Освятя социалистычна», «Правда», «Польска правда». Вторую группу представляли органы ППС-левицы и ППС-фракции — «Роботник в России», «Роботник на Украине»,

¹ См. например: Р. А. Е р м о л а е в а. Агитационно-пропагандистская деятельность коммунистов-поляков в Советской России в период польско-советской войны (1920 г.). «Из истории польского рабочего движения», М., 1962; I. B i e l a k i e w i c z. Z dziejów polskiej prasy robotniczej w Rosji podczas I wojny światowej. — «Zeszyty Prasoznawcze», 1964, № 4; J. D a s z k i e w i c z. Polska legalna prasa komunistyczna i lewicowa na Ukrainie Zachodniej (Zarys bibliograficzny, 1920—1939). — «Z pola walki», 1962, № 4; A. G a r l i c k a. «Jedność Robotnicza» — «Biuletyn naukowy ZBP», 1958, № 3; I. S p a s t e k. «Dziennik Petersburski» w przededniu I wojny światowej. — «Rocznik historii czasopiśmiennictwa polskiego», 1963, t. II; и др.

«Тыгодник работничы», «Глос роботника и жолнежа». Они хотя и были на стороне революции, но выступали за сотрудничество с большевиками только в определенные периоды. В состав третьей группы входили газеты неоднородных в политическом отношении рабочих и солдатских организаций, находившихся под сильным воздействием революционных идей — «Глос колеяжи эвакуованых» и «Справа жолнерска». Автор обстоятельно раскрывает споры о внешнеполитической ориентации и антиреволюционную направленность буржуазной печати, продолжавшей существовать в первые послеоктябрьские месяцы. Большое внимание А. Слип уделяет проблематике польской рабочей печати.

Заканчивается книга обзором польской печати в Стране Советов в 1919—1920 гг. В этой связи мы считаем необходимым отметить один, на наш взгляд, существенный недостаток рассматриваемой работы. Речь идет о хронологических рамках книги. Начальный рубеж (1915 г.) избран вполне правильно. Что же касается конечного рубежа (1919 г.), то он вызывает сомнения. В обоснование своего выбора автор пишет: «Проблематика польских коммунистических газет и журналов, издававшихся во время войны (польско-советской 1920 г. — П. К.) на советской стороне фронта, представляет собой отдельный вопрос, имеющий свою литературу» (стр. 23).

Все это правильно, но только отчасти. Действительно, о польских коммунисти-

ческих изданиях 1920 г. кое-что уже написано, они также имеют свою специфику. Но перед ними стояли те же задачи, что и в 1918—1919 гг. Поэтому нам представляется, что пресса 1920 г. заслуживает в книге подробного рассмотрения. Хочется верить, что работа над указанными сюжетами будет продолжена автором.

Долг рецензента обязывает нас высказать два замечания, касающиеся структуры монографии. Пользование книгой было бы в значительной мере облегчено, если бы она делилась не только на главы, но и на параграфы, если бы в конце каждой из глав были выводы. Кстати, в конце книги нет общего заключения.

Два слова о географии. Как в названии книги, так и в названиях всех глав фигурирует слово «Россия». А между тем везде речь идет не только о России, но и об Украине и Белоруссии, которые после Октября 1917 г. были связаны с Советской Россией военно-политическим союзом. Видимо, в той части книги, где описываются события послеоктябрьского периода, необходимо говорить не о Советской России, а о Стране Советов, Советской стране. Еще одно, Екатеринодар (ныне Краснодар), о котором речь идет на стр. 351, это не Украина, а Кубань.

Наши замечания и пожелания касаются, в основном, частностей. В целом рецензируемое монографическое исследование заслуживает самой высокой оценки.

П. М. Калениченко

«Българо-руски научни връзки XIX—XX век. Документи». Составили Л. Костадинова, В. Флорова, Б. Димитрова. София, Изд-во на Българската академия на науките, 1968, 407 стр.

«Болгаро-русские научные связи XIX—XX вв. Документы»

Центральной библиотекой совместно с Центром научной информации и архивом Болгарской академии наук предпринята очень полезная работа по публикации личных архивов крупнейших ученых страны. В 1968 г. издан первый сборник писем и документов, содержащий богатый материал по очень актуальной и до сих пор мало разработанной проблеме взаимоотношений культурных и научных связей России и Болгарии в конце XIX — начале XX в. и в первые десятилетия Советской власти. Опубликованная переписка болгарских и русских ученых и политических деятелей (441 письмо) в основном касается вопросов балканистики и славноведения. В книге представлены фонды историка, профессора Софийского университета, окончившего гимназию и университет в Петербурге, Василия Златарского (1866—1935); археолога, фольклориста, историка литературы

Йордана Иванова (1872—1947); историка и археолога Гаврила Кацарова (1874—1958); философа, профессора Софийского университета Крстю Крysteва (1866—1919); литературоведа и критика Бояна Пенева (1882—1927); литературоведа, министра просвещения Ивана Шишманова (1862—1928); юриста и литературного критика Атанаса Шопова (1853—1922). Опубликованная переписка носит, к сожалению, односторонний характер. Она представлена письмами русских ученых к указанным выше лицам и не содержит, как правило, ответных писем.

В сборнике содержится обширная переписка В. Н. Бенешевича, Ф. К. Волкова, Н. С. Державина, С. А. Жебелева, Г. А. Ильинского, П. А. Лаврова, Б. М. Ляпунова, М. Г. Попруженко, Н. М. Петровского, А. М. Селищева, Я. И. Смирнова, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского,

Ф. И. Успенского, А. И. Яцимирского и многих других.

Материалы сборника дают возможность ознакомиться с политическими взглядами ученых славянских стран, проследить связи между ними, восстановить по отдельным, иногда отрывочным сведениям отдельные этапы в развитии общественных наук в этих странах. Затрагиваемые в письмах вопросы касаются не только России и Болгарии, но и большинства славянских народов, когда речь идет о подготовке международных съездов, обмене научными изданиями, о научных зарубежных командировках. Переписка отражает не только научные интересы отдельных ученых, но и серьезные проблемы славяноведения, дает возможность составить представление о состоянии изучения зарубежных славянских народов в предреволюционной России.

Сотрудничество ученых социалистических стран Европы после второй мировой войны, как свидетельствует анализ писем, имеет глубокие исторические корни.

Академик В. Ламанский в письме И. Шишманову (1903 г.) пишет о решении Академии наук издать «Сборник статей по славяноведению, разумея последнее в самом обширном смысле слова» и пригласить к участию в «Сборнике», кроме русских славистов, западнославянских, а также английских, французских, немецких, румынских, венгерских и скандинавских (стр. 212). Год спустя Ламанский в письме В. Златарскому (31 марта 1904 г.) сообщает, какой живой отклик получило это предложение: «Получено, слава богу, немало статей, листов 14 уже готово, но статей, есть довольно больше, еще много. Можно будет подумать и о втором томе» (стр. 213). «Я имею намерение, — пишет далее Ламанский, — предложить Отделению образовать два отделения в серии наших сборников: 1) русский; 2) славянский» (стр. 214). Историк С. Л. Жебелев уведомляет Г. Кацарова об опубликовании статьи последнего в «Журнале Министерства народного просвещения» (стр. 212).

В письмах Г. А. Ильинского и С. Л. Жебелева содержатся сведения о сотрудничестве их в чешском журнале «Slavia» и болгарском «Български преглед». Профессор Ф. И. Успенский в письме к Г. Кацарову (23 января 1911 г.) делится с ним планами совместных болгаро-русских археологических исследований (стр. 332). Известный археолог и этнограф А. Н. Харузин в письме к И. Шишманову (14 июня 1902 г.), выражая взгляды прогрессивной части русской дореволюционной интеллигенции о необходимости культурного, научного сближения славянских народов, писал: «Мне хотелось бы сказать Вам, что назревший и неотложный вопрос о славянском культурном сближении вполне создается русскими мыслящими патриотами» (стр. 350).

Сотрудничество русских и болгарских ученых продолжалось и после Октябрьской революции. А. М. Селищев благодарит в письме (10 марта 1925 г.) Л. Мутафчиева за приглашение участвовать в сборнике в честь академика В. К. Златарского (стр. 276). Ректор Ленинградского университета, профессор Вознесенский обращается к Г. Кацарову (19 марта 1947 г.) с просьбой принять участие в сборнике научных статей по вопросам славяноведения и смежных научных дисциплин, посвященном 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и общественной деятельности академика Н. С. Державина.

В этом же письме читатель встречается с определением славяноведения как обширной комплексной дисциплины, включающей «актуальные вопросы славянской общественной жизни, борьбы славянских народов с фашизмом, вопросов строительства новой славянской культуры» (стр. 48).

Одним из проявлений научных связей ученых Болгарии и России были многочисленные случаи избрания ученых в состав академий и научных обществ этих стран. Об этом свидетельствуют сообщения об избрании русских ученых: А. С. Ермолова почетным членом Болгарской академии наук (1904 г.); А. И. Соболевского — действительным членом БАН; Г. А. Ильинского в 1930 г., Б. М. Ляпунова в 1932 г., М. Н. Сперанского и Ф. И. Успенского в 1926 г. — членами-корреспондентами БАН. В свою очередь, в письме А. Шахматов сообщает В. Златарскому (19 ноября 1911 г.) об избрании его членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Академии наук (стр. 352), а профессор Халанский спешит известить В. Златарского (1907 г.), что «совет Харьковского университета только что присоединился в сегодняшнем своем заседании к представлению историко-филологического факультета о возведении проф. Златарского и проф. Милетица в степень доктора славянской филологии *honoris causa*» (стр. 347).

Сборник содержит интересные сведения об активном участии русских ученых, общественных деятелей в пополнении русских архивов материалами по истории отечественной культуры, хранящимися за рубежом. Редактор журнала «Былое» Богучарский-Яковлев в письме на имя министра народного просвещения И. Шишманова обращается (1 января 1914 г.) с просьбой прислать подлинники хранящихся в Болгарии произведений Огарева «с полной гарантией с нашей стороны за их целостность и обязательство затем возвратить их Вам или, с Вашего разрешения, передать в основавшийся здесь Герценовский музей» (стр. 26). Большой интерес представляет переписка М. К. Лемке, редактора первого научного издания собрания сочинений А. И. Герцена, с

Шишмановым относительно снятия копий с писем и бумаг Герцена, хранящихся в архиве М. Драгоманова. В 1956 г. правительство Народной Республики Болгарии передало эти письма в дар Советскому Союзу (стр. 215—216).

В письме болгарскому литературоведу Б. Пеневу Богучарский-Яковлев обращается с просьбой помочь ему установить контакт с какой-нибудь сербской газетой, где можно было бы «поместить письмо о высылке в Петербург для музея Толстого газет и журналов, в которых были помещены статьи о Толстом по случаю его смерти» (стр. 28).

Многие библиотеки университетов Советского Союза, располагающие славянскими фондами, в значительной мере обязаны этому стараниям русских ученых, приложивших немало усилий для получения научной литературы из-за рубежа. С. Кульбакин, профессор кафедры славянской филологии в Харьковском университете, обращается к Шишманову с просьбой прислать полный комплект основного болгарского этнографического журнала «Сборник за народни умотворения» (стр. 209). Т. Флоринский в письме просит Шишманова (6 января 1898 г.) о помощи в комплектовании болгарскими изданиями библиотеки Киевского университета (стр. 343). Профессор Казанского университета Н. Петровский в письме к Златарскому (1911 г.) просит высылать журнал «Български преглед» в адрес Кабинета славянской филологии университета (стр. 225). В свою очередь русские ученые содействуют распространению отечественной литературы в славянских странах. «Согласно Вашему заявлению весною я давно уже передал правлению Вашу просьбу выслать в библиотеку Софийского университета „Летописи Историко-философского общества при Новороссийском университете“», — пишет Б. Ляпунов В. Златарскому 7 февраля 1910 г. В первые же годы Советской власти Академией наук было принято решение о регулярной посылке в Софийский университет и Болгарскую академию наук всех изданий Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР (стр. 224).

Письма русских ученых болгарским коллегам частично проливают свет на условия работы в бывших провинциальных университетах России, в которых часто отсутствовала литература по зарубежным славянам. В упоминавшемся выше письме профессора Казанского университета Н. Петровского, в частности, подчеркивается, что отсутствие необходимой литературы явилось одной из причин, почему «в наших работах по болгаристике естественно бывает немало пропусков, обусловленных невозможностью добыть ту или другую болгарскую книгу или даже узнать об ее существовании» (стр. 225). «От прошлого мы получили в

этом смысле самое убогое наследство. Можете себе представить, ни в одной из ленинградских библиотек не оказалось даже полного собрания сочинений Ивана Вазова», — пишет Н. С. Державин В. Златарскому в 1932 г. (стр. 117).

Опубликованная переписка указывает на тесные личные контакты между учеными Болгарии и России, продолжавшиеся и после установления Советской власти. Они касаются обмена научными изданиями, наведения библиографических архивных справок, консультаций по отдельным научным проблемам.

Опубликованная переписка показывает, что прогрессивные представители русской науки не замыкались в рамках научной работы, а сочетали ее с активной общественной деятельностью.

В этом отношении интересны письма Н. С. Державина. Они характеризуют общественную деятельность ученого: до Октябрьской революции среди болгарского населения бывшей Новороссийской губернии, в годы Советской власти — на посту директора Института славяноведения в Ленинградском университете. В его переписке с болгарскими учеными содержатся сведения о первом в России разрешенном цензурой публичном представлении пьесы на болгарском языке «Руска» И. Вазова в болгарском селе Преслав Бердянского уезда, просьба о присылке болгарской литературы в болгарские колонии России (стр. 79—80), сообщение об издании совместно с Шахматовым «прогрессивного независимого журнала „Славянство“» (стр. 85), оценка двойственной политики царского правительства по отношению к зарубежным славянам.

Переписка 20 — 30-х годов текущего столетия ученых СССР со своими коллегами за рубежом дает возможность ознакомиться с состоянием общественных наук в эти годы в Советском Союзе.

Старшее поколение ученых дореволюционной школы: Бенешевич, Лавров, Ильинский, Успенский — продолжали с энтузиазмом работать над проблемами византиноведения, славяноведения. Делясь своими соображениями по поводу IV Международного конгресса византиноведов, Бенешевич в письме к Златарскому (8 февраля 1934 г.) писал: «...мое сообщение о конгрессе будет первым в СССР и надо обставить его возможно лучше» (стр. 23).

Здесь же он делится своими планами издания трудов Иоанна Схоластика, истории русского византиноведения, изучения византийского влияния на древнерусское и южнославянское право. По предложению В. Н. Бенешевича на IV Международном конгрессе византиноведов в Софии в 1934 г. было принято решение о включении в план работы Международного комитета по византологии издание «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam ecclesiastici quam civilis».

Небезынтересно отметить, что на конгрессе русский язык был признан официально рабочим языком наравне с другими европейскими, «исходя из принципа, что плохой тот византолог, который не знает русского языка, так как разработка византологии обязана прежде всего и более всего русским ученым, а также немало сделано в этой области и другими славянскими учеными, которые пишут на родном языке» (стр. 20).

Большой интерес для характеристики деятельности отдельных ученых в области гуманитарных наук в 20—30-х годах XX в. в Советском Союзе представляет переписка Г. А. Ильинского с М. Г. Попруженко. Г. А. Ильинский в своих письмах уделяет большое место тем исследованиям, которые велись в эти годы в области славяноведения, византиноведения, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы поделиться с зарубежным коллегой своими научными планами, известить об опубликованных исследованиях советских ученых.

В своих письмах Г. А. Ильинский делится планами работы над Этимологическим словарем славянских языков, полной библиографией по кирилло-мефодиевскому вопросу. Ученый широких интересов, он находит время ознакомиться с зарубежными славяноведческими изданиями. В письме от 16 октября 1929 г., давая положительную оценку возобновивше-

муся в 1929 г. болгарскому журналу «Български преглед», он высказывает пожелание, чтобы «в дальнейших книжках содержание имело менее местный болгарский характер и чтобы там было больше статей, касающихся других славянских народов» (стр. 155).

К сожалению, в рецензируемом издании содержится очень незначительная переписка одного из крупнейших славистов А. М. Селищева. В письмах И. Иванову и М. Попруженко, по-видимому, идет речь о подготовке к изданию в Болгарии его монографии «Славянское население в Албании». В письме Г. А. Ильинского (10 января 1928 г.) мы находим упоминание о деятельности А. М. Селищева в Московском университете, на посту председателя Секции славяноведения Института языка и литературы, о работе под его руководством по составлению этнографической и политической карты современных славянских народов (стр. 135).

В заключение хотелось бы отметить очень хорошо продуманный справочный аппарат, включающий не только именной указатель, с краткой характеристикой лиц, упоминавшихся в переписке, но и библиографические примечания и реальный комментарий к каждому из писем.

И. А. Калоева

ПОЛЕЗНЕЙШЕЕ НАЧИНАНИЕ

«Историки-слависты СССР. Библиографический справочник» издан в Харькове в 1969 г. к V Межвузовской конференции историков-славистов (напечатан на ротавринтере). Составители — проф. С. И. Сидельников и Г. И. Чернявский ставили перед собой цель «дать предельно сжатые библиографические справки о всех историках СССР, занимающихся в настоящее время исследованием истории южных и западных славян с древнейших времен до наших дней, а также историей межславянских связей».

Справочник включает следующие данные о каждом историке-слависте: место работы, название учебного заведения, которое он окончил, и год окончания, тематика и время защиты кандидатской и докторской диссертаций, определение основной проблемы или проблем, которыми занимается ученый, перечень опубликованных монографий, включая и коллективные, и важнейших научно-исследовательских журнальных статей.

Инициативу составителей трудно переоценить. Подобного рода издания давно ждут историки всех специальностей. Слависты первыми его получили, чему нельзя не порадоваться. Его тираж (всего 500 экз.) лишь в незначительной степени сможет удовлетворить спрос. Не-

обходимо сразу же подготовить новое издание, осуществив его типографским способом и достаточным тиражом. Имея в виду это новое, исправленное издание, я и хочу поделиться некоторыми соображениями.

Справочник составлен в общем довольно полно. В нем даны сведения о 205 историках-славистах. Но этот список не охватывает даже всех живущих. Пропущены В. Г. Бабаев из Горького, Г. В. Бердников, С. П. Боброва, А. Г. Волков, А. Е. Мескин из Воронежа, Л. В. Волкова (Кржеминская) из Ленинграда, М. А. Казакова из Саратова, Г. Г. Литаврин и Ю. Ф. Иванов из Москвы. Вероятно, этот список можно продолжить. Не попал в справочник даже такой знаток истории древних славян как П. Н. Третьяков, и вообще все те, кто занимается древнеславянской историей. Неясно, почему в справочник не включены скончавшиеся советские историки-слависты? Нет даже В. И. Пичеты, основоположника советского славяноведения, хотя он вместе с Б. Д. Грековым, Ю. В. Готье, Н. С. Державиным и М. Н. Тихомировым и упомянут в предисловии. Но для Н. П. Грацианского, С. К. Богоявленского и других в справочнике не нашлось ни слова. В справочник нужно включить всех исто-

риков-славистов, работающих и работавших в советское время. Их список следует продумать более тщательно.

Кроме того, справочник слишком краток. Необходимо слегка расширить библиографические сведения, указав год рождения, у кого учился данный историк, прошел ли он подготовку через аспирантуру, когда и где трудился до своего последнего места работы. Значительно больше места нужно отвести и печатным трудам, указать, где и что было написано об историке, рецензии на его работы.

В списках литературы выделены так называемые коллективные монографии. На стр. 8 читаем: «Бромлей Юлиан Владимирович... Монография: «История Болгарии», т. I, М., 1954 (гл. 6 частично)». Но ведь хорошо известно, что Ю. В. Бромлей написал совместно с Н. А. Боровской в указанной главе три параграфа. По справочнику же получается, что Ю. В. Бромлей, кроме двух широко известных его монографий, есть еще и третья. Боровская же, являющаяся на этом основании также автором как минимум одной монографии, в справочнике вообще не упомянута. Вопрос с монографиями явно не продуман.

Оглавление к книге в сущности является именованным указателем. Но такой указатель не нужен: фамилии историков-славистов в справочнике приводятся в алфавитном порядке. Книжку даже правильнее было бы назвать словарем. В конце был бы весьма уместен указатель городов, вузов и научных учреждений.

В предисловии написано: «Названия учебников и учебных пособий в справочник не включены, так как они хорошо известны всем специалистам». А разве так называемые коллективные монографии или даже крупные статьи отдельных историков специалистам известны плохо? Удивляет и обилие учреждений, перечисленных на титульном листе. Справочник составлен по инициативе Харьковского университета, харьковскими учеными, и этого достаточно.

Я назвал лишь недостатки, сразу бросающиеся в глаза. Но все сказанное выше не колеблет моего утверждения, что составители выступили с полезнейшим начинанием, за которое их следует только благодарить.

А. Е. Москаленко

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Важная особенность истории материальной культуры — способ существования объектов ее изучения. Предметы материальной культуры, относящиеся к производству и потреблению, подвергаются физическому и моральному износу, выходят из обихода и заменяются новыми. При этом, если общество не стремится их сохранить, то они разрушаются и исчезают. Однако многое из того, что утрачено, оказывается запечатленным в произведениях изобразительного искусства. Понятно, что такие произведения могут представлять, помимо их эстетической ценности, немалый интерес для историка материальной культуры.

Поэтому, в частности, собрание иконографических источников и их описание становится особым разделом истории материальной культуры. Об этом свидетельствуют некоторые работы, вышедшие в серии «Источники материальной культуры», в которой ранее издавались только монографии и инвентарные списки памятников материальной культуры. Первая работа этого типа была посвящена истории польского сельского хозяйства¹, вторая — уникальному источнику истории польской материальной культуры². Третья из этой серии работа — «Материальная культура Просвещения в рисунках

Даниэля Ходовецкого»³. Ее автор — известный исследователь И. Турнау.

В этой работе И. Турнау ставит своей целью представить и классифицировать материал, который дает для истории культуры польского Просвещения графика польского художника Даниэля Ходовецкого, работавшего в Гданьске и на Западном Поморье. Европейская графика этого периода обращается к изображению машин, ремесленного производства, убранству жилищ; растет число журналов, мод, календарей, где приводятся модные наряды, бытовые картины, изображающие экзотическая жизнь отдаленных уголков земного шара. Графика Д. Ходовецкого привлекалась в качестве материала немецкими исследователями истории города, но она очень мало использовалась в изучении производства, хотя здесь могла бы принести большую пользу.

И. Турнау тщательно отобрала наиболее интересные гравюры и составила их описание. Автор дает необходимую информацию, которая облегчит работу историку сельского хозяйства или какого-нибудь ремесла. Ее материал требует дальнейшей обработки.

В первой главе автор ставит вопрос об особенностях иконографических материалов эпохи Просвещения, указывает на роль гравюр в этот период. Во второй — обращается к состоянию исследования творчества Д. Ходовецкого. И. Турнау

¹ B. B a r a n o w s k i, T. D z i e k o Ń s k i, J. B a r t y s. Źródła ikonograficzne do historii rolnictwa polskiego. Wrocław, 1965.

² T. W a s o w i c z. Legenda śląska. Wrocław, 1967.

³ J. T u r n a u. Kultura materialna Oświecenia w rycinach Daniela Chodowieckiego. Wrocław, 1968.

не повторяет вслед за немецкими и польскими работами известных фактов, а, давая их общую характеристику, указывает, какие из них наиболее обстоятельно освещают те или иные вопросы. При желании, сведения, полученные из второй главы, можно расширить, обратившись к исчерпывающей библиографии, приведенной в этой главе. И. Турнау характеризует все известные каталоги гравюр художника, сравнивает их между собой (см. о каталогах Энгельманна, Прайера и других, стр. 28—34).

В третьей главе И. Турнау рассматривает графическое наследие Д. Ходовецкого, связанное с историей материальной культуры. Здесь автор кратко говорит о творческом пути художника, характеризует циклы его гравюр (см. например, о гравюрах к сочинению в 10 книгах известного немецкого педагога И. Б. Базедова «Elementarwerk», стр. 39—47). И. Турнау отмечает, как важно то обстоятельство, что Д. Ходовецкий всегда рисовал с натуры, а не по памяти. Он мог, например, по несколько раз ходить в одну и ту же мастерскую, тщательно зарисовывать различные инструменты, внутреннюю обстановку мастерских. Это гарантирует точность материала, тем более что обычно гравюры художника предназначались для научных изданий и календарей.

Гравюры Д. Ходовецкого оригинальны; только в трех случаях И. Турнау установила сходство работ Д. Ходовецкого с гравюрами Большой Французской энциклопедии, являющейся наибольшим собранием технической иконографии XVIII в.

Д. Ходовецкий предпочитал по тематике историю нравов и обычаев различных народов, охотно обращался к сельскохозяйственной тематике, к отдельным ре-

меслам. Этим определяется подбор гравюр, сделанный И. Турнау.

В четвертой главе автор классифицирует по тематике выбранные ею гравюры. Она говорит, что дидактические цели, с которыми были сделаны почти все интересные ее гравюры Ходовецкого, определяют некоторую схематичность и упрощенность изображения, не дают возможности показать все этапы какого-нибудь производства. Наибольшее внимание уделено сельскому хозяйству, отдельным ремеслам, меньшее — истории строительного дела, транспорту, моде; здесь выбраны только основные, наиболее характерные примеры.

Основную часть работы И. Турнау представляет иллюстрированный каталог. Здесь каждая иллюстрация соотносена с одним из выделенных ранее тематических разделов, описано содержание гравюры, названы издания, для которых они были выполнены, дата, место издания, называется рисовальщик и гравер, если им не был сам Д. Ходовецкий. Приводятся размеры гравюр. Такая точная характеристика иконографического материала представляется очень важной, тем более, что до последнего времени она не считалась обязательной, что значительно затрудняло работу исследователей. Кроме того, определяется вид работ, изображаемый на гравюре, указываются специальности рабочих, называются инструменты. Словом, даны точные и исчерпывающие сведения.

Многие ученые найдут в этой работе прекрасный материал для своих исследований. Она послужит образцом для создания других работ по иконографическим источникам.

Л. Софронова

ЖУРНАЛ «МАКЕДОНСКИ ФОЛКЛОР»

Семья славянских фольклорно-этнографических периодических изданий пополнилась еще одним журналом¹, главным редактором которого является директор Института фольклора в Скопье д-р Блаже Ристовски. «Македонски фолклор» отражает проблематику исследовательской и собирательской работы института в области фольклора, народной музыки и хореографии. Редакция намерена привлечь в качестве сотрудников журнала ученых Югославии и зарубежных стран, если их исследования южнославянского или балканского фольклора каким-либо образом учитывают и фольклор Македонии. Вместе с тем в журнале найдут место также общетеоретические статьи, имеющие методологическое значение для фольклористики. Редакция журнала выражает

пожелание установить обмен сходными публикациями с соответствующими периодическими изданиями других стран и совместно с другими учеными стремиться к новым достижениям в области изучения фольклора.

Согласно этому редакционному заявлению, в журнале имеются такие постоянные разделы: «Статьи», «Сообщения и материалы», «Критика — рецензии — заметки», «Наш портрет», «Библиография».

В первом разделе помещены статьи Т. Чубелича (Загреб) «Предпосылки и условия, предопределяющие историю народной устной словесности в мировом и национальном масштабах» (стр. 7—23), Б. Н. Путилова (СССР) «У истоков теории аристократического происхождения русского эпоса» (стр. 33—39), К. Симичева (Польша) «К вопросу о происхождении македонского народного эпоса» (стр. 41—54), Х. Чайки (Польша) «Некоторые замечания о стиле южнославян-

¹ «Македонски фолклор». Списание на Институтот за фолклор. Скопје, 1968, година 1, број 1, 217 стр.

ского народного эпоса» (стр. 55—67), П. Петрова (Болгария) «Народные похоронные причитания» (стр. 69—84), Ц. Органджиевой (Скопье) «Тематика македонских народных похоронных причитаний» (стр. 83—90), Ш. Плана (Приштина) «Об общих мотивах революционных песен балканских народов» (стр. 91—104), Е. Башич (Загреб) «Считалки югославских детей» (стр. 149—155) и ряд других.

Раздел сообщений представлен фольклорными образцами, записанными в наши дни или извлеченными из архивов. Эти тексты (лазарские и др.) воспринимаются лишь как показатель отмирания соответствующих традиций. Поэтому мы о них не упоминаем.

Среди рецензий на местные книги и различные фольклорные и этнографические работы, вышедшие в 1960—1967 гг. в Польше, ГДР, Голландии, Румынии, Франции, наше внимание привлекла небольшая заметка Ц. Органджиевой (стр. 200—202), представляющая собой изложение статьи А. Шмауса «„Неомифологизм“ и южнославянская народная эпика», опубликованной в македонском журнале «Литературен збор» (1967, № 3, стр. 1—10). Статья А. Шмауса, судя по изложению (первоисточник нам недоступен), удивительным образом перекликается с известными, вышедшими ранее работами советского фольклориста Е. М. Мелетинского своим поиском предшественников эпического героя и древнейших эпических сюжетов. Правда, А. Шмаус, как представляется, ограничивается очень узким, собственно иллюстративным кругом источников.

Под рубрикой «Наш портрет» описывается жизнь и деятельность местного музыковеда, собирателя, исполнителя и публикатора народных песен В. Хаджиманова в связи с 40-летием его работы. Очерк сопровождается списком наиболее значительных работ юбиляра.

Содержание журнала заключается библиографией фольклористических статей и рецензий, напечатанных в местных журналах «Македонски јазик», «Литературен збор», «Стремеж» и «Трудови», если не ошибаемся, за 1954—1968 гг. Составитель Ф. Милошевски, к сожалению, ни словом не обмолвился относительно характера и полноты предложенной библиографии.

Теперь несколько слов о статьях. Трудно предполагать, во что выльется не имеющая окончания и избыточная довольно абстрактными пассажами статья Т. Чубелича. Во всяком случае, «мирового масштаба» рассмотрения фольклора в ней пока нет, да и европоцентризм автора выглядит весьма суженым. Т. Чубелич, конечно, прав, говоря, что для изучения фольклора недостаточно этнографического и литературоведческого подхода, однако его собственная позитивная програм-

ма — сугубо традиционна. Он только провозглашает изначальную и решающую роль фольклорной системы языковых и изобразительных средств по сравнению с фольклорным же содержанием и, естественно, не приводит никаких аргументов. Такая постановка равносильна низведению вопроса на уровень пресловутой проблемы о том, что возникло раньше — яйцо или курица, курица или петух: поэтому говорить о ценности этой мысли не приходится. Фольклорные уровни Т. Чубелича исходят из известной гегелевской схемы. При этом в лирику, например, попали независимо от содержания и других качеств, но согласно широко распространенным в югославской фольклористике взглядам все обрядовые, трудовые, солдатские, свадебные, колыбельные, шуточные, партизанские песни, романсы и баллады. В целом работа Т. Чубелича свидетельствует о том, что в югославской фольклористике, как и в советской, ученые испытывают настоятельную потребность в выделении фольклора и его специфики, как особого объекта изучения, и в создании фольклористических методов, отличающихся от литературоведческих, этнографических и др. Однако сила усвоенных литературоведческих и иных схем и представлений исключительно велика. Фольклористы по-прежнему теоретизируют в соответствии с этими догмами и избегают исходить из самого фольклора и из противопоставления народной культуры культуре господствующих классов.

Работа Б. Н. Путилова посвящена малоизвестной странице из истории науки. Автор показывает, что глава исторической школы В. Ф. Миллер впервые сформулировал свой вывод об аристократическом происхождении эпоса на основе фальсификаций сборника С. Верковича «Веда словена», а затем — по аналогии — перенес вывод и на русский эпос. Несколько раньше такой вывод сделал и И. Ягич, которому энергично возражал А. Н. Пыпин. Статья Б. Н. Путилова несомненно представляет интерес, если учесть, что это ложное представление наряду с другими методологическими принципами исторической школы до сих пор еще поддерживается некоторыми советскими учеными и в особенности бытует среди югославских фольклористов, полагающих, что эпос создавался при дворе и во славу феодалов.

Это взгляд, наряду с противоречащими ему замечаниями, мимоходом проскальзывает и в соседней журнальной статье К. Симитчиева. Задавшись целью доказать бытование эпоса на территории Македонии до поры турецкого нашествия (XIV в.), автор использует довольно странные и вместе с тем типичные для югославской фольклористики доводы. Собственно фольклорные и нефольклорные аргументы при этом смешиваются и

отождествляются. Автор несомненно знаком с литературой вопроса, однако не ощущается, чтобы он сам обработал большой фактический материал; ссылки на фольклорные сборники отсутствуют. Прежде всего К. Симитчиев предложил читателю подборку высказываний различных авторов и на ее основе сделал вывод, будто Македония — родина юнацкого эпоса, откуда его затем переносили в другие районы расселения южных славян. С этой целью он акцентирует внимание на македонских «школах» следов (XIX в.) и допускает, что они ведут свое происхождение со времен ослепления византийцами пленных воинов царя Самуила (XI в.). В «Самуиловой катастрофе» автор и видит точку отсчета времени для юнацкого эпоса, вероятно, по аналогии с эпической ролью Косовской битвы, хотя оснований этому никаких нет. К. Симитчиев признает, что в реконструкции древнейших слоев эпики «нам может помочь до известной степени» чрезвычайно богатый эпический репертуар, и тут же подменяет его рассмотрением содержания хроники попа Дуклянина. Он утверждает «в основном самобытный» характер эпоса, не выделив его надлежащим образом и не раскрыв содержание термина «самобытность». Он постоянно подчеркивает, что на территории Македонии очень сильное развитие получил цикл о Марке Кралевиче, и вместе с тем счел нужным, опять-таки не раскрывая, упомянуть, что эпос — продукт патриархального образа жизни.

Автор, мягко говоря, очень неточно пользуется термином «оккупация», говоря о положении Македонии по отношению к Сербии и Болгарии в средние века. Для нас это равносильно тому, как если бы говорили, что киевский князь «оккупировал» владими́ро-суздальскую землю, а новгородский князь — полоцкую землю. Методологически неправильно переносить представление, родившееся из опыта национальных и политических отношений XX в., на средневековые и тем более в область изучения фольклора, который по своему составу почти целиком есть явление донациональной поры.

Работы, подобные статье К. Симитчиева, очень удобны для критики. Они по своему характеру — тушковые. Можно сколько угодно повторять и варьировать один и тот же набор упомянутых доводов, однако насущная проблематика так и останется в стороне от этого набора. По нашему мнению, древность южнославянских эпосов не требует доказательств, а мнемоническими рассуждениями на эту тему нельзя подменять их историю. Историю южнославянских эпосов нужно искать прежде всего и главным образом в самих произведениях. Ее можно написать, если тщательно учесть весь наличный состав произведений и показать их изменчивость и взаимодействие. Только строя эволюционные ряды, можно убедительно

выявить соотносимость между эпическими песнями, записанными в разных южнославянских районах. Мы считаем наивной или, если угодно, донаучной существующую в фольклористике альтернативу в виде набора формально логических догадок, свидетельств из нефольклорных источников и благодушных заверений в чем бы то ни было приоритете.

Точно так же недостаточно повторения истин, ставших уже давно прописными. В данном случае мы имеем в виду статью Х. Чайки. Она вполне добросовестно освежила те констатации о поэтике эпоса, которые с XIX в. стали неизменным «общим местом» в фольклористических работах. Х. Чайка не предлагает никаких путей дальнейшего исследования элементов эпоса. Между тем такие пути существуют: взять хотя бы составление словарей эпитетов, типических мест, эпических имен с их функциями, атрибутов героев и т. д., опаты системного исследования, прослеживание изменчивости элементов эпоса и их взаимосвязи.

Единственно новаторской по своей методике статьей в журнале является работа болгарского этнографа П. Петрова. Но, к сожалению, методика ее не вполне ясна. П. Петров явно и постоянно стремится в максимальной степени завуалировать свои математические методы и логику. Поэтому его работы воспринимаются в виде фрагментов, связываемых нераскрытыми терминами, формулами и иногда понятными таблицами. Методика становится убедительной и действенной, если она понята, а исследования, построенные на ней, могут быть проверены. Этого нельзя сказать о работах П. Петрова. Верить же автору на слово недопустимо, равно как и возражать на основе понятий фрагментов. П. Петров сам лишает себя научной аудитории, реальных плодотворных дискуссий и, быть может, даже последователей. Полагаем, что ему следовало бы выступить со специальной работой, посвященной фундаментальным вопросам методики его исследований.

Судить о лице журнала по первому его номеру трудно. Другие номера «Македонски фолклор», по сведениям на начало января 1970 г., задерживаются в печати. Надо думать, что в них получат освещение те проблемы и группы произведений (народная проза, колыдки, баллады и др.), о которых ничего не говорилось в первом номере. Журнал «Македонски фолклор» несомненно может войти в широкий научный обиход, если на его страницах получат место глубокие и систематические исследования, поиски нетрадиционных методов и аспектов изучения, фольклорные указатели и библиографические тематические сводки, наблюдения над современным состоянием фольклора. Мы желаем успехов журналу на этом пути.

Ю. Смирнов

J. VACHÉK. *Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny*. Praha, 1968, 154 s.

И. ВАХЕК. *Динамика фонологической системы современного чешского литературного языка*

Общеизвестна роль Пражского лингвистического кружка в создании современной фонологии. Тем не менее общего описания фонологии чешского языка кружок не дал, хотя отдельные ее вопросы неоднократно обсуждались в работах его представителей. Рецензируемая книга принадлежит перу, пожалуй, наиболее верного хранителя традиций Пражского кружка классического периода, Йозефа Вахека, который очень много сделал для пропаганды его идей¹.

Развивая основной тезис кружка о динамическом характере любого синхронного среза языка, о движении в статике, Вахек уже в заглавии рецензируемой книги подчеркнул, что речь в ней идет о «динамике фонологической системы современного чешского литературного языка». При этом Вахек опирается как на основополагающую идею Р. Якобсона о «терапевтическом» характере фонологических изменений, приводящих к устранению явлений, которые выпадают из системы, так и на принцип последовательного различения центра и периферии в языке — принцип, особенно четко выявившийся в пражских лингвистических исследованиях последнего времени². Соотношение центра и периферии носит в концепции пражской школы весьма многообразный характер. Прежде всего это противопоставление четко противопоставленных системных фактов и достаточно неопределенных периферийных явлений, где системность в значительной мере смазана. В концепции центра и периферии особое внимание уделяется всяким переходным явлениям, «промежуточным зонам», что резко противопоставляет пражскую школу фонологическим концепциям, построенным на формально логическом принципе исключенного третьего. Тем самым углубляется концепция

«динамики в статике» (или, как часто говорит Вахек, «внутреннего напряжения»), и именно это обстоятельство существенно отличает ее от других предложений в этом направлении, делавшихся в последнее время. В частности, как отмечает Вахек в главе I, его концепция существенно отличается от предложения С. К. Шаумяна³ понимать изучение динамики языка (противопоставленное «таксономическому», статическому описанию) как конструирование порождающих моделей. Как правильно отмечает Вахек, процессуальный подход к языку отнюдь не исчерпывает специфики лингвистического объекта и не снимает задачу его описания как целостной данности. В теории пражцев динамика отражается в расслоении синхронного среза на центр и периферию, по-разному ведущие себя, в признании принципиальной незамкнутости языка, его открытого характера.

Так, Вахек возражает против рассмотрения чешских фонем *f* и *g*, а также $\bar{e}$ и $\bar{o}$ на одном уровне с такими фонемами, как *b* и *d* и соответственно $\bar{i}$, $\bar{a}$, $\bar{u}$. Такое описание, широко распространенное⁴, недостаточно учитывает тот факт, что, например, *g* встречается в чешском языке — если ограничиться исконной чешской лексикой — лишь в дополнительном распределении с *k* (ср. произнесение [gde], [gdi], [gdo] — пишется *kde*, *kdy*, *kdo*). В пределах этой лексики *g* не самостоятельная фонема, а лишь комбинаторный вариант фонемы *k* (об особом месте $\bar{e}$ и $\bar{o}$ см. ниже). Однако в заимствованных неассимилированных словах возможны противопоставления типа *golem* — *kolem*, *grál* — *král* и т. п. Если эту ситуацию рассмотреть в терминах порождающей грамматики, то придется констатировать необходимость двух разных порождающих грамматик: в одной из них признак звонкости для фонемы *k* кодируется как зад-

¹ Здесь следует упомянуть следующие его работы: J. V a c h é k. Dictionnaire de linguistique de l'École de Prague. Utrecht-Anvers, 1960 (русский перевод: И. В а х е к. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964); е г о ж е. A Prague School Reader in Linguistics. Bloomington, 1964; е г о ж е. The Linguistic School of Prague. An Introduction to its Theory and Practice. Bloomington, 1966.

² Этой проблеме посвящен 2-й том «Travaux linguistiques de Prague» (Prague, 1966), носящий подзаголовок «Проблемы центра и периферии системы языка», в особенности статьи самого Вахека, являющегося редактором тома.

³ С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. М., 1965, стр. 16. Вахек упрекает С. К. Шаумяна за то, что, говоря о статике и динамике, Шаумян ссылается лишь на известный доклад Р. Якобсона 1957 г. («Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание». «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963) и не упоминает, что эта концепция сложилась еще в пражский период деятельности Якобсона.

⁴ В частности, Вахек полемизирует с монографией Кучеры (Н. К u č e r a. The Phonology of Czech. 's-Gravenhage, 1961), которую он в остальном оценивает положительно.

неязычный, взрывной, носовой, а признак звонкости или глухости целиком определяется общим правилом в зависимости от окружения (таково положение для подавляющей части лексики), в другой же заранее вводятся признаки звонкости или глухости. Таким образом, излагаемая Вахекон концепция требует принципиально другого порождающего аппарата и именно этим она представляет особый интерес для лингвистического моделирования.

Сам Вахек специально останавливается на необходимости создания нового математического аппарата, который был бы адекватен излагаемой концепции (стр. 26). Близкую позицию Вахек занимает и относительно теории различительных признаков Якобсона. Поскольку теория Якобсона является логическим продолжением пражской теории фонемы и зародилась еще в пражский период деятельности Якобсона⁵, Вахек, естественно, принимает все ее достижения и активно использует предлагаемый ею инвентарь признаков⁶, хотя и оговаривает (стр. 23—24), что она представляет собою, с его точки зрения, идеальную модель и что отдельные языки могут существенно отличаться от нее в деталях. В частности, принимая принцип бинарности оппозиции как определяющий для центра языка, он допускает тернарные противопоставления в качестве периферийных. Для примера приводит оппозиции $i - e - a$ и $u - o - a$. По Трубецкому, здесь имеет место градуальная оппозиция. Кучера, вслед за Халле, превращает это тернарное противопоставление в два бинарных, а именно компактности — некомпактности и диффузности — недиффузности. Вахек показывает (глава III), что такое разложение мало что дает, ибо соответствующие оппозиции все равно не будут коррелятивными в смысле Трубецкого.

Данное разложение Халле — Якобсона действительно неудачно и уже вызвало критику. Однако общий принцип бинарности находит широкую поддержку в психологии, антропологии, этнографии и, по-видимому, действительно связан с особенностями функционирования человеческой психики⁷. Поэтому сомнению подлежит не самый принцип бинарности, а его конкретное воплощение в данном случае. В этом смысле чрезвычайно важной

представляется концепция словацкого фонолога Е. Паулины⁸, предложившего разложить ряд $i, u - e, o - a$, используя противопоставление средности (среднего подъема) — несредности (Паулины использует термины центральность — периферийность, однако эта терминология, как указывает Вахек на стр. 33, неудачна в свете общей концепции центра и периферии). Вахек не имеет иных замечаний к предложению Паулины, кроме терминологических, и даже приводит факты, подтверждающие особый статус e и o в чешском языке. Он убедительно доказывает, что соответствующие им долгие $\bar{e}$ и $\bar{o}$ занимают периферийное место в фонологической системе чешского языка. В самом деле, фонема $\bar{o}$ встречается лишь в заимствованных неассимилированных словах (*lůže, sezóna, tón*) либо в эмоционально окрашенных словах (*bůže*); в исконной же лексике противопоставление $o - \bar{o}$ невозможно. Сходное положение занимает и фонема $\bar{e}$, которая в народных говорах центральной Чехии и в чешском просторечии, опирающемся на эти говоры, сопала с i (ср. произношение *t Dobří mlk*) на месте литературного *dobře mléko*).

Важное место занимает в работе Вахека анализ отдельных оппозиций, в особенности коррелятивных. Здесь автор опирается на логический анализ понятия корреляции, проведенный Горалекон⁹ с учетом дихотомической теории. В частности, Вахек вновь возвращается к спорному вопросу о противопоставлении $t - t', d - d', n - n'$ в современном чешском языке. Он приводит новые аргументы в пользу тезиса Трубецкого¹⁰ о том, что здесь имеет место не оппозиция по твердости — мягкости, а оппозиция по месту образования, однако в отличие от Трубецкого Вахек рассматривает эту оппозицию не как дизъюнктивную, а как коррелятивную оппозицию¹¹ некомпактности — компактности, следуя за Горалекон. Как мы уже указывали в другом месте¹², при

⁸ E. Pa ul i n y. The Principle of Binary Structure in Phonology. «Travaux linguistiques de Prague», II, Praha, 1966, s. 124—126.

⁹ K. H o r á l e k. Zum Begriff der phonologischen Korrelation. «Travaux linguistiques de Prague», II, Praha, 1966, s. 12.

¹⁰ N. S. T r u b e t z k o y. Die phonologischen Systeme. TCLP, 4, Prague, 1931, S. 97.

¹¹ Тем самым отпадают критические замечания по поводу этой концепции в книге: Л. Э. К а л ы н ь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961, стр. 89—91.

¹² И. И. Р е в з и н. Модели языка. М., 1962, стр. 36. Ср. также замечания по этому поводу в рецензии К. Берки и П. Новака на эту книгу («Slovo a slovesnost», 1963, № 2).

⁵ По свидетельству Вахека (стр. 23), Якобсон изложил первый вариант своей дихотомической теории на заседании Пражского лингвистического кружка 21 марта 1938 г.

⁶ Здесь он, естественно, опирается на цитированную монографию Кучеры, которая целиком построена на принципах Халле и Якобсона.

⁷ На универсальный характер этого принципа обратил внимание рецензента Вяч. Вс. Иванов.

рассмотрении оппозиции $t - t'$ и т. д. как оппозиции твердости — мягкости, резко увеличивается число «пустых клеток» в системе, ибо эта оппозиция распространяется лишь на ограниченный участок системы. Как показывает Вахек, по тому же признаку некомпактности — компактности могут быть противопоставлены и пары $s - š$, $z - ž$, $c - č$, и тем самым оппозиция оказывается гораздо лучше интегрированной в системе. Вахек делает вслед за Горалекком любопытное наблюдение, что в чешской графике для согласных в этих (и за исключением фонемы $\check{r}$ только этих) случаях маркированный член оппозиции обозначается при помощи добавочного диакритического знака (это может свидетельствовать о фонологической чуткости создателей алфавита). Что касается противопоставления $r - \check{r}$, то он приводит убедительные доказательства в пользу того, что эта фонема вообще занимает изолированное место в системе чешских фонем и сохранение ее связано со вторичными, морфологическими причинами.

В главе VII, посвященной фонеме $\check{r}$, четко проявилась точка зрения Вахека на роль морфологической мотивации в динамике фонологической системы. Он не отвергает ее целиком, но и не признает основной. По его мнению, наиболее существенны именно внутренние фонологические системные факторы, но определенное влияние оказывает факт сцепленности фонологической системы с морфологической. Фонема как бы входит в ряд систем, последняя из которых является морфологически обусловленной. Представляется, что именно такой взгляд был бы особенно плодотворным при моделировании, так как позволил бы избежать жестких критериев, неизбежно возникающих в пределах одной системы.

Во многих местах книги автор уделяет значительное внимание вопросам фонемной сегментации, т. е. монофонемной или бифонемной трактовке аффрикат и дифтонгов. В этом отношении пражской школе удалось сделать шаг вперед по сравнению со знаменитыми шестью правилами Трубецкого. Речь идет о критерии контраста, введенном Б. Трнкой¹³ и подробно развитом Вахеком¹⁴. Критерий контраста состоит в следующем: если,

например, в группе ts или $tš$ между t и s (или $š$) можно вставить какой-либо редуцированный звук, то группа признается двуфонемной.

Правда, и этот критерий сам по себе не дает однозначного решения. Так, сам Вахек сомневается, возможна ли соответствующая вставка в сильно эмоционально окрашенном слове *dzin* (стр. 74). Можно применять критерий контраста и к наблюдениям, например, над протяжным пением. Нам представляется, что, например, при решении вопроса о фонемном статусе $\check{s}$ ' (или соответственно $\check{s}\check{r}$ ') в русском языке большое значение — в свете теории контраста — приобретают наблюдения П. Г. Богатырева¹⁵. В сущности принцип контраста является обобщением первого правила Трубецкого, по которому фонемный сегмент не может включать в себя слогораздела. Он распространяет это правило и на «потенциальные слоги». Но в этом-то и сила критерия контраста и его интуитивная убедительность. Наряду с дистрибутивным критерием Трубецкого, также широко применяемым в книге Вахека, этот критерий вполне удовлетворительно решает вопрос о внутриморфемных ts и $tš$ в чешском языке как монофонемных сегментах.

Не так однозначно решается вопрос о статусе дифтонгов, рассматриваемый в главе III, посвященной системе гласных. Критерий контраста здесь вряд ли применим, и Вахек им не пользуется. Он решительно отказывается (стр. 35—36) от монофонематической трактовки чешского *ou*, предложенной Трубецким¹⁶. С нашей точки зрения, на это нет достаточных оснований. Дистрибутивно *ou* ведет себя так же, как любой односегментный гласный. Что же касается системных соображений, то Вахек сам не исключает возможности рассмотрения *ou* как репрезентанта $\bar{o}$, поскольку звук $\bar{o}$ выпадает из системы долгих. Вахек отменяет эту возможность из-за наличия групп *au* и *eu*, которые выстраиваются в один ряд с *ou*. Но, как убедительно показывает Вахек в другом месте (стр. 75), эти группы появляются либо на границах морфем (*paudit*), либо в заимствованных и эмоционально окрашенных словах (*neuroza*, *automat*, *kauce*, междометие *au!*), т. е. в лексическом слое, который, по Вахеку, подлежит особой трактовке. Казалось бы,

¹³ В. Т р н к а. Určování fonemu. «Acta Universitatis Carolinae», 1954, № 7, s. 16—22. Любопытно, что в книге Вахека эта работа не упоминается, а дается ссылка на другую работу Трнки (*General lows of Phonemic Combination*, TCLP, 6, s. 57—62), где контраст понимается несколько иначе. По-видимому, в памяти Вахека, являющейся подлинной энциклопедией пражской школы, эти работы совместились.

¹⁴ J. V a c h e k. Some thoughts on the phonology of Cockney English. «Philologica Pragensia», 1962, č. 3, s. 165—166.

¹⁵ П. Г. Б о г а т ы р е в. Добавочные гласные в народной песне и их функции (О языке славянских народных песен и его отношении к народной речи). «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 398. П. Г. Богатырев приводит, в частности, такие произнесения, как [и-ши-че] — «еще».

¹⁶ N. S. T r u b e t z k o y. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. TCLP, 1, Prague, 1929, S. 56.

в духе общей концепции Вахека естественнее было бы считать, что *oi* в двух разных системах ведет себя по-разному. К этому следует добавить чрезвычайно интересные наблюдения Вахека над тем, что звуки *dž*, *dz*, выступающие в исконной лексике, являются комбинаторными вариантами фонем *č*, *c*, которые по критерию контраста однофонемны и, стало быть, представляют собой однофонемные сегменты. С другой стороны, *dž* и *dz*, выступающие в неассимилированной заимствованной или эмоционально окрашенной лексике (*džung-je*, *dzurila*, *dzin*) ведут себя как двуфонемные группы, о чем в большинстве случаев свидетельствует критерий контраста. Эти наблюдения можно истолковать следующим образом. Требование оптимального кодирования состоит в том, чтобы часто встречающиеся единицы кода были короткими, а редко встречающиеся длинными. Статистические критерии часто переходят в языке в критерии стилевые. С этой точки зрения слой неассимилированной заимствованной и эмоционально окрашенной лексики можно в принципе отождествить с редко встречающимися словами, а слой исконной лексики с часто встречающимися (возможны, разумеется, исключения, ибо в языке стилевой принцип является ведущим и подчиняет себе чисто статистические моменты). В свете этого понятно, почему *oi* может вести себя как однофонемный сегмент, несмотря на то, что *ai* и *ei* — заведомо двуфонемны. Интересно, что по мнению некоторых чешских ученых¹⁷ *ei* вообще распадается на два слога в неассимилированных словах.

В соответствии со своей общей концепцией о соотношении центра и периферии Вахек посвящает специальную главу (IV) сонантам — переходным явлениям между областью гласных и согласных. У нас на важность этой переходной области обратил внимание в своей посмертной публикации профессор П. С. Кузнецов¹⁸, который, в частности, рассмотрел гипотезу о том, что *i* и *j* в славянских языках являются вариантами одной фонемы. Вопрос этот, поднятый Якобсоном применительно к словацкому языку¹⁹, упирается в наличие сочетаний *ij* и *ji* и их трак-

товку (ср. наличие противопоставлений типа *kelvi* — *kelij*), о которых говорится не только в цитированной статье Якобсона, но и в проекте фонологической терминологии Пражского кружка²⁰. Теоретический интерес этих случаев в том, что они не нарушают отношения дополнительного распределения (а стало быть, отсутствия противопоставления между *i* и *j*), но одновременно препятствуют признанию *i* и *j* двумя вариантами одной фонемы. Недавно к этому вопросу вернулся Паулини²¹, который показал, что в современном словацком языке сочетания типа *ji* исчезают и должны фонологически трактоваться как *i*, а, стало быть, *i* и *j* могут считаться вариантами одной фонемы. Вахек констатирует, что в литературном чешском языке группы *ji* и *ij* сохраняются, хотя и не могут (в отличие от приведенных русских примеров) противопоставляться друг другу, но что в разговорной речи идет процесс элиминации этих групп и там ситуация приближается к ситуации в словацком языке. Интересно, что вопрос об оценке *ji* и *ij* как *ii* связывается им с общим вопросом о возможности рассматривать долгие гласные в качестве удвоенных (стр. 43).

К вопросу о соотношении *i* и *j* Вахек неоднократно возвращается по разным поводам. Это связано как с общим его интересом к промежуточным случаям («слабым местам системы»), так и со структурой книги, состоящей из ряда отдельных очерков, иногда слишком дробных (из-за этого автору приходится повторяться), а иногда механически объединяющих довольно разнородные вопросы. Так, в главе V рассматривается как вопрос о неравнозначности противопоставлений *b — p*, *d — t*, *z — s*, с одной стороны, и *k — g*, *f — v*, *x — h*, с другой стороны, так и вопрос о монофонемном либо бифонемном статусе аффрикат *ts*, *tš* — вопросов, которые мы намеренно разделили раздельно.

Мы убеждены, что рецензируемая книга и поднятые в ней вопросы окажут значительное влияние на моделирование фонологии и помогут преодолеть те неправомерные упрощения, которые в этой области проявились. Обращение к источнику фонологии — к плодотворным идеям пражской школы — полезно и поучительно. И книга Вахека это блестяще доказывает.

¹⁷ Досадная опечатка на стр. 75 не дает возможности установить кого именно. Речь идет о фразе: «Některí čeští mluvčí hodnotí i spojení *ei* v slovech synchronicky cizích jako dvojslabična, např. V. Mathesius a Fr. Daneš, většinou setu však hodnotí dvojslabičně».

¹⁸ П. С. Кузнецов. Введение к объективному определению границ слова в потоке речи. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». М., 1968, стр. 208 и след.

¹⁹ R. Jakobson. Z fonologie spisovné slovenštiny. «Slovenska miscellanea», Bratislava, 1931, s. 155—163; ср. также:

J. Vachek. Fonologický poměr hlásek *i* a *j* v češtině a slovenštině. «Slavia», 1932, № 2, s. 265—273.

²⁰ TCLP, № 4, Prague, 1931, s. 312.

²¹ E. Pauliny. Fonologie spisovné slovenštiny. Bratislava, 1961; его же. Zum Verhältnis der Laute [i] und [j] im Slowakischen. «To Honor Roman Jakobson», II. The Hague — Paris, 1967, S. 1496—1502.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ
И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1969 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика, экономическое соревнование 2-х систем

Актуальные проблемы экономического развития мировой социалистической системы (Метод. пособие). Л., 1969, 196 с.

Бабкин В. П. Экономические закономерности развития мировой социалистической системы (Уч. пособие). М., 1968, 52 с.

Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая социалистическая система (Материалы научн. конференции). «Наука», 1969, 471 с.

Мировой социализм и развивающиеся страны (Экономич. отношения соц. стран Европы с развивающимися странами). «Мысль», 1969, 276 с.

Новосельцева А. А. Влияние двух мировых систем на экономику развивающихся стран. Изд-во Моск. ун-та, 1969, 83 с.

Стенограмма Международной конференции «Европейская безопасность и отношения государств двух систем» (23—25 апреля 1968). М., 1968, 277 с.

Соглашение между Правительством СССР и Правительством Народной Республики Болгарии о международном автомобильном сообщении. Б. м. и г., 7 с.

Тиханова Т. Е. Экономические закономерности развития мировой системы социализма (Уч. пособие для студентов). Одесса, 1968, 42 с.

Ширяев Ю. С. Закономерности развития мировой системы социализма. Высш. школа, 1969, 104 с.

*Международное Сопоставление
коммунистически
и рабочих партий
в Москве*

5—17 VI 1969

Брежнев Л. И. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. Политиздат, 1969, 64 с.

Документы и материалы международного Сопоставления коммунистических и рабочих партий 5—17 июня 1969 г. Политиздат, 1969, 352 с.

Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий

коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. Политиздат, 1969, 47 с.

2. Экономика и экономическое сотрудничество

Анализ и выявление потребностей заинтересованных стран — членов СЭВ в научно-решающих устройствах и электронно-вычислительных машинах, применяемых в строительстве и промышленности строительных материалов на период 1971—1975 гг. М., 1969, 134 с.

Апро Антал. Сотрудничество стран — членов СЭВ в экономических организациях социалистических стран. «Экономика», 1969, 112 с.

Бахнов М. С. Интернационализация опыта хозяйственного строительства европейских стран — членов СЭВ. М., 1969, 20 с.

Бондаренко Е. Л. Социалистическая межгосударственная специализация и кооперирование производства. (На примере стран — членов СЭВ.) Изд-во Моск. ун-та, 1968, 88 с.

Бортников В. В. Вопросы эффективности капитального строительства Народной Республики Болгарии и Молдавской ССР. Кишинев, 1969, 163 с.

Будкин В. С. Міжнародний поділ праці та будівництво матеріально-технічної бази соціалістичних країн. Київ, 1969, 179 с.

Валев Э. Б. Экономическая география зарубежных социалистических стран. (Метод. указания). Изд. 3-е. Изд-во Моск. ун-та, 1969, 43 с.

Викентьев А. И., Мирошников Б. П. Производство и потребление в странах СЭВ (О соотношении подразделений соц. обществ. производства). Междунар. отношения, 1969, 296 с.

Владимиров Б. Г. Экономическое соревнование двух мировых систем. «Знание», 1969, 48 с.

Воробьев Е. А. Сопоставление показателей промышленного производства социалистических стран (Вопросы методологии). «Статистика», 1969, 192 с.

Воробьева З. С. Экономические реформы в странах — членах СЭВ, ленинский курс хозяйствования. Ростов н/Дону, 1969, 38 с.

Двадцать лет деятельности Совета Экономической Взаимопомощи (Обзор). М., 1969, 161 с.

Дегтярь Л. С. Трудовые ресурсы и их использование в зарубежных социалистических странах — членах СЭВ. «Наука», 1969, 159 с.

Жуков В. Н., Ольсевич Ю. Я. Теоретические и методологические проблемы совершенствования ценообразования на рынке СЭВ. «Наука», 1969, 175 с.

Зотова Н. А. Торговля между странами СЭВ в условиях хозяйственных реформ. «Экономика», 1969, 144 с.

Иванов Н. Международные экономические отношения нового типа. «Экономика», 1968, 213 с.

Кудрова Е. С. Статистика национального дохода европейских социалистических стран. «Статистика», 1969, 175 с.

Лойтер М. Показатели планирования капитальных вложений в водохозяйственное строительство. М., 1969, 13 с.

Малюгин В. И., Козлов В. И. Десять лет работы Постоянной комиссии СЭВ по строительству (Обзор). М., 1968, 44 с.

Мировая экономика, Изд. 2-е, испр. и доп. Междунар. отношения, 1969, 528 с.

Митрофанова Н. М. Экономические рычаги в промышленности европейских социалистических стран. «Экономика», 1969, 120 с.

Можаров Н. Д. Сотрудничество социалистических стран в области морского транспорта. Морской флот и внешнеторговые перевозки грузов стран — членов СЭВ. «Транспорт», 1969, 136 с.

Мясная промышленность Польской Народной Республики (Обзор). М., 1969, 54 с. с ил.

Научно-технический прогресс и хозяйственная реформа. «Наука», 1969, 296 с.

Нечаева Р. Л. Изучение спроса на средства производства в социалистических странах. М., 1969, 16 с.

Николаева М. Н. Поставка товаров в зарубежных социалистических странах (Обзор). М., 1968, 56 с.

Олейник И. П. Мировое социалистическое хозяйство. (Краткий очерк). Междунар. отношения, 1969, 360 с.

Осьмова М. Н. Хозяйственные реформы и международное социалистическое разделение труда. Изд-во Моск. ун-та, 1969, 140 с.

Планирование и управление народным хозяйством в социалистических странах. «Мысль», 1969, 388 с.

Попов К. И. Развитие экономических связей стран социализма (Анализ практики и теорет. проблем). «Мысль», 1968, 276 с.

Прихунов В. Автомобильная промышленность Чехословакии, ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии. М., 1968, 55 с.

Развитие экономического сотрудничества социалистических стран. «Мысль», 1969, 183 с.

Совершенствование системы планирования и управления сельскохозяйственным производством в социалистических странах. М., 1968, 23 с.

Сергеев В. П. Проблемы экономического сближения стран социализма. «Наука», 1969, 311 с.

Сотрудничество стран в области статистики в Совете Экономической Взаимопомощи. М., 1969, 25 с.

Стимулирование внешней торговли в странах — членах СЭВ. Научн. труды. М., 1969, 91 с.

Стимулирование развития новой техники в странах СЭВ. «Экономика», 1969, 141 с.

Тарновский О. И., Потапов Х. Е. Цены в сельском хозяйстве европейских стран социализма (Обзор). М., 1968, 199 с.

Управление производством, нормирование и оплата труда в госхозах ЧССР (Отчет советской с.-х. делегации). М., 1969, 38 с.

Фечин Ф. И. Социалистическая переладка сельского хозяйства в Болгарии (к 25-й годовщине победы соц. революции в Болгарии). Горький, 1969, 54 с.

Фечин Ф. И. Экономика Болгарии в системе международного социалистического разделения труда (к 25-й годовщине победы соц. революции в Болгарии). Горький, 1969, 42 с.

Щорс В. Р. Сахарная промышленность Народной Республики Болгарии и перспективы ее развития. М., 1969, 11 с.

Экономика европейских стран — членов СЭВ. «Наука», 1968, 230 с.

Экономическая реформа в сельском хозяйстве Народной Республики Болгарии (Документы и материалы), ч. 1—2, М., 1969.

Якушкин Я. С. Переход к социалистическому способу материального стимулирования труда в европейских странах социализма (Уч. пособие). Л., 1969, 105 с.

3. Партийная жизнь

5-й съезд Польской объединенной рабочей партии 11—16 ноября 1968 г. Основные документы и материалы. Политиздат, 1969, 343 с.

4. Государственное строительство. Право

Авакьян С. А. Местные органы государственной власти европейских социалистических стран (Обзор). М., 1969, 83 с.

Законодательная техника в зарубежных европейских социалистических государствах (Действующие правила в ПНР, ВНР и ЧССР). М., 1969, 62 с.

Иванов И. Новый правовой режим изобретательства и рационализации в Народной Республике Болгарии (Докл. на заседании секции «Изобретательство и научно-техн. прогресс»). М., 1969, 10 с.

Иляхин М. И. Профсоюзное движение социалистических стран Европы на современном этапе. М., 1968, 67 с.

История государства и права зарубежных стран (Учебник для студентов юрид. ин-тов и фак-тов). Юрид. лит.-ра, 1969, 488 с.

Обзор текущего законодательства зарубежных стран. М., 1969, 87 с.

Сафронов В. М. Развитие социалистической демократии в Народной Республике Болгарии. «Знание», 1969, 63 с.

5. Справочники

Беларуская ССР у друку сацыялістычных краін. 1946—1965. Бібліягр. паказальнік, ч. 2. Літэратура еўрапейскіх сацыялістычных краін за 1946—1955 гг. і дапаўненні да 1956—1965 гг. Мінск, 1968, 207 с.

Мир социализма в цифрах и фактах, (Справочник). 1968, Политиздат, 1969, 144 с.

Народное хозяйство социалистических стран в 1968 г. (Сообщ. стат. упр.). «Статистика», 1969, 186 с.

Справочник о международных и национальных конференциях, совещаниях и симпозиумах по важнейшим проблемам науки и техники и о ярмарках и выставках, проводимых в странах — членах СЭВ в 1968 г. Б. м., 1969, 25 с.

Справочник о международных и национальных конференциях, совещаниях и симпозиумах, ярмарках и выставках, проводимых в странах — членах СЭВ и СФРЮ по важнейшим проблемам науки и техники в 1969 г. М., 1969, 57 с.

Экономика стран социализма. Ежегодник. 1968. «Экономика», 1969, 256 с.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бабыдориц М. И. Маски й обличчя. Ужгород, 1969, 141 с.

Башкатов Б. А. Наш друг Болгария. Ростов н/Дону, 1969, 96 с.

Болдырев С. Н. Трижды приговоренный... Повесть о Г. Димитрове. Политиздат, 1968, 414 с.

Бачиньский А. Д., Дихан М. Д. Справжні другари. Одесса, 1969, 211 с.

Братская дружба, всестороннее сотрудничество. Политиздат, 1969, 223 с.

Братству крепнуть. Боевые подвиги сов. и чехословац. воинов при освобождении Чехословакии от фашизма. Воениздат, 1969, 78 с.

Бруз В. С. Борьба СРСР за створения системы коллективной безопасности в Европе і політика західних держав (1933—1935 рр.). Вид-во Київськ. ун-та, 1969, 227 с.

Воронеж — Брно. Рассказы о дружбе народов СССР и ЧССР, Воронеж, 1968, 296 с.

Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы, ч. 2. «Наука», 1969, 339 с.

Гринюк В. Сестра — Болгария. Политиздат, 1969, 128 с.

Громушкин Е. И. Под солнцем свободы (К 25-летию соц. революции в Болгарии). «Знание», 1969, 39 с.

Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, 176 с.

Димитров Д. Родопы по дороге к социализму. Махач-Кала, 1969, 35 с.
Дихан М. Асен Христав. Одесса, 1969, 131 с.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 6. 1933—1938. «Наука», 1969, 612 с.

Друзякова Н. М. 25 лет Народной Болгарии. «Знание», 1969, 32 с.

Дьяков В. А. Ярослав Домбровский. «Молодая гвардия», 1969, 237 с.

Жебокрийский В. А. Черный А. И. Народна республика Болгария. До 25-річчя соціалістичної революції. Вид-во Київ. ун-та, 1969, 81 с.

Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913 гг. «Наука», 1969, 395 с.

Зеленцов В. С. Уверенная поступь Народной Республики Болгарии (Материал в помощь лекторам и докладчикам). Орел, 1969, 18 с.

История международного рабочего и национально-освободительного движения (Уч. пособие). «Мысль», 1969, 660 с.

История южных и западных славян. Изд-во Моск. ун-та, 1969, 536 с.

Калениченко П. М. Співробітництво Радянської України та Народної Польщі. 1944—1969 рр. (До 25-річчя Народної Польщі). Київ, 1969, 35 с.

Клевеня А. С. Мировоззрение Владислава Спасовского. Филос. и социол. взгляды. Минск, 1969, 230 с.

Костиков П. К. Четверть века по пути социализма, (Народной Польше — 25 лет). «Знание», 1969, 48 с.

Лапоногов И. С. Дунайские были. События и люди. Политиздат, 1969, 295 с.

Летопись благородного подвига (Советский воин в Чехословакии). «Красная Звезда», 1968, 96 с.

Луковец А. И. Флаги над Вислой. «Правда», 1969, 175 с.

Максаковский В. П. Польша. Страноведческие очерки. «Просвещение», 1969, 207 с.

Навеки вместе. Воениздат, 1969, 322 с.

Научная конференция польских и советских историков по проблемам историографии. М., 1968. Материалы. М., 1969, 229 с.

Недорезов А. По пути прогресса. М., АПН, 1969, 32 с.

Ольшанский П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Сов. правительства за установление мирных отношений

с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.). «Наука», 1969, 260 с.

О н и х и м о в с к и й Л., К о б е л ь с к и й Д. Встреча с Польшей. Ташкент, 1968, 95 с.

Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября. «Мысль», 1968, 616 с.

Під впливом ідей Великого Жовтня. З історії міжнар. рев. руху 1917—1924. 36. ст. Наук. думка, 1969, 255 с.

П и с а р е в Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне (1914—1918). «Наука», 1968, 375 с.

Подпольная пресса 1861—1864 гг., ч. 2. Wroclaw — Москва, 1969, IX, 558 с.

Польские земли под властью Пруссии и восстание 1863 года. Wroclaw — Москва, 1969, LXXXVI, 371 с.

Сидельников С. И., Чернявский Г. И. Историко-слависты СССР. Библиограф. справочник. Харьков, 1969, 109 с.

Славяно-германские культурные связи и отношения. «Наука», 1969, 367 с.

Слов'яно-руські старожитності. Наук. думка, 1969, 183 с. з іл.

С н ы т к о Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. «Наука», 1969, 478.

Советско-болгарские отношения 1944—1948 г. Документы и материалы. Политиздат, 1969, 508 с.

Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов (Минск, 31 янв.— 3 февр. 1968 г.). Минск, 1969, 668 с.

С о х а н ь П. С. Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Г. Димитрова. Наук. думка, 1969, 255 с.

С о х а н ь П. С. Социалистический интернационализм в действии. УССР в сов.-болг. экон., научн.-техн. и культурном сотрудничестве. 1945—1965 гг. Наук. думка, 1969, 327 с.

Тезисы докладов и сообщений на симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы (Одесса, ноябрь 1969). М., 1969, 2 т.

Т и х о м и р о в М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. «Наука», 1969, 374 с.

Тончев И., Мельцер Д. Б. 25 лет по пути социализма. Минск, 1969, 25 с.

Целищев Н. Н., Бродский И. С. Маршрутами дружбы. Свердловск, 1969, 115 с.

Четверть века Народной Болгарии. Междунар. отношения, 1969, 215 с.

Четверть века социалистической революции в Болгарии (Материалы к лекции). «Знание», 1969, 22 с.

Юбилей дружбы. Сб. статей, посвящ. 90-летию освобождения Болгарии. Кишинев, 1969, 95 с.

Яковлев Н. Н. Дружба навечно. Куйбышев, 1969, 144 с.

Я с і н с к і А. Народная Польша. «Беларусь», 1969, 103 с.

2. К у л ь т у р а

Бардигола Я. К. Життя і творчість Владислава Ванчури. Київ, 1969, 26 с.

Б е р н ш т е й н И. А. Карел Чапек. Творч. путь. «Наука», 1969, 198 с.

Б о я д ж и е в Г. Н. От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров. «Просвещение», 1969, 351 с.

Г е п п е р т Э. Живопись. Каталог выставки произведений. Сов. художник, 1969, 11 с.

Д а л ч е в Л. Каталог выставки. М., 1969, 12 с.

Ж у р а в с к а я И. Е. Чешский антифашистский роман. Наук. думка, 1969, 268 с.

З а й ц е в В. К. Между Львом и Драконом. Дубровницкое Возрождение и эпическая поэма И. Гундулича «Осман». Минск, 1969, 164 с.

История европейского искусствознания. Вторая половина XIX — начало XX века. 1871—1917. Кн. 2. «Наука», 1969, 293 с.

История зарубежной литературы после Октябрьской революции, ч. 1, 1917—1945 (Учебн. пособие). М., 1969, 590 с.

История зарубежной музыки (Учебник для исполнит. фак. консерваторий. До середины XVIII в.). «Музыка», 1969, 535 л.

История польской литературы, т. 2. «Наука», 1969, 502 с.

Каталог выставки польских художественных тканей. Рига, 1969, 42 с.

К у л и к В. П. Стефан Жеромский в Українській РСР. Бібліогр. покажчик. Львів, 1968, 87 с.

Л о р д к и п а н и д з е Д. О. Ян Амос Каменский. Тбилиси, 1969, 446 с.

Л ь в о в а Е. П. Стоян Венев (Альбом). Сов. художник, 1969, 25 с.

М а р к о в Д. Ф. Болгарская литература наших дней. Худ. лит-ра, 1969, 175 с.

Октябрь и мировое кино. «Искусство», 1969, 395 с.

П а в е л к о В. У. Здружені у віках (Укр.-чехословац. культ. зв'язки). Київ, 1969, 44 с.

П а н ч е н к о А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. «Наука», 1969, 181 с.

Поэзия социализма. Художественные открытия поэзии соц. реализма. «Наука», 1969, 358 с.

Революционная литература Польши 20—30-х годов. Сб. статей, «Наука», 1969, 207 с.

Р о з е н ш и л ь д К. История зарубежной музыки (До середины 18 в.). «Музыка», 1969, 532 с.

Р у б а н о в а И., К у ш н и р М. Польское кино. Рига, 1969, 29 с.

Славянская филология. Сб. статей. Л., 1969, 208 с.

Слов'янські рукописи XI—XIV ст. у фондах відділу рукописів Центральної

наукової бібліотеки Академії наук. Укр. РСР. Наук. думка, 1969, 152 с.

Сучков Б. Л. Лики времени. Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Фаллада, Л. Фейхтвангер, Т. Манн. Худ. лит-ра, 1969, 445 с.

Урзова Л. Н. Польский плакат. Ист. очерк. Изобразит. искусство, 1969, 151 с.

Художественная форма в литературах социалистических стран. Очерки. «Наука», 1969, 391 с.

Шагинян М. Зарубежные письма. Сов. писатель, 1969, 479.

Шевчук В. И. Сатира Петера Карваша. Наук. думка, 1969, 152 с.

3. Языкознание

Білодід І. К. Леонід Арсенійович Булаховський. Наук. думка, 1968, 80 с.

Гудков В. П. Сербохорватский язык. Изд-во Моск. ун-та, 1969, 168 с. Дзєндєлєвскій І. О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Наук. думка, 1969, 211 с.

Железняк И. М. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Суффиксальная система сербохорв. антропонимии XII—XV вв. Наук. думка, 1969, 130 с.

Захаревич Е. А., Крылова Г. В. Болгарский язык. (Метод. указания, теорет. комментарий, тексты и упражнения по синтаксису простого предложения). Л., 1968, 146 с.

Исследования по польскому языку. Сб. статей. «Наука», 1969, 307 с.

Ковалева Е. Ф. Глагол старославянского языка (Мат-лы к курсу лекций «Старослав. яз.»). Кишинев, 1969, 45 с.

Майборода А. В., Коломі-

эць Л. І. Збірник вправ і завдань з старослов'янської мови. Київ, 1969, 179 с.

Митронова И. Н. и др. Карманный польско-русский и русско-польский словарь. Сов. энциклопедия, 1969, 563 с.

Можаяева И. Е. Южнославянские языки. Аннот. библиогр. указатель лит. опубл. в России и в СССР с 1835 по 1965 г. «Наука», 1969, 183 с.

Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках (Опыт эксперимент. исследования). «Наука», 1969, 286 с.

Питання словотвору східнослов'янських мов. Матеріали міжвузівської респ. наук. конференції. Наук. думка, 1969, 185 с.

Резвина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. Изд-во Моск. ун-та, 1969, 154 с.

Славянские литературные языки в донациональный период (Тезисы докладов). М., 1969, 24 с.

Славянское языкознание. Библиогр. указатель лит-ры, изд. в СССР с 1961 по 1965 г. «Наука», 1969, 466 с.

Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969, 232 с.

Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969, 212 с.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. «Наука», 1969, 262 с.

Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Тезисы докл. второго симпозиума (25—27 ноября 1969 г.). Минск, 1969, 47 с.

Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь. 50 000 слов. Сов. энциклопедия, 1969, 1139 с.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1968 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика.

Башев И. Министр Иван Башев о внешней политике Болгарии. «Новое время», 1969, № 36.

Брежнев Л. Н. Речь товарища Л. И. Брежнева (на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве 27 октября 1969 г.) «Правда», 1969, 28 октября.

Бутенко А. Интернациональное и национальное в мире социализма. «Новое время», 1969, № 41.

В атмосфере единности. (О пребывании делегации Верховного Совета СССР

в НРБ и ВНР летом 1969 г.). «Советы депутатов трудящихся», 1969, № 10.

Гусак Г. Речь товарища Г. Гусака (на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве 27 октября 1969 г.). «Правда», 1969, 28 октября.

Дудинский И. Мировая система социализма и международное развитие. Междунар. жизнь, 1969, № 11.

Дудинский И. Ответственность коммунистов (за единство действий государств социалистического содружества в мировом революционном движении). «Зарубежом», 1969, № 38.

Живков Т. Наш путь — путь болгаро-советской дружбы. «Новое время», 1969, № 37.

Жилин Ю. Важный вклад в марксистско-ленинскую теорию. (К выходу в

свет материалов международного Совещания коммунистических и рабочих партий.) Полит. самообразование, 1969, № 9.

Заявление Совещания министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора. (Прага, 30—31 ноября 1969 г.). «Правда», 1969, 1 ноября.

К а л а г а н о в А. Решающая сила в антиимпериалистической борьбе. (Об успехах социалистических авторов в области экономического и политического сотрудничества.) «Коммунист Татарии», 1969, № 9.

К о л о с к о в И. Европейская безопасность: реальности и иллюзии. (Концепции буржуазных авторов по проблеме европейской безопасности.) Мировая экономика и междунар. отношения, 1969, № 10.

Коммюнике о визите партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики в Советский Союз (1—3 окт. 1969 г.) «Правда», 1969, 4 октября.

Коммюнике о заседании редакционного совета журнала «Проблемы мира и социализма». (Прага, 30 окт.—3 ноября 1969 г.) «Правда», 1969, 4 ноября.

К о м о ч и н З. Испытанное оружие в борьбе за единство. (О роли интернационального единства.) «Правда», 1969, 15 октября.

К у д л а й Б. Мировая система социализма — решающая сила в антиимпериалистической борьбе. Коммунист Сов. Латвии, 1969, № 10.

К у р і ш к о в Л. Варшавський договір як форма політичного співробітництва соціалістичних країн. Вісн. Київськ. ун-ту, Сер. права, 1969, № 10.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий и проблемы юридической науки. Сов. государство и право, 1969, № 10.

Некоторые показатели развития мировой системы социализма. Вестн. статистики, 1969, № 10.

Р у м я н ц е в А., М и т и н М., М г и в е н і е р а д з е В. Актуальные вопросы борьбы против антикоммунизма. «Правда», 1969, 13 октября.

С в о б о д а Л. Речь товарища Л. Свободы (на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве 27 октября 1969 г.). «Правда», 1969, 28 октября.

Советско-югославский диалог. (О визите министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Югославию.) «Новое время», 1969, № 37.

Совещание в Праге (руководящего состава армий государств — участников Варшавского Договора, 3 ноября 1969 г.). «Правда», 1969, 4 ноября.

Совместное советско-чехословацкое заявление (о визите партийно-государственной делегации ЧССР в Советский Союз 20—28 окт. 1969 г.). «Правда», 1969, 29 октября.

С у х и н а Л. Г. К вопросу об особенностях регулирования политических от-

ношений в мировом социалистическом содружестве. Вестн. Ленингр. ун-та, Экономика. Философия, Право, 1969, № 17.

Ч у б а р ь я н А. О. Итоги международного Совещания коммунистических рабочих партий и задачи исторической науки. «Вопросы истории», 1969, № 9.

Ш е в ч е н к о Э. На страже мира и социализма. (О структуре и деятельности организации стран Варшавского договора.) «Вопросы и ответы», 1969, № 10.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. И с т о р и я

А р э х в а М. Праэс «Ста грыццаці трох» (Судебный процесс над коммунистами Западной Белоруссии во Львове в 1928 г.) «Польмя», Минск, 1969, № 9.

Б а ч и н с ь к и й А. Д. Біографічні матеріали — джерело для вивчення історії народної колонізації приднізьких степів у XVIII — на початку XIX ст. Іст. джерела та їх використання, 1969, вып. 4.

Б и л я к В. От Дрездена до Братиславы. Из истории событий в Чехословакии. «Новое время», 1969, № 37.

Б о е в Б. Торжество идей марксизма-ленинизма в социалистической Болгарии. Полит. самообразование, 1969, № 9.

Б о е в Р. У болгарского побережья в 1941 году. (О боевой деятельности советского подводного флота у болгарского побережья.) Морской сб., 1969, № 7.

Б о н е в В. Под боевыми знаменами. (О деятельности Отечественного фронта НРБ.) «Неделя», 1969, № 36.

Б р у к С. И., М а с л о в а Г. С. Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии. Сов. этнография, 1969, № 4.

Б у т о в с к и й И. Праздник «живого огня» в Азанае. (О древнем обряде, сохранившемся в Сербии). Сов. этнография, 1969, № 4.

В а с ю т а І. К. Західноукраїнське село під гнітом монополістичного капіталу в 20—30-х роках ХХ ст. Укр. іст. журн., 1969, № 9.

В о щ е н к о в К. П. К истории вопроса о демократическом решении дунайской проблемы. Вопр. истории, 1969, № 7.

Г е о р г и е в К. Архивное дело в Народной Республике Болгарии. Сов. архивы, 1969, № 4.

Г о р с ь к и й В. С. Методологічні пошуки в сучасній польській історико-філософській літературі. Філософ. думка, 1969, № 2.

Г р о с у л В. Я. О конституционалистской политике России на Балканах. (Влияние молдавско-валашских реформ на реформы в Болгарии.) Вопр. истории, 1969, № 8.

Г у с а к Г. О словацком национальном восстании. «Новое время», 1969, № 35.

Дмитриева Л. Н. Культурные связи между СССР и Югославией в период Великой Отечественной войны. Вестн. Ленингр. ун-та, 1969, № 14, История, Язык, Литература, вып. 3.

Евтимов К. Профсоюзы — важное звено в системе социального управления (в Болгарии). Сов. профсоюзы, 1969, № 16.

Живков Ж. Двадцать пять лет по пути социализма. (Об успехах социалистического строительства в Болгарии.) «Коммунист», 1969, № 13.

Жилин П. Империализм — виновник второй мировой войны. «Правда», 1969, 1 сентября.

Забілик С. У. Боротьба КПЗУ за народну освіту. Рад. школа, 1969, № 9.

Зайцев В. В. Політика Англії у зв'язку з другою Балканською (міжсоюзницькою) війною 1913 року. Вісн. Харк. ун-ту, 1969, № 35, Іст. сер., вип. 3.

Злупко С. М. П. О. Кулішні боротьба суспільних течій в Західній Україні. (Вторая половина XIX в.) Укр. іст. журн., 1969, № 8.

Иванов Т. К. Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае (НРБ). Сов. археология, 1969, № 4.

Іванців М. О. З історії робітничо-селянських делегацій в Польщі та Західній Україні до Рядявського Союзу в 1927—1931 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 9.

Калениченко П. М. Ленінської гвардії рядовий — Я. С. Ганецький. (К 90-літтю со дня народження.) Укр. іст. журн., 1969, № 7.

Кирилл, патриарх болгарский. 1100-я годовщина кончины святого Кирилла. Журн. Моск. патриархии, 1969, № 6.

Клоков В. І. Славна сторінка бойової співдружності. До 25 річчя Словацького повстання. Укр. іст. журн., 1969, № 8.

Конев И. С. Маршал Советского Союза. И. С. Конев об освобождении Польши. «Новое время», 1969, № 29.

Коцев В. 25-річчя соціалістичної революції в Болгарії. Укр. іст. журн., 1969, № 8.

Краминов Д. Тайные пружины «странной войны» (1939—1941 гг.) «Правда», 1969, 3 сентября.

Куликівський М. Д. Боротьба Польської робітничої партії за зміщення диктатури пролетаріата в 1947—1948 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 7.

Курдыбаха Л. Польские учителя в борьбе с фашизмом. Сов. педагогика, 1969, № 6.

Лукс Я. 25 лет чехословацкой Народной армии. Тыл и снабжение Сов. Вооруж. Сил., 1969, № 10.

Мальований О. М. З історії боротьби іллірійських племен з рабовласницькими державами Балканського півострова у VII—III ст. до н. е. Укр. іст. журн., 1969, № 8.

Манько А. Верная интернациональному долгу (О роли БКП в проведении в 1921—1922 гг. кампании сбора средств в помощь голодающим в России.) «Вопросы и ответы», 1959, № 8.

Марков М. По пути социализма. (25 лет социалистического строительства в Болгарии.) «Вопросы истории КПСС», 1969, № 9.

Марушиак О. Героическая Славия. (Об антифашистской борьбе в чехословацкой Склабине.) «Новое время», 1969, № 37.

Мельников Д. История предостерегает (О развязывании второй мировой войны). Мировая экономика и междунар. отношения, 1969, № 9.

Митев М. И. Пролетарский интернационализм и печать рабочего класса. («Рабочнически вестник» в защиту молодого Советского государства). «Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды», 1969, вып. 2.

Митряев А. И. Оцінка Яна Гуса в працях радянських істориків. (Обзор работ с конца 1930-х годов.) Вісн. Харк. ун-ту, 1969, № 35, Іст. сер., вип. 3.

Монин М. Создание армии Народной Польши. (К 25-летию Армии народной.) Воен. ист. журн., 1969, № 7.

Моторний В. А., Мороз О. Н. Из листування М., Павлика з Ф. Главачком. Укр. літературознавство, Львів, 1969, вип. 6.

Наливайко Д. С. Західноєвропейські історико-літературні джерела про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 8, № 9.

Новое правительство ЧССР. «Правда», 1969, 29 сентября.

Нюркєва А. З. Новейшие данные о связях и влиянии большевистской партии на сербскую социал-демократию (1906—1918 гг.). Уч. зап. Перм. ун-та, 1969, № 212. Вопросы истории междунар. рабочего и демокр. движения, вып. 7.

Олексюк М. М. З історії утвердження марксистсько-ленінської філософії на західно-українських землях 20—30-х роках ХХ ст. Філосо. думка, 1969, № 1.

Орлов А. Чехословацкой Народной армии — 25 лет. Воен.-ист. журн., 1969, № 10.

Орлова К. Н. Революционный опыт и его использование в других странах. (Великая Октябрьская социалистическая революция и народно-демократические революции в европейских странах. Уч. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та, 1969, вып. 25,

Остоя-Овсяный И. Д. Новое о Мюнхене. (По материалам английских архивов.) «Новая и новейшая история», 1969, № 4.

Павлович Е. У истоков народной Польши. (О народно-освободительной борьбе польского народа и роли коммунистической партии — предпосылках победы

народно-демократического строя в Польше. «Вопросы истории», 1969, № 7.

Пашковський Л. О. Діяльність Г. І. Бакалова та М. С. Державіна у справі розвитку радянсько-болгарських культурних зв'язків у 20—30-х роках. Вісн. Харк. ун-ту, 1969, № 35, Іст. сер., вил. 3.

Программное заявление правительства ЧССР. «Правда», 1969, 18 октября.

Проценко В. Т. Такое не забывается. (Об участии Черноморского флота в освобождении Болгарии от немецко-фашистских захватчиков. Морской сб., 1969, № 9.

Ратников А. Знаменательное событие в истории братского народа. (К 25-летию освобождения Белграда). Коммунист Вооруж. сил., 1969, № 19

Рекка Ю. М. А. И. Герцен и революционная эмиграция на территории Молдавии и Валахии в 50—60 гг. XIX в. (Связь А. И. Герцена с поляками, участниками восстания 1863 г.) Уч. зап. Перм. ун-та, 1969, № 212. Вопросы истории междунар. рабочего и демокр. движения.

Ржешевский О. Из истории одного предательства. (О политике западных держав в отношении так называемых «военных гарантий» Польше в 1938—1939 гг.) Воен.-ист. журн., 1969, № 9.

Самсонов Н. Г. Истоки славянского просвещения (К 1100-летию со дня смерти великого славянского просветителя Кирилла.) «Полярная звезда», Якутск, 1969, № 4.

Середюк І. Михайло Драгоманов і Болгарія. «Всесвіт», 1969, № 10.

Стеблій Ф. Про заборону святкування 90-ї річниці скасування кріпацтва в Західній Україні. «Архіви України», 1969, № 3.

Стец С. Народной Польше — 25 лет. «Под знаменем ленинизма», Киев, 1969, № 1.

Стецько П. І. Листи Е. Ярошинської до Ф. Ржегоржа. Укр. літературознавство, Львів, 1969, вил. 6.

Судец В. А. Освобождение Болгарии (1944 г.). «Новое время», 1969, № 36.

Твердохліб В. З історії революційної боротьби трудящих Прикарпаття в 1921—1939 рр. «Архіви України», 1969, № 3.

Тищик Б. И. Утворення Словацької Радянської Республіки (1919 р.). Вісн. Львів. ун-та, 1969, Сер. юрид.

Третьяков П. Н. Некоторые итоги изучения восточнославянских древностей. (К вопросу о происхождении славян). Краткие сообщ. о докладах и слезьях исследований Ин-та археологии АН СССР, 1969, т. 118.

Трофимова И. Партизаны спускаются с гор. (Об организации сопротивления в Софии в 1941 г. и восстании 9

сентября 1944 г.) «Новое время», 1969, № 36.

Трухановский В. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. (Январь — март 1921 г.) (О подписании мирного договора между РСФСР и Польшей в 1921 г.) Междунар. жизнь, 1969, № 10.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1969 г. «О награждении орденами СССР чехословацких граждан». «Ведомости Верховного Совета СССР», 1969, № 36.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении деревни Склабиня Мартинского района (ЧССР) орденом Отечественной войны I степени». «Ведомости Верховного Совета СССР», 1969.

Уроки недавнего прошлого. (Беседа главного редактора пражского еженедельника «Трибуна» О. Швестки и заместителя главного редактора «Трибуны» З. Горжени.) «За рубежом», 1969, № 37.

Цанева Н. П. Становление социалистического государства и печать. (По материалам болгарской прессы 1944—1945 гг.). Вопр. теории и практики массовых средств пропаганды, 1969, вып. 2.

Чапуга С. М. Комунисти Західної України — керівна сила революційної боротьби робітничого класу та трудящого селянства (серпень 1938 — вересень 1939 рр.) Укр. іст. журн., 1969, № 9.

Шинкарев И. Четверть века болгарской Народной армии. Воен.-ист. журн., 1969, № 9.

Шнитман А. М. День Ленина, Либкнехта, Люксембург в Болгарии в годы фашизма (1923—1944 гг.) Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1969, т. 396.

Штрома С. А. Ю. Охрана прав личности в уголовном процессе СФР Югославии. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства, 1969, вып. 17.

Юхневич Р. Профсоюзы ПНР на новом этапе. (О задачах профсоюзов в 1971—1975 гг.) Сов. профсоюзы, 1969, № 14.

2. Я з к о з н а н и е

Андел В. П. Про один факт в історії чеської лексикології. (Из истории слова «prigoda».) Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. філол., 1969, вып. 6.

Громова А. П. Синтаксические функции краткой и полной формы адъективных слов в старославянском языке. Учен. зап. Урал. гос. ун-та. 1968, № 86. Сер. филол., вып. II, Лингвистич. сб. № 2.

Ковалик І. І. Логіко-лінгвістична проблематика технічної термінології у слов'янських мовах. Вісн. Львівського держ. ун-ту. Сер. філол., 1969, вып. 6.

Кондрашов Н. А. Борьба за победу словацкого литературного языка (в 1844—1846 гг.) Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 228, Рус. яз., вып. 15.

Кондрашов Н. А. Неологизмы словацкого литературного языка на начальном этапе его развития. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 228, Рус. яз., вып. 15.

Ластовецька Г. К. Лексикографічні мости чесько-російської дружби. (Обзор лексикографических словарей, издававшихся в ЧССР с 1945 г.) Вісн. Львівського держ. ун-ту, Сер. філол., 1969, вип. 6.

Мошинский Л. К развитию праславянских сонантов. Вопр. языковедения, 1969, № 5.

Непокупный А. П. «Пояс» — одно из названий радуги в атласах балтийских и славянских языков. «Baltistica», Вильнюс, 1969, № 5 (1).

Онишкевич М. И. Українсько-цивденнослов'янські мовні зв'язки за даними бойківського діалекту. Вісн. Львівського держ. ун-та, Сер. філол., 1969, вип. 6.

Рупосова Л. П. О некоторых стилистических русизмах в словацком литературном языке. Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 228, Рус. яз., вып. 15.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1969, № 4

Е. Георгиев. Деятельность Кирилла и Мефодия — вклад болгарского народа в общеславянское и общеевропейское историческое развитие; А. Леонидов. Иностранные кредиты в Болгарии после первой мировой войны; З. Маркова. Болгарский народ и греческое духовенство в национально-культурной жизни 1-й половины XIX в.

«Литературна мисъл», 1969, № 4

Болгарское литературоведение перед двадцатипятилетним социалистическим юбилеем; М. Наг. Мое мнение о сегодняшней болгарской поэзии; В. Озеров. Стремительный рост; В. Дешлиу. Несколькo слов о болгарской культуре и литературе; С. Машинский. Болгария может быть спокойна за будущее своей литературы; С. Илизев. Новаторство социалистического реализма; Л. Тенев. Самые новые современные пьесы; Е. Константинова. История и современность; Н. Дончев. Современная болгарская литература за рубежом.

«Български език», 1969, кн. 4—5

Л. Андрейчин. Болгарский язык и болгарское языковедение в течение великого 25-летия; Р. Русинов. Развитие болгарской лексики и фразеологии после 9 сентября; П. Филкова. Стилистические изменения в лексике болгарского языка в последние десятилетия; Е. Балева-Станкулова. Nomina agentis в современной болгарской машиностроительной терминологии (в сравнении с некоторыми славянскими языками). Болгарское языковедение в период 1944—1969 гг.: В. Станков. Болгарская грамматика; К. Чолакова. Болгарская лексикография и лексикология; С. Бояджиев. Проблемы фразеологии в болгарской лексикологии; М. Янакиев. Болгарская стилистика; Е. Георгиева. Заботы о культуре языка; М. Минчева, Е. Дограмаджиева. История болгарского

языка; А. Андрейчин, В. Попова. История современного болгарского литературного языка; М. Младенов. Лингвистическая география; С. Стойков. Диалектная лексикология и лексикография; И. Лекков. Сравнительное славянское языковедение; М. Москов. Индоевропеистика, балканистика, ономастика и этимология; Т. Бояджиев. Текст из с. Сычанли, р-н Гюмюрджини; Е. Пернишка. Болгарский язык — источник патриотизма и национальной гордости; Л. Андрейчин. Снова об употреблении слов *среща* и *посрещане*; Р. Цойнска. Орфографические ошибки в юбилейных и декоративных каменных надписях; Р. Русинов. Ударение в существительном *представител*; М. Выгленов. Какой предлог требуется при существительном *изобилие*?; Л. Андрейчин. Об употреблении слова *деветмесечие*.

«Език и литература», 1969, кн. 5

В. Велчев. Просветитель славянства Константин Филосов в истории культуры; Е. Теодоров. Неотменный вид народных песен; П. Илчев. К характеристике первоначального состояния графической системы глаголицы; С. Георгиев. К вопросу о развитии лексики современного болгарского языка в период социалистического строительства; М. Виденов. К характеристике болгарского диалектного синтаксиса (выражение сказуемого в годечном говоре); Г. Венедиктов. О первом драматическом произведении на болгарском языке; К. Попов. Корреляция согласных фонем *л* и *л'* перед другими согласными в русском языке.

«Kwartalnik Historyczny», 1969, № 4

Я. Тазбир. Сарматизм и барокко; Ф. Зеяка. Две легенды о Якубе Шели; А. Ф. Грабски. Варшавские энтузиасты; Г. О. Бокля. Из истории варшавского позитивизма; А. Чубиньски. Новейшая история Польши 1864—1939.

«Przegląd Historyczny», 1969, № 2

Т. Мантейфель. В ожидании эры свободы и мира. Историсофия Иоахима Флорского; Б. Стемпневска. Значение паломничеств из Западного Судана в Мекку в XIII—XVI вв.; М. Хорн. Профессиональный состав пржеворского магистрата в 1600—1650 гг. на фоне профессиональной и социальной структуры городского населения; А. Каминьски. Начало антишведского союза. Из истории польско-русских отношений 1704—1706 гг.; М. Ваврыкова. Польские студенческие союзы в немецких университетах в 1817—1824 гг.; Б. Лопушански. Конституция «Общества польского народа» 1835 г.; Х. Булхак. Польско-французские штабные переговоры в Париже (сентябрь—октябрь 1922 г.).

«Z pola walki», 1969, № 2

В. Гурра. Внутренние и международные предпосылки образования народной власти в Польше; Г. Слабек. Социальные преобразования в народной Польше; Р. Халяба. Вопросы политики Польской рабочей партии в отношении лагеря реакции и Польской крестьянской партии; А. Пшигоньский. Научные исследования в области истории Польской рабочей партии в годы гитлеровской оккупации; В. Гурра, Н. Коломейчик. Проблемы исследовательской работы в области истории Польской рабочей партии в период народной Польши.

«Pamiętnik Literacki», 1969, № 2

А. Витковская. Миф славянского начала; С. Суботин. Легенды и правда о южнославянских романах Т. Т. Ежа; Е. Цесьликковский. «Над Неманом» Э. Ожешко; З. Урыга. «На скалах Кальвадоса» — роман критика; Л. Пщёловская. Рифма и акцентуационная константа в польском стихе; Т. Добжиньская. Как начинается и заканчивается высказывание.

«Slavia Orientalis», 1969, № 1

Е. Борейша. Норвид и Лавров; Т. Позьяк. Пьесы Гоголя в Польше в конце XIX — начале XX в.; Э. Корпала-Киршак. Рассказчик в цикле историко-биографических романов Ю. Н. Тынянова; М. Балий. Форманты — *-ань*, *-анья*, *-унь*, *-унья* в украинском языке; Э. Смуклова. Лексическая и словообразовательная дифференциация белорусских названий *жливья*; М. Кондратюк. Населенные пункты с двумя названиями в Бельском и Хайновском повятах.

«Język Polski», 1969, № 2

И. Байерова. Структурная интерпретация истории языка; Е. Остров-

ская. Неизвестные диалектные данные польского языка средневековья; Е. Мосско. О древнепольском географическом названии *Wilchwy*; Я. Гвардзикова. Об отношении «развертывания» в сложноподчиненном предложении; Диалектные тексты; В. Морозова. Тексты из северо-западной Малой Польши; А. Стеффен. Этимологические заметки; Ю. Речек. Переход *-x* в *-k* в Куявии?

«Československý časopis historický», 1969, № 5

М. Штепанек. Структурные изменения средневековых поселений; Я. Кулик. Петиционный комитет «Верны зустанеме» в период Мюнхена и Второй республики.

№ 6

Ф. Граус. Княжна Либуша — от легенды к национальному символу; Р. Эванс. Белая гора и культура Чешских земель; И. Петрань, Я. Гавранек. Крестьянское движение в Чешских землях в 1775—1918 гг.

«Historický časopis», 1969, № 2

Н. Крайчова. Словацкий Национальный Совет в 1918 г.; Я. Перутка. «Сокол» в Словакии в 1918—1933 гг.; Э. Врблиц. Восстановление промышленного производства в Словакии в 1945 г.

«Revue dějin socialismu», 1969, № 1

О. Урбан. К. Каутский и теория социализма накануне первой мировой войны; М. Вартикова. К вопросу взаимоотношений чехов и словаков весной 1945 г.; Я. Радоухова. Чехословацкое государство и католическая церковь после февраля 1948 г.

«Slovanský přehled», 1969, № 4

Р. Поспишил. Польша 1944 г. — время надежд; Р. Гофман. Югославия в решающем году войны; П. Градечны. Время решения — Албания 1944 г.; Й. Коларж. 25-летие возникновения народной Болгарии; К. Коржалкова. Антигитлеровская коалиция и страны средней и юго-восточной Европы в 1944 г.; Ж. Аврамовски. Рейнский кризис в 1936 г. и Югославия.

«Česka literatura», 1969, № 3

В. Мацура. Неологизм в структуре творчества Галаса; Я. Мед. Галас — Троил — Рейнек (опыт сравнительного анализа); Ю. Штепанкова. Вариации на тему «В. Б. Небеский»; З. Пеша. Типология чешской и словацкой лирики 20-х годов; Ю. Доланский. Источники Краледоворской и Зеленогорской рукописи; Р. Пытлик. Швейк в мире.

«Slovenska literatura», 1969, № 4

В. Турчаны. Введение в строфику Гвездослава; В. Кохал. Над Бениановым стихом.

«Slavica Slovaca», 1969, № 1

Г. Мор. О синонимии сочетаний глаголов движения с обстоятельствами места в чешском языке; Л. Новак. Аксиоматика семиологии линейных образований; Р. Кухар. Основа *řed-* в словацком и других славянских литературных языках; Л. Н. Смирнов. Двувидовые глаголы в современном словацком литературном языке; М. Москв. Словацкие и чешские слова тюркского происхождения; Э. Тврдонь. Название клевера в словацких диалектах; Я. Складана. История слова *samodružá*; М. Майтапова. Чешские и словацкие народные названия гриба дубовика крапчатого *Boletus erythropus* и дубовика обыкновенного *Boletus luridus*; А. А. Потебня. Суффикс причастия прошедшего времени страдательного *-ta*, *-na* и его производные в славянских языках.

«Jezik», 1968—1969, № 3

З. Винце. Филологические школы XIX в. в развитии хорватского литературного языка; Л. Ионке. Актуальные вопросы языка в настоящее время. С. Живкович. Настоящее время совершенных глаголов в зависимых предложениях; Р. Катичич. Субъект и предикат; В. Анич. Об одном акцентологическом процессе в литературном языке.

№ 4

С. Живкович. Настоящее время совершенных глаголов в зависимых предложениях; Р. Зетт. О проблематике сложных слов типа *nodomet*; Й. Силич. Дистрибуция фонем и вторичное *a* в современном хорватско-сербском литературном языке; Правление Матицы хорватской о языке; П. Ивич. За равноправие, но против раскола языка.

«Jesik in slovstvo», 1969, № 2

И. Есеновец. Употребление инфинитива; И. Шкафар. Прекмурские писатели в «Истории южнославянской письменности» Шафарика; С. Котник. От сравнения к сравнительному придаточному; В. Ламут. Об усилительном сложносочиненном предложении; Й. Топоришич. О некоторых категориях слов с одним и несколькими ударениями.

№ 3

Я. Сивец. Приемные испытания для учащихся в средних школах; П. Мерку. О местных славянских названиях Италии; В. Любап. Местные патронимические имена с суффиксами *-ci*, *-ovci*, и *-inci* в словенском языке; В. Херман. Восклицательный знак в предложениях без повелительного наклонения; Й. Топоришич. О предложении, членах предложения и отношении между сказуемым и подлежащим; Й. Стабей. Из истории словенских слов.

СИЛЕЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В КАТОВИЦАХ

На территории нынешнего Катовицкого воеводства вплоть до 1933 г. не было никакого научного учреждения гуманитарного профиля. В 1933 г. был создан Силезский институт, который, располагая скромными средствами, в сотрудничестве с учеными из других научных центров, занимался изучением истории Силезии и главным образом бывшего Силезского воеводства. С началом второй мировой войны его деятельность прекратилась.

Вскоре после освобождения страны от немецкой оккупации в 1945 г. институт возобновил свою работу. Политические изменения в стране и возвращение всей Силезии значительно расширили его задачи. В соответствии с этим была определена научная проблематика и создано отделение института во Вроцлаве. В 1949 г. он был включен в Западный институт на правах отдела, а в следующем году дирекцией Западного института упразднен.

13 марта 1957 г. Президиум Воеводской рады народной в Катовицах принял решение о создании Силезского научного института. В 1961 г. Воеводский комитет ПОРП в Катовицах определил главные задачи и направление его работы. Институт должен был стать важным центром научных исследований в области общественных наук и популяризации знаний о Силезии и Домбровском бассейне. Одной из важных задач института являлась подготовка научных кадров по разрабатываемой им проблематике. Научное курирование института постановлением Совета Министров от 1962 г. было возложено на Отделение общественных наук Польской академии наук. Институт находится под покровительством воеводских партийных и государственных органов, которые оказывают ему постоянную помощь. Обязанности председателя кураториума выполняет председатель Президиума Воеводской рады народной Ежи Зентек.

Вначале основными научными ячейками института были комиссии, в работе которых участвовали многие специалисты из других научных учреждений на общественных началах. Комиссии преимущественно занимались обсуждением научных проблем, нередко они выступали инспираторами отдельных исследований. По мере подготовки кадров и увеличения штатных работников изменялся характер работы института. Деятельность комиссий сокращалась, создавались группы, а затем и отделы, в которых работали в основном штатные сотрудники.

В 1967 г. институту было предоставлено право руководить подготовкой докторских диссертаций и присуждать ученую степень доктора. Всего в докторских семинарах занималось 42 человека, в том числе 13 сотрудников института.

Директором института является проф.-д-р Генрик Рехович, заместителем директора по научной части — доц. д-р Вацла Мрозек, ученым секретарем д-р Анджей Шефер, заместителем директора по административным делам — магистр Ришард Гжива. В настоящее время в институте работает 100 человек, из них 68 — научных сотрудников, в том числе экстраординарный профессор, 3 габилитованных доктора и 8 адъюнктов с ученой степенью доктора.

В институте имеются отделы: 1) исторических, 2) социологических и 3) экономических исследований и группа германоведения. При институте существуют комиссии: историко-литературная, этнографическая и археологическая.

Наибольших результатов институт добился в области исторических исследований, так как именно здесь ему раньше всего удалось сосредоточить квалифицированные кадры сотрудников.

1 января 1966 г. группа исторических исследований была преобразована в отдел (руководитель — доц. д-р Юзеф Хлебовчик). В отделе работают 4 самостоятельных научных сотрудника, 4 младших научных сотрудников, имеющих степень доктора; некоторые сотрудники отдела завершают работу над докторскими диссертациями. С отделом тесно сотрудничает группа историков других научных центров и университетов из Катовиц, Вроцлава, Варшавы.

Отдел в основном занимается изучением исторической проблематики, относящейся к территории современного Катовицкого воеводства, частично Опольщины и остальной части исторической Тешинской Силезии. Таким образом, кроме Верхней Силезии, часть которой в межвоенный период составляла основное ядро Силезского воеводства (до 1922 г. она принадлежала Германии), предметом научных интересов отдела является Тешинско-бяльский район, составлявший до 1918 г. часть австрийской Силезии, и Домбровский бассейн вместе с Ченстоховским округом. Исследования отдела постепенно выходят за эти территориальные рамки. Отдельные вопросы изучаются в аспекте общепольской проблематики, предпринимаются исследования, охватывающие более широко территорию.

Отдел исторических исследований имеет следующую структуру: 1) группа общественно-политических отношений до 1939 г.; 2) группа истории оккупации; 3) группа истории народной Польши; 4) группа по подготовке Силезского биографического словаря.

Научные интересы группы общественно-политических отношений сосредотачиваются на проблемах: а) положение и борьба рабочего класса Силезии и Домбровского бассейна, б) политическая жизнь и в особенности рабочее движение в этом регионе. Собраны и в значительной мере опубликованы в изданиях «Студия и материалы до дзеюв Слёнска» и «Заране Слёнске» богатые статистические и описательные материалы об условиях труда и жизни рабочих в межвоенный период (численность, структура занятости, проблема безработицы, работа несовершеннолетних и женщин, оплата и время труда, санитарные условия), забастовочном движении в эти годы, а также воспоминания деятелей рабочего, главным образом революционного движения, и лиц, занимавшихся хозяйственной деятельностью (XX век), картотеки предприятий (рубеж XIX—XX в.).

Из наиболее важных монографических исследований следует назвать книги о положении и борьбе рабочих Домбровского бассейна в годы мирового экономического кризиса (1929—1933): «Отголоски 1917 года в Домбровском бассейне, Ченстохове и Силезии», «В 50-ю годовщину Октябрьской революции». Кроме того, в изданиях «Студия и материалы до дзеюв Слёнска», «Заране Слёнске», «3 поля вальки» и «Пшеглэнд Гисторычны» опубликован ряд работ о положении пролетариата и рабочем движении в Домбровском бассейне (в период революции 1905—1907 гг. и в годы первой мировой войны) и Бельско-бяльском округе (XX в.), о страховании в горной промышленности Силезского воеводства. Была издана хроника рабочего движения в Верхней и Тешинской Силезии и Домбровском бассейне во второй половине XIX в. и первой половине XX в. с биографическими заметками о видных его деятелях. Много внимания было уделено силезским восстаниям: опубликованы источники, научные и популярные работы, в печати находится работа о Межсоюзнической административной плебисцитной комиссии в Верхней Силезии, значительно расширяющая знания о международных аспектах восстаний.

Значительны достижения в изучении проблематики немецкого национального меньшинства в Польше, разрабатываемой совместно с учеными других научных учреждений. Институт подготовил книгу о немецкой школе в Верхней Силезии в 1922—1939 гг., о немецком национальном меньшинстве в Польше и Чехословакии в 1938—1939 гг. (этот вопрос рассматривается в сравнительном плане) и впервые два очерка о деятельности Союза силезских повстанцев. Завершается ряд исследований по истории обра-

зования первых лет существования II Республики. Изучается история угольной промышленности в Польше.

Главным достижением группы истории оккупации является подготовка к печати большей частью уже опубликованных материалов, содержащих сведения о людских потерях на территории современного Катовицкого воеводства вследствие террора оккупантов. Результаты монографических исследований позволяют относительно точно, по сравнению с другими районами страны, выяснить основные факты и создать целостную картину левого движения Сопротивления. Эти результаты обсуждались на научных сессиях с участием зарубежных ученых. Значительно продвинулись вперед исследования о сущности гитлеровской политики по отношению к польскому населению в Катовицком регионе и об общей ситуации в первый период оккупации. Совместно с зарубежными учеными была подготовлена книга о военнопленных в Верхней Силезии в годы второй мировой войны.

Основная задача группы истории народной Польши заключается в том, чтобы в результате исследований по возможности полнее осветить процессы развития и структурных преобразований в Силезии и Домбровском бассейне в отдельные периоды строительства социализма. Круг тем, разрабатываемых группой, частично при участии внешних авторов, был и остается широким: от социально-экономических проблем тяжелой промышленности (в общегосударственном масштабе), различных проявлений и аспектов общественно-политической жизни, формирования и развития народной власти, истории ПРП и других политических партий и общественных организаций до вопроса заселения и проблем деревни включительно. По этой тематике вышли в свет отдельные книги, опубликованы проблемные статьи, сообщения и биографические очерки в четырех томах издания «Студия и материалы з истории Катовицкого воеводства» (V том готовится к печати), в материалах научных сессий, в специальных изданиях.

Подходит к концу работа над первым томом Силезского биографического словаря, в который включаются сведения о деятелях, игравших важную роль в общественно-экономической, политической, национальной и культурной жизни Верхней и Тешинской Силезии и Домбровского бассейна. Группа предоставляет свои материалы центрам массовой информации, заинтересованным учреждениям, общественным организациям и учащейся молодежи.

Сосредоточивая свое внимание прежде всего на монографических исследованиях, институт подготовил и ряд работ обобщающего, синтетического характера. В книге «Первые годы, 1944—1947» рассказывается о создании народной власти и осуществленных ею преобразованиях в Силезии и Домбровском бассейне (вышло уже два издания). В печати находится синтетический труд об общественно-политических отношениях в Силезском воеводстве до майского переворота. Ведется работа над книгой, в которой будет дано целостное освещение узловых проблем и главных этапов деятельности КПП в межвоенный период в общепольском масштабе и над «Историей Силезии» за тысячу лет. Разрабатываются теоретические и методологические вопросы национальной проблемы в Центральной и Восточной Европе в XVII—XX вв. Отдел исторических исследований провел научные сессии и конференции, посвященные силезским восстаниям (1961), 20-летию образования ПРП (1962), 20-летию народной власти (1965), 50-летию Октябрьской революции (1967), 50-летию коммунистического движения в Польше (1968), 30-летию нападения гитлеровцев на Польшу (1969). Материалы этих сессий опубликованы.

Созданная в 1957 г. социографическая комиссия была реорганизована в 1961 г. в социологическую группу. На базе группы в январе 1966 г. был создан отдел социологических исследований (руководитель — доц. д-р Ванда Мрозек). Задачей отдела является изучение общественных отношений в Катовицком воеводстве, на основе которого могут быть сделаны выводы, имеющие значение для практики социалистического строительства в этом регионе. При этом исследование местной проблематики должно координироваться с основными вопросами науки в общепольском масштабе. Социологические исследования должны быть всецело основаны на марксистской теории

и методологии и выполняться на высоком научном уровне. Предполагается, что отдельные исследования могут привести к созданию синтетических трудов и способствовать развитию марксистской теории и методологии социологической науки в нашей стране. Проведенные институтом исследования достаточно обширны. Некоторые из этих работ имеют новаторский характер в польской социологии, как например, исследование профессиональных групп (горняков и металлургов), общественных результатов новаторства и технического прогресса в силезской горной промышленности, структуры и общественных отношений верхнесилезских пригородов или демографическо-общественной проблематики новых городов-спутников.

Группа социологии промышленности ведет исследования по проблемам: рабочий класс и техническая интеллигенция в Катовицком воеводстве в период народной Польши; социальные условия технического прогресса; профессиональные группы рабочих. Одна из тем группы — социальные отношения на предприятиях, и в этих рамках формирование социальной системы на новых каменноугольных шахтах Рыбницкого угольного района и социальная интеграция и адаптация новых работников в социальной системе предприятия.

Предметом изучения группы социологии города и деревни являются изменения в социальной структуре и структуре заселения Катовицкого воеводства, функционирование городских учреждений как фактор формирования общественной жизни, проблемы методологии социального прогнозирования для нужд территориального размещения. Предусматривается развитие так называемой социологии жилища.

Группа современной культуры исследует вопросы: организация свободного времени в различных социальных группах, активность и культурные потребности, связанные с этим; социальное функционирование культурных учреждений и в частности структура публики на концертах, в театрах и т. п.; воспитание, и в этих рамках — влияние семьи и школы на формирование общественного сознания учащихся средних школ.

Группа изучения общественного мнения и демографических процессов, созданная в начале 1969 г., сосредоточивает внимание на проблемах: демография на территории современного Катовицкого воеводства с начала XIX в. до настоящего времени и подготовка труда на эту тему; смертность грудных детей (особенно смертность новорожденных); демографические процессы в прошлом; современная макро- и микродемография и демографические перспективы района. Изучение общественного мнения имеет практический характер. В 1969 г. были проведены три опроса населения. В 1970 г. будет создана группа по изучению молодежи, которая займется вопросами мировоззрения и общественной и политической позиции молодежи в разных социальных группах Катовицкого воеводства.

Институт организовал научные конференции по проблемам: «Семья и профессия» (1962 г.), «Общественно-демографические проблемы урбанизационных процессов» (1967), «Проблемы изучения рабочего класса» (1969) (совместно с Институтом философии и социологии ПАН). Готовятся тематические конференции: «Город как предмет научных исследований» и «Проблемы населения высокоразвитых промышленных районов» (совместно с Комитетом демографических наук ПАН).

В рамках экономической секции, а затем экономической комиссии в 1957—1964 гг. было подготовлено по заказам около 40 работ (обычно в рукописи) специалистами из других научных учреждений. Исследовались общие проблемы Катовицкого региона, местная экономика, жилищное строительство и жилищные условия, вопросы просвещения, культуры, здравоохранения, отдыха и развлечений, местной промышленности и мелкого производства, сельского хозяйства, условия жизни населения, развитие отдельных отраслей промышленности, экономические стимулы и методы управления производством, эффективность капиталовложений, рабочее самоуправление и другие вопросы.

С приемом на работу нескольких научных сотрудников в 1965 г. экономическая комиссия была преобразована в экономическую группу. Группа провела исследования по вопросам профессиональной активности населения в различных местностях,

воспроизводства рабочей силы, агломерации рабочей силы в городах и промышленных округах, квалификации кадров, демографии, обеспечения минеральном сырьем, изменения географической среды в Верхнесилезском промышленном округе, территориального размещения промышленности, специфики индустриализации, методики и направления работы местных координационных групп на территории Верхнесилезского промышленного округа, польско-советского экономического сотрудничества за 20 лет существования ПНР с учетом Катовицкого воеводства. В 1969 г. закончена работа над Атласом Катовицкого воеводства (он будет издан в 1970 г.). В Атласе к большому комплекту карт приложена обширная описательная часть, посвященная географическим проблемам. Карты в основном дают статическую картину в территориальном аспекте, а описания раскрывают динамику в масштабе воеводства, иногда и всей страны.

1 сентября 1969 г. экономическая группа была реорганизована в отдел экономических исследований (руководитель — д-р Ежи Петруха). Основной целью исследований отдела является выяснение условий и факторов экономического развития и модернизации экономической структуры воеводства, выявление связи бытовых условий с демографическим и экономическим развитием (структура потребления, коммунальные и жилищные вопросы, общественное обслуживание, резервы труда, возможности сокращения рабочего времени) и составление карт для местной администрации и изданий института. Отдел имеет группы: 1) региональной экономики, 2) общественной политики, 3) картографии. В 1970 г. завершается ряд работ об условиях и возможностях использования углехимического и нефтехимического сырья, об увеличении числа рабочих как фактора роста продукции, эффективности финансирования технического прогресса, о рынке труда, об основных видах грузового транспорта и о влиянии экономической деятельности на условия естественной среды Верхнесилезского округа. В издательском плане на 1970 г. числятся следующие работы: «Рынок продуктов питания в Катовицком воеводстве», «Размещение сельскохозяйственного производства в Катовицком воеводстве», «Условия нормализации рабочего времени в Катовицком воеводстве», «Активизация маленьких городов в Катовицком воеводстве», «Общественно-экономические преобразования промышленных районов Катовицкого воеводства».

Отдел подготовил научную сессию на тему: «Теоретические основы регионального баланса рабочей силы» с участием выдающихся ученых-экономистов Катовицкого воеводства и научных центров других регионов. В 1970 г. будут проведены научные сессии о роли технического прогресса в преобразовании экономической структуры Катовицкого воеводства и о географических и экономических проблемах заселения.

С начала своего существования институт ведет систематическое изучение современного состояния польско-немецких отношений. В 1963 г. комиссия германоведения, в работе которой принимали участие главным образом внеинститутские специалисты, была преобразована в соответствующую группу (руководитель — редактор Бронислав Шмидт-Ковальский).

Задачами группы являются: систематическая научная информация (подготовка документации, проведение экспертиз и популяризация знаний), изучение характера и функции западногерманского реваншизма, деятельности его главных учреждений и организаций («Остфоршунг», «землячества» и т. п.). Тематика группы постепенно расширяется. В рамках научной информации группа ведет цикл лекций и докладов, общих и специальных, о современной немецкой проблематике, организует научно-популярные сессии, готовит материалы, необходимые для практической деятельности, широко занимается публицистикой. Она участвует в общепольских сессиях по этой проблеме, а также в конференциях, проводимых в ЧССР и ГДР.

Группа организовала две научные сессии общепольского масштаба: в 1961 г. сессию по основным проблемам западногерманского реваншизма (совместно с Институтом Чехословацкой академии наук в Опаве; в ней участвовали ученые ЧССР и ГДР) и в 1965 г. сессию о разрушительных тенденциях в правовой науке и международной политике ФРГ (с участием ученых ГДР).

Группой были изучены следующие темы и вопросы: немецкое национальное мень-

шинство в Верхней Силезии в межвоенные годы в роли V гитлеровской колонны; международно-правовые основы статус кво в Европе как гарантия европейской безопасности и условие урегулирования отношений Польши с обоими немецкими государствами; основные политико-правовые доктрины западногерманского реваншизма; положение и экономическое развитие Силезии в Германии и Польше; направление и цели деятельности «Остфоршунга»; политика, организация и деятельность «земляческих» организаций в ФРГ; принципы политического воспитания молодежи в ФРГ и националистические и реваншистские его аспекты; общественно-экономическое положение и политическая функция переселенцев в ФРГ. Результаты этих работ опубликованы или изложены в докладах и лекциях.

В последние годы в направлении работы группы произошли изменения. План исследований предусматривает: применение принципа комплексного изучения, осуществяемого коллективно; выход из узкой реваншистской проблематики и рассмотрение ее в тесной связи с политикой западногерманского государства; изучение проблем, связанных с политической и экономической ролью ГДР; исследование немецкой проблематики в связи с интересами европейской безопасности и европейского экономического сотрудничества.

Далеко продвинута работа над книгами: «Европейская безопасность и политическое и экономическое сотрудничество между ПНР, ГДР и ЧССР», «Меморнал В. Якша» как программа антипольской и антисоциалистической политико-экономической диверсии; «ГДР — сегодня. Основные проблемы развития».

Продолжается исследование проблем: статус кво в Европе и отношения Польши с ГДР, ФРГ и Ватиканом; концепция «европеизации немецкой проблемы» как выражение стремления к немецкой гегемонии в Центральной и Восточной Европе; границы ГДР и ФРГ и безопасность Европы; пресса силезских переселенцев как орудие антипольского и антисоциалистического реваншизма.

Работы группы публикуются в двух сериях: научной и популярной.

Значительная работа проделана историко-литературной комиссией (председатель — редактор Вильгельм Шевчик). Вначале комиссия собирала материалы, необходимые для написания «Истории силезской литературы». Затем была составлена картотека материалов по периоду Молодой Польши в Силезии, проблемам народной литературы, литературного регионализма, силезско-польских литературных связей и другой тематике. Изучается чешская и словацкая литература (в особенности чешско-польские литературные связи) и немецкая литература, главным образом Верхней Силезии. Комплексное исследование позволило глубже, чем это делалось раньше, показать сложные историко-литературные процессы, происходившие в таком пограничном регионе как Силезия, и раскрыть идейные направления в силезской литературе. В центре внимания комиссии находятся проблемы современной литературной жизни Катовицкого воеводства, связанные с восприятием литературного творчества, читательскими интересами и информацией о художественных произведениях.

Археологическая комиссия (председатель — проф. д-р Рудольф Ямки) занимается в основном учетом и охраной памятников на территории воеводства. Она сотрудничает с многочисленными учреждениями и лицами, ведущими археологические раскопки и исследования. Работы под руководством проф. д-ра Альфреда Зарембы привели к созданию Лингвистического атласа Силезии. Этнографическая комиссия (председатель — доц. Юзеф Лигенза) ведет исследования по вопросам народной культуры.

Институт поддерживает тесные связи и нередко сотрудничает со многими польскими и иностранными учреждениями. Из польских следует назвать университеты Силезский, Ягеллонский, Вроцлавский, Варшавский, Институт истории партии при ЦК ПОРП, Центральную партийную школу при ЦК ПОРП, Институт истории ПАН, Институт истории польско-советских отношений ПАН, Институт философии и социологии ПАН, Высшую экономическую школу в Катовицах, Комитет территориального освоения страны и научно-исследовательские учреждения в Ополе, Познани, Ольштыне, Гданьске и Щецине, а также Комиссию истории партии Воеводского комитета ПОРП в Катовицах, исторические комиссии профессионального союза шахтеров и ме-

таллургов, Координационную комиссию по истории промышленности ПАН, Комиссию истории крестьянского движения, редакции биографических словарей, Историческую комиссию окружного правления Союза борьбы за свободу и демократию, Окружную комиссию по расследованию гитлеровских преступлений в Польше, Воеводскую группу региональных планов. Институт обменивается публикациями со многими научными учреждениями в Европе. Постоянные научные контакты имеются с Силезским институтом в Опаве, Высшей педагогической школой в Оставе, Институтом изучения стран народной демократии при Университете им. К. Маркса в Лейпциге. Институт постоянно поддерживает связь с Институтом общественных наук при ЦК СЕПГ в Берлине и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в Москве.

Много внимания институт уделяет популяризации знаний. По инициативе Воеводского комитета ПОРП он выпустил две брошюры, содержавшие материалы для дискуссии, которая предшествовала V съезду ПОРП. В первой освещались традиции рабочего движения и общественные преобразования, происшедшие на территории Катовицкого воеводства в годы народной власти. Вторая была посвящена экономическим преобразованиям в воеводстве. В связи с V съездом партии сотрудники института сделали большое количество докладов в учреждениях, на предприятиях, в школах. Широко пропагандировались среди общественности традиции коммунистического движения в Польше (научная сессия, посвященная 50-летию образования КПП, общепрофессиональные конференции, выступления сотрудников института на семинарах и собраниях, организованных Воеводским комитетом ПОРП).

Институт издал книги о Забже, Семяновицах, о Тарногурском повете, о Рыбницко-Водзиславской земле. Закончены монографии о Слэнской Руде, Домброве Гурничей, Свентохловицах, Заверьянском повете. Начата работа над монографиями о Катовицах, Чепстохове, Бельском и Люблинецком поветах. В подготовке этих монографий принимают участие региональные исследователи, что расширяет круг лиц, сотрудничающих с институтом.

Связи Института с общественностью находят также выражение в участии в региональных мероприятиях (конференциях и т. п.), организованных различными обществами. Другой формой популяризаторской работы является публикация статей научных сотрудников в прессе, выступления по радио и телевидению.

Институт издает «Студия и материалы з дзеюв Слэнска», «Студия и материалы з дзеюв воеводства Катовицкого в Польске Людовой», «Гурнослэнске студия социологичне», «Библиография Слэнска», «Писаже слэнсцы XIX и XX веку», «Библиотечка популярна», «Зешиты наукове» и кварталник «Заране Слэнске», в котором печатаются небольшие статьи и сообщения и прежде всего материалы научно-популярного характера.

Среди многих изданных работ следует назвать следующие: J. Chlebowicz. Wybory i świadomość społeczna na Śląsku Cieszyńskim w drugiej połowie XIX wieku. Katowice-Kraków, 1966; W. Gołębowski. Pierwsze lata 1945—1947. Katowice, 1969; J. Jaros. Historia górnictwa węglowego w Zagłębiu Górno-śląskim w latach 1914—1945. Katowice, [w druku]; J. Kokoł. Logika Poczdamu. Katowice, 1961; Odgłosy 1917 roku w Zagłębiu Dąbrowskim, Częstochowie i na Śląsku. Pod red. H. Rechowicza. Katowice, 1967; M. Orzechowski. Odra — Nysa Łużycka — Bałtyk w polskiej myśli politycznej okresu drugiej wojny światowej. Katowice, 1969; PPR na Górnym Śląsku i w Zagłębiu Dąbrowskim. Materiały sesji naukowej poświęconej XX rocznicy powstania PPR. Pod red. K. Popiołka i H. Rechowicza, Cz. I—II. Katowice, 1962; K. Popiołek. Śląsk w oczach okupanta. Katowice, 1960; H. Rechowicz. Sejm Śląski 1922—1939. Katowice, 1965; H. Rechowicz. Aleksander Zawadzki. Życie i działalność. Katowice, 1969; A. Szefer. Mniejszość niemiecka w Polsce i Czechosłowacji w latach 1933—1938. Katowice-Kraków, 1967; Źródła do dziejów powstań śląskich. Pod red. K. Popiołka, t. I, październik 1918 — styczeń 1920. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1963; Źródła do dziejów powstań śląskich. Pod red. K. Popiołka, t. II, styczeń 1920—grudzień 1920. Wrocław—Warszawa—Kraków, [w druku]. W. Mrozek. Rodzina górnicza. Prekształcenia społeczne w górnośląskim środowisku

górnicznym. Katowice, 1965; G. K r a u s. Społeczne aspekty wdrażania postępu technicznego w górnictwie węgla kamiennego. Katowice-Kraków, 1968; J. P i e t r u c h a. Kadry kwalifikowane województwa katowickiego. Katowice, 1969; R. B u c h a ł a. «Recht auf die Heimat». Studium z problematyki stosunków między NRF a wschodnimi sąsiedami Niemiec. Katowice—Kraków, 1969; J. K o k o t, A. B r o z e k. Integracja przemieszczonych w Niemczech po II wojnie światowej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966; Z. H i e r o w s k i. Życie literackie na Śląsku w latach 1922—1939. Katowice, 1969.

Заслуживают также внимания публикации материалов научных сессий и сборники воспоминаний коммунистических и рабочих деятелей. В серии научно-популярных изданий вышли: H. B a t o w s k i. Dyplomacja niemiecka 1919—1945. Zarys informacyjny. Katowice, 1969; T. J ę d r u s z c z a k. Powstania śląskie 1919, 1920, 1921. Katowice, 1966; K. P o p i o ł e k. Górnego Śląska droga do wolności. Katowice, 1967; J. P r z e w ł o c k i. Pierwsze powstanie śląskie. Katowice, 1969; 50 lat ZRSR. Zbiór artykułów. Pod red. H. Rechowicza. Katowice, 1967; H. R e c h o w i c z. Czerwone Zagłębie. Katowice, 1967; Ruch komunistyczny w Polsce 1918—1968. Pod red. H. R e c h o w i c z a. Katowice, 1969; A. S z e f e r. Miejsca straceń ludności cywilnej w województwie katowickim. Katowice, 1969; A. S z e f e r. Śląski wrzesień 1939. Katowice, [w druku]; Wierni sprawie. Oprac. J. K a n t y k a, H. R e c h o w i c z. Katowice, 1968; J. Z i e l i Ń s k i. Obrona Śląska i Zagłębia w kampanii wrześniowej 1939. Katowice, 1964; J. Z i e m b a. Biedaszyby Górnego Śląska i Zagłębia Dąbrowskiego. Katowice, 1967; 21 lat walki. Wspomnienia śląskich peperowców. Pod red. H. R e c h o w i c z a. Katowice, 1966; Z rewolucyjnych tradycji Górnego Śląska i Zagłębia Dąbrowskiego. Kalendarz historii ruchu robotniczego województwa katowickiego. Pod red. J. C h l e b o w c z y k a. Zasłużeni działacze rewolucyjni Śląska i Zagłębia. Pod red. H. R e c h o w i c z a. Katowice, 1967; J. P i e t r u c h a. Wizja demograficzna województwa katowickiego. Katowice, 1968; M. G r a b a n i a. Górnośląski Okręg Przemysłowy. Liczby — fakty — problemy. Katowice, 1964. R. B u c h a ł a. Ziomkostwa «Schlesierów» i ich rola w życiu politycznym Niemieckiej Republiki Federalnej. Katowice, 1962, и другие работы.

Генрик Резович

ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН МГУ

Прошло 30 лет с того памятного года, когда по инициативе крупнейшего советского ученого-слависта В. И. Пичеты на Историческом факультете была основана кафедра истории южных и западных славян. Тем самым было положено начало систематической подготовке в стенах старейшего университета страны высококвалифицированных историков-славистов, в которых ощущалось в те предвоенные годы особенно острая потребность. Кафедра, которую возглавлял В. И. Пичета, имела в 1939/40 учебном году лишь двух преподавателей: кроме самого руководителя новой кафедры вел занятия видный чехословацкий общественный деятель и ученый акад. Э. Неудлы. Уже в первые послевоенные годы кафедра становится настоящей кузницей кадров для научных учреждений и высших учебных заведений. Ею были подготовлены и воспитаны и те, кто ныне обеспечивает успешную работу кафедры. Ее выпускники составляют основную часть историков-исследователей, работающих в Ин-

ституте славяноведения и балканистики АН СССР. Последние годы на кафедре работает уже не два, как было 30 лет назад, а 10 преподавателей; по истории зарубежных славянских стран специализируются не единицы, а десятки студентов. За время своего существования кафедра выпустила более 50 специалистов по истории болгарского, польского, чешского, словацкого и югославских народов.

Многочисленные воспитанники кафедры, съехавшиеся из разных городов страны, студенты, обучающиеся в текущем учебном году, собрались 17 октября 1969 г. в Большой Тихомировской аудитории Исторического факультета МГУ, чтобы отметить 30-летие кафедры. На заседании присутствовали сотрудники посольств славянских социалистических стран: М. Георгиева (Народная Республика Болгарии), Т. Збоиньский (Польская Народная Республика), С. Алексич (Социалистическая Федеративная Республика Югославии), профессора и преподаватели Исторического и Филологического фа-

культетов МГУ, представители многих высших учебных заведений и научных учреждений.

С докладом о деятельности кафедры истории южных и западных славян выступил ее заведующий доц. И. А. Воронков. Декан Исторического факультета МГУ проф. И. А. Федосов, поздравив коллектив кафедры, ее выпускников и студентов с юбилеем, отметил, что кафедра истории южных и западных славян занимает важное место в системе университетского исторического образования.

С приветствиями и пожеланиями коллективу кафедры дальнейших успехов выступили А. Е. Москаленко (Воронежский университет), П. И. Резонов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР), И. И. Толстой (Филологический факультет МГУ), А. М. Митряев (Харьковский университет), Т. Г. Свистунова (Орловский педагогический институт), Ю. А. Поляков (Донецкий университет) и многие другие, в том числе многочисленные питомцы кафедры, занятые ныне научной и преподавательской работой, сотрудники архивов, журналисты и т. д. Присутствующие тепло встретили выступление проф. С. А. Никитина, много лет возглавлявшего кафедру.

На заседании были оглашены многочисленные приветствия и поздравительные телеграммы, полученные по случаю юбилея от выпускников, работающих ныне в разных городах страны, а также от коллективов историков и отдельных ученых из вузов и научных учреждений Советского Союза. Свои поздравления прислали кафедре историки-слависты Ленинградского, Киевского, Белорусского, Саратовского, Львовского, Иркутского, Мордовского, Ужгородского, Петрозаводского и Черновицкого университетов, Краснодарского пединститута, филологи Одесского университета.

Были получены также письма и телеграммы от историков социалистических стран, с которыми кафедра поддерживает самые тесные связи. Из Болгарии прислали поздравительные письма — от имени Отделения исторических и педагогических наук Болгарской АН академик-секретарь этого Отделения проф. Ди-

митр Косев, являющийся почетным доктором Московского университета, от имени Института истории — его директор чл. корр. БАН Христо Христов.

Много поздравлений поступило от польских историков: директора Исторического института Варшавского университета проф. А. Гейштора, руководителя кафедры истории рабочего движения Варшавского университета проф. Ж. Кормановой, проф. Ц. С. Бобиньской, главного редактора журнала «З поля вальки» Ф. Тыха, работников Исторического института, кафедр истории Польши XIX в. и истории СССР Лодзинского университета, доцента Люблинского университета А. Копруковняка.

Из Чехословакии прислали кафедре свои поздравления историки всех университетов страны. В прошлом много лет являвшийся ректором Карлова университета проф. Я. Прохазка в письме членам кафедры с особым удовлетворением вспоминает о своем пребывании в Московском университете, где он читал лекции для студентов, специализирующихся по истории зарубежных славянских народов. Сердечно поздравил кафедру с 30-летием канд. ист. наук Ч. Аморт, д-р ист. наук В. Крал, акад. Л. Штолц, доц. М. Пиш.

Из Югославии кафедре прислали пожелания успехов в дальнейшей работе проф. Белградского университета Д. Янкович, акад. Д. С. Радоичич, а также сотрудники Института истории в Титограде (Черногория) Р. Иванович и И. Бойович.

Из Румынии поздравительную телеграмму прислал зам. директора Института истории Румынской академии наук Ш. Штефанеску.

В актовом зале Исторического факультета была организована выставка научных работ членов кафедры и лучших дипломных работ ее студентов.

18 октября участники торжественного заседания посетили Новодевичье кладбище и возложили цветы на могилу основателя и первого руководителя кафедры акад. В. И. Пичеты.

И. В. Созин

СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 1100-ЛЕТИЮ ГЛАГОЛИЦЫ

С 22 по 28 сентября 1969 г. Югославянская академия наук и искусств совместно со Старославянским институтом им. Светозара Ригица провели в Хорватии симпозиум, посвященный 1100-летию глаголицы — первой славянской азбуки. На симпозиуме были заслушаны 29 докладов, из них 16 были прочитаны учеными Югославии, остальные 13 — учеными Австрии, Англии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, СССР, США. От

Советского Союза с докладами выступили Л. П. Жуковская и А. С. Львов.

Симпозиум имел целью освещение проблем глаголицы и ознакомление с глаголическими памятниками письменности (рукописями, граффити, печатными изданиями и др.) на месте их нахождения или хранения. В связи с этим заседания симпозиума проходили в городах Загребе, Риеке, Пазине, Крк (о. Крк), в монастыре на о. Кошпук, в г. Сень.

В Риеке участники симпозиума осмотрели выставку памятников глаголической письменности XI—XVIII вв., а в Загребе ознакомились с работой Старославянского института.

Доклады на симпозиуме были посвящены разнообразным темам. Более общие проблемы были освещены в интересных докладах В. Штефанча («Определение хорватского глаголизма»), Й. Хамма («Русская редакция в глаголических памятниках»), С. Грачотти («О хорватской глаголической литературе как культурном посреднике между европейским Западом и славянским Востоком») и др. В нескольких докладах рассматривались вопросы фонологии и фонетики (А. С. Львов — «Глаголица и некоторые проблемы прастарославянской фонетики», О. Неделькович — «Фонологическая система начальной глаголицы», Л. Матейка — «Графический состав в ранней славянской письменности»). В отдельных докладах детально характеризовались задачи издания глаголических памятников письменности (В. Экл, И. Голуб и А. Назор), сообщалось о глаголических рукописях, хранящихся в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Англии и других странах, и об их отношении к хорватской глаголице. Некоторые доклады не имели прямого отношения к тематике симпозиума, например, доклад Х. Поленаковича об употреблении греческого ал-

фавита в македонских текстах. Все доклады, прочитанные на симпозиуме, будут опубликованы.

В целом симпозиум был полезным. Симпозиум привлек большое внимание югославской общественности, о чем свидетельствует широкое освещение его работы в прессе, по радио и телевидению. Симпозиум принял развернутое решение, одобренное Югославянской академией наук и искусств, в котором, в частности, рекомендуется:

1) Югославянской академии наук и искусств издать «Corpus inscriptionum glagoliticum», который охватил бы не только югославские глаголические памятники письменности, но и все остальные глаголические надписи и граффити;

2) создать центр (может быть, в Старославянском институте им. Светозара Ритига) библиографии всей глаголической документации — палеографии, языка и литературы;

3) Старославянскому институту составить каталог всех глаголических рукописей и их фрагментов, хранящихся в Югославии и в других странах;

4) Академиям наук включить в план коллективное составление компендия старославянского языка, в котором были бы отражены палеография, язык и литература глаголических и кирилловских памятников письменности.

А. С. Львов

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

24 сентября 1969 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук В. И. Злыдневым на тему «Русско-болгарские литературные связи (1918—1944гг.)».

Диссертация В. И. Злыднева, видного специалиста в области славянского литературоведения — итог его многолетней и плодотворной работы над проблемой русско-болгарских культурных и литературных отношений. Ее написанию предшествовал выход в свет двух вариантов книги В. И. Злыднева: на русском языке — «Русско-болгарские литературные связи XX века» (изд. «Наука», М., 1964) и на болгарском языке — «Источники дружбы» («Извори на дружбата». Очерци за руско-български литературни връзки на XX в. Изд. «Наука и искусство», София, 1968), а также многочисленных статей и исследований.

Диссертация состоит из вводной части, где дается анализ научной литературы по исследуемой проблеме, и шести глав. Первая глава освещает некоторые общие вопросы теории и методологии литературных связей, вторая — рассматривает влияние Октябрьской революции на ли-

тературный процесс в Болгарии, третья — проследживает основные тенденции развития русско-болгарских литературных отношений в межвоенный период; четвертая и пятая главы посвящены деятельности Г. Бакалова и Л. Стоянова, внесших особенно значительный вклад в развитие русско-болгарских культурных и литературных отношений. Последняя, шестая глава исследует характер распространения и изучения болгарской литературы в Советском Союзе и вопросу связей крупнейшей советских славистов с болгарскими учеными и писателями.

Официальными оппонентами на защите выступили д-р филолог. наук Н. П. Михальская, д-р филолог. наук А. Л. Григорьев, д-р ист. наук Л. Б. Валев. Они отметили, что в диссертации В. И. Злыднева, посвященной одной из наиболее актуальных проблем современного советского литературоведения — взаимосвязи национальных литератур, впервые в нашем литературоведении дана широкая обобщающая картина литературных связей двух братских народов в один из важных периодов их истории.

Сочетая разделы обобщающего характера с изучением и анализом конкретных литературных явлений, диссертация рас-

крывает значение идейного воздействия Октябрьской революции на болгарский литературный процесс, рассматривает пути становления методов социалистического реализма в Болгарии.

Анализируя ведущие закономерности русско-болгарских литературных связей XX в., В. И. Злыднев показывает, что традиционные связи двух литератур приобретают качественно новый характер, расширяется и изменяется содержание влияния в обстановке утверждения социалистического реализма и ленинизации литературно-критической мысли в Болгарии.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СТОЙКО СТОЙКОВА

Болгарское языкознание понесло тяжелую и невосполнимую утрату. 9 декабря 1969 г. после тяжких страданий в расцвете творческих и физических сил скончался профессор Софийского университета, заместитель директора Института болгарского языка Болгарской академии наук, руководитель диалектологической секции Института Стойко Иванов Стойков. Ушел из жизни не только крупный ученый, оставивший капитальные труды в области диалектологии, фонетики и истории болгарского литературного языка, но и выдающийся организатор многих коллективных научных предприятий, руководитель большой школы молодых и отлично подготовленных ученых, имеющей международный авторитет.

С. Стойков родился 2 октября 1912 г. в Софии в семье ремесленника. После окончания Софийского университета, он некоторое время работал учителем в провинции, а затем получил заграничную командировку в Прагу, где под руководством известного чешского фонетиста проф. Я. Хлумского приобрел основательные познания и технические навыки в области экспериментальной фонетики. По возвращении из Чехословакии был назначен ассистентом университета, получил звание доцента, а затем профессора. В течение многих лет проф. Стойков читал лекции по болгарской фонетике и диалектологии, руководил практическими занятиями студентов, их дипломными работами, возглавлял диалектологические экспедиции. Он создал фонетическую лабораторию в университете, которая в настоящее время оснащена новейшей аппаратурой. Много времени и сил отдавал организационной и административной работе. Ряд лет он был заместителем ректора университета, возглавлял филологический факультет, в течение многих лет был заместителем директора Института болгарского языка, входил в редколлегию журнала «Български език» и «Език и литература», был одним из ведущих организаторов V Международного съезда славистов, состоявшегося в Софии

Диссертация содержит большое количество новых, впервые вводимых в научный обиход, ценных материалов и архивных документов.

Работа В. И. Злыднева является важным вкладом в советскую болгаристику, в изучение и разработку проблемы русско-болгарских литературных связей.

Ученый совет Института славяноведения и балканистики присудил В. И. Злыдневу ученую степень доктора филологических наук.

Л. Шахова

в 1963 г., принимал активное участие в работе Московского (1958) и Пражского (1968) съездов славистов. Проф. С. Стойков успешно руководил деятельностью комиссии по фонетике и фонологии при Международном комитете славистов.

Важнейшей областью научных интересов проф. С. Стойкова была диалектология. С его именем связан важный и значительный этап в истории болгарской диалектологии. Первая крупная работа С. Стойкова в этой области была опубликована в 1937 г. Это был «Показалец на обнародваните материали по българска диалектология», содержащий полный и всесторонний учет всех опубликованных диалектологических материалов из 1766 населенных пунктов в Болгарии и за ее пределами.

Первые болгарские языковеды Л. Милетич, Б. Цонев, А. Теодоров-Балан и др. изучали говоры теми приемами и методами, которые получили широкое распространение в конце XIX и начале XX в. В 20-е годы XX в. в славянской диалектологии постепенно начали применяться новые методы изучения диалектов — методы лингвистической географии. Интенсивное развитие славянской лингвистической географии началось в послевоенные годы. В Болгарии новое направление возглавил проф. С. Стойков, который творчески и во многом самостоятельно применял эти новые методы изучения народных говоров. Он составил диалектологический вопросник, на который были получены ответы из многих сел Болгарии. В 1956 г. началась работа над «Болгарским диалектологическим атласом». В ней приняли участие десятки молодых диалектологов, а также группа болгаристов из Советского Союза. История болгарского языкознания еще не знала работ такого масштаба. Душой всего предприятия был С. Стойков, который не только осуществлял общее руководство работой, но и вникал во все мелочи экспедиционной жизни. Первый том «Болгарского диалектологического атласа» был опубликован в 1964 г., вто-

рой — в 1966 г. В настоящее время завершается работа над третьим томом. Предстоит работа над четвертым томом, посвященным северо-западным говорам Болгарии. Нет сомнений, что ученики проф. Стойкова успешно доведут до конца издание этого выдающегося труда в современном болгарском языкознании. Параллельно с работой над большим атласом Стойков самостоятельно готовил небольшой однотомный атлас, который в своей основной части уже готов. Надо надеяться, что и этот труд С. Стойкова также будет опубликован.

За последние 15 лет проф. Стойков опубликовал много частных исследований по болгарской лингвистической географии. Они дают ясное и точное представление о распространении многих фонетических, морфологических и лексических явлений болгарского диалектного языка.

С. Стойков-диалектолог интересовался не только проблемами лингвистической географии и картографирования. Его перу принадлежит ряд монографических описаний отдельных говоров, среди которых выделяется двухтомный труд, посвященный языку банатских болгар. В этой монографии С. Стойков впервые в болгарской науке дает глубокое и всестороннее описание звуковой системы, фонологической структуры, ударения, морфологии, словосочетаний, простого и сложного предложений, словообразования и лексикологии отдельного говора. Второй том содержит словарь. Составленный им словарь языка банатских болгар не имеет себе равных не только в болгарском языкознании. Словарь содержит около 10 000 лексических единиц, много фразеологических сочетаний. Это первый полный славянский диалектный словарь, в котором дается детальная разработка значений, с иллюстрацией их надежными примерами.

Последние годы своей жизни С. Стойков много сил и времени отдал изучению родопских говоров. Почти завершена монография о говоре с. Мугла, Девинского района. Предварительные публикации свидетельствуют, что эта монография даст ответ на ряд важных вопросов из исторической диалектологии болгарского языка.

Большой интерес проявлял С. Стойков к говорам болгар Советского Союза. Он внимательно следил за работами советских болгаристов-диалектологов. Он изучал говор Сливенской Твърдицы, продолжив описание говора бессарабской Твърдицы, выполненное Н. В. Котовой; он входил в состав редколлегии «Статей и материалов по болгарской диалектологии», которые издавал Институт славяноведения АН СССР.

Несколько лет тому назад под руководством проф. Стойкова началась работа над большим диалектным болгарским словарем. Эта работа будет продолжена

его учениками — М. Младеновым и Т. Бояджиевым.

Много лет С. Стойков работал над учебником по болгарской диалектологии. Первоначально это был литографированный курс, позже — небольшое руководство, затем — полное и всестороннее описание всех говоров в капитальной монографии, опубликованной уже дважды.

Проф. Стойков принимал активное участие в создании «Общеславянского лингвистического атласа», в разработке теории атласа родственных языков, в различных организационных мероприятиях комиссии по Общеславянскому лингвистическому атласу при Международном комитете славистов. Он подготовил и успешно провел последнюю сессию этой комиссии в Софии в мае 1969 г. Мне пришлось в течение многих лет работать вместе со Стойковым в различных районах юго-восточной Болгарии, в Благоевградском районе, наблюдать за его методикой работы. Это был отличный полевой диалектолог, который легко и быстро умел устанавливать контакт с информатором любого возраста. С большим мастерством он умел вести беседу, направляя ее так, чтобы в кратчайший срок получить ответы на вопросы программы. Он отлично знал быт и весь уклад жизни болгарского крестьянина, имел среди крестьян много друзей. Установлению тесного контакта и доверия помогало еще и то, что С. Стойков легко практически усваивал любой местный говор.

Параллельно с изучением говоров проф. Стойков систематически проводил многочисленные наблюдения и исследования в области экспериментальной фонетики. Здесь объектом его наблюдений был уже литературный язык. С полным основанием можно сказать, что в этой области языкознания он был в Болгарии первым ученым. До работ С. Стойкова приходилось обращаться к наблюдениям О. Брока, Я. Розвадовского и Р. Экблома. Еще в 1942 г. С. Стойков опубликовал серьезное и вполне самостоятельное исследование «Български книжовен изговор. Опитно изследване», в котором обратил особое внимание на физиологию звуков. В последующих работах рассматриваются многие сложные и спорные вопросы болгарской фонетики. В 1955 г. была опубликована книга «Увод в българската фонетика», в котором были подведены первые итоги наблюдений над болгарским литературным произношением. Эта книга переиздавалась дважды. Рецензенты разных стран высоко оценили этот труд болгарского фонетиста. С. Стойков исподволь готовил капитальный труд, который бы содержал всестороннее и полное описание физиологии и акустики звуков болгарской речи, фонем и их дистрибуции, структуры слога. К сожалению, ученый не успел завершить своей книги.

Среди большого списка печатных работ

проф. С. Стойкова есть немало исследований, посвященных истории болгарского литературного языка, проблемам орфографии, словарному делу. Здесь особое место занимает его монография «Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език» (София, 1948). Автор широко использовал болгарскую поэзию для решения вопроса о произношении *ѣ* различными поэтами XIX и XX вв. По этому поводу рецензент книги проф. К. Мирчев писал: «У Стойкова впервые находим всестороннее изучение рифм в болгарской поэзии для освещения лингвистического вопроса».

Проф. С. Стойков входил в редакционную комиссию большого академического словаря болгарского языка под редакцией акад. С. Романского, участвовал в составлении однотомного толкового словаря и орфографического словаря.

Не чужды были С. Стойкову и интересы болгарской средней школы. Он не

только участвовал в подготовке учителей, но и писал учебники и учебные пособия по родному языку для средней школы.

Проф. С. Стойков много раз бывал в Советском Союзе. Он читал курс лекций по болгарской фонетике и диалектологии в Московском университете, выступал с докладами в Институте славяноведения АН СССР.

Оборвалась яркая, полная напряженного творческого труда жизнь. Осталось много незавершенных исследований и планов. Дело чести учеников и друзей покойного сделать все возможное, чтобы довести до конца начатые им работы, осуществить намеченные планы.

Навсегда в памяти советских болгаристов останется светлый образ нашего болгарского друга, его безграничная преданность науке, любовь к ученикам, его принципиальность, кипучая энергия и жизнерадостность.

С. Б. Бернштейн

CONTENTS

<i>E. M. Zhukov.</i> Some problems of the development of the world socialist system. <i>A. I. Nedorezov.</i> A quarter of the century in the struggle for socialism. <i>Antoni Pšys̄gonsky</i> (Poland). The Warsaw uprising in 1944. <i>E. P. Naumov.</i> Roads and tendencies of Serbia's economical development (XIII—XIV centuries). <i>S. Nikolsky.</i> The plot and the genre of K. Capek's play «Case of Macropulos» <i>G. P. Klepikova.</i> On some Southern-Slavic-Northern-Russian lexical parallels	3
--	---

PEOPLE, FACTS, EVENTS

<i>V. D. Koroljuk.</i> B. Lešmian's poetry in A. Goliaxovskaja's drawings	78
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>I. I. Leščilovskaja.</i> The modern Yugoslav historiography of the illirism. <i>P. M. Kaleničenko.</i> Andrzej Ślisz. Prasa polska w Rosji w dobie wojny i rewolucji (1915—1919). <i>I. A. Kalojeva.</i> «Българо-руски научни врѝзки XIX—XX век. Документи». <i>A. E. Moskalenko.</i> A very usefull initiative. <i>L. Sofronova.</i> The sources on the history of the Polish material culture. <i>Yu. Smitrnov.</i> The magazine «Македонски фолклор». <i>I. Revzin.</i> <i>J. Vachek.</i> Dynamika fonologického systému současně spisovně češtiny	83
---	----

Bibliography

Books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the USSR at the end of 1968—1969. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav-peoples published in Soviet periodicals in 1969 (continued). The contentst of foreign periodicals	104
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Henrik Rehowich</i> (Poland). The Silesian scientific Institute in Katowicy. <i>I. V. Sozin.</i> The anniversary of the department of history of the Southern and Western Slavs. <i>A. S. Lvov.</i> Symposium on the 1100-th anniversary of the glagolitsa. <i>L. Sahova.</i> The defence of a dissertation thesis	115
<i>S. B. Bernštejn.</i> In memoriam prof. Stojko Stojkóv	125

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 11/II—1970 г.	Т-06735	Подписано к печати 20/IV 1970 г.	Тираж 1235 экз.
Зак. 140	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 11,2	Бум. л. 4
			Уч.-изд. л. 12,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Р

В ОРЛЕНКА

Д 34/38 НВ 40

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891